

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

На правах рукописи

КАШПЕРСКАЯ Александра Петровна

**ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И ЖАНРА В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ XV ВЕКА
О ВАЛАШКОМ КНЯЗЕ ВЛАДЕ III**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е.Р.Сквайрс

Москва 2015

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Историческая основа ранних текстов о Владе III.....	12
1.1. Исследовательская литература.....	12
1.2. Историческая основа сюжета о Владе III.....	15
1.3. Выводы.....	23
Глава 2. Лингвотеоретические основы исследования.....	25
2.1. Лингвопрагматические аспекты.....	25
2.2. Проблема филолого-лингвистической классификации жанров и ранние тексты о Владе III.....	29
Глава 3. Немецкоязычные тексты о Владе III, их возникновение, задачи и преемственность.....	43
3.1 Источники: происхождение и хронология.....	43
3.1.1. Рукописи бенедиктинских монахов.....	43
3.1.2. Поэма Михаэля Бехайма.....	49
3.1.3. «Констанцская хроника».....	53
3.1.4. Народные книги о Дракуле	55
3.2. Выводы.....	62
Глава 4. Языковые особенности текстов о Владе III и их изменение в соответствии с изменением жанра и задачи.....	65
4.1. Лингвостилистические особенности отдельных жанров.....	65
4.1.1. Рукописи бенедиктинских монахов.....	65
4.1.2. Поэма Михаэля Бехайма.....	70
4.1.3. «Констанцская хроника».....	84
4.1.4. Народные книги о Дракуле	88
4.1.5. Выводы.....	91
4.2. Об одной общей особенности языка немецких текстов о Владе III....	93

4.2.1. Анализ контекстов, содержащих конструкцию lassen+инфинитив.....	93
4.2.2. Понятие каузативности и каузативные контексты в корпусе исследуемых текстов.....	98
4.2.3. Каузативные инфинитивные конструкции в немецком языке XII-XV вв.....	103
4.2.4. Конструкции lassen+инфинитив в других немецких источниках XII-XV вв.....	106
4.2.5. Возможные объяснения конструкции lassen+инфинитив в корпусе немецких текстов о Владе III.....	109
4.2.6. Выводы.....	114
Заключение.....	117
Библиография.....	122
Приложения.....	132
Приложение I. Латинские документы о Дракуле.....	132
1. Отрывок из «Комментариев» Пия II.....	132
2. Отрывок из «Деяний венгров» Антонио Бонфини.....	134
Приложение II. Каталог эпизодов в немецких текстах о Дракуле.....	135
Приложение III. Текст Санкт-Галленского варианта рукописей бенедиктинских монахов.....	137
Приложение IV. Отрывок из текста поэмы Михаэля Бехайма.....	143
Приложение V. Отрывок из «Констанцской хроники».....	145
Приложение VI. Текст печатного издания Марка Айрера	147
Приложение VII. Гравюры из печатных изданий.....	152

Введение

Миф о Дракуле-монстре давно укоренился в популярной культуре и общественном сознании. За пределами исторических исследовательских кругов не всем известно, что за зловещим образом кровожадного вампира стоит реальная историческая личность, не имевшая никакого отношения к мифологическим существам – Влад III Дракула, правитель Валахии середины XV в. Ещё менее известен тот факт, что литература о Дракуле, дошедшая до нас в виде немецких текстов различных жанров, начала возникать уже при его жизни. В ней не было речи о вампиризме главного героя, однако она имела едва ли большее отношение к реальности, чем роман Брэма Стокера, написанный в XIX в. Влад III, христианский князь, успешно противостоявший натиску Османской империи, являвшейся в тот период угрозой всей Восточной и Центральной Европе, и считающийся в Румынии национальным героем и одним из немногих правителей, проводивших действительно эффективную внутреннюю политику, в современных ему немецких текстах представлен как тиран и злодей (*wüterich*), получающий садистское удовольствие от бессмысленных массовых казней своих подданных, а кроме того, язычник, предавший своих союзников и вступивший в сговор с турецким султаном.

Эта поразительная дихотомия его образа представляется нам результатом политического конфликта с Венгрией, в центре которого оказался Влад III, и клеветнической кампании, начатой против него королём Матьяшем Корвином. Литературным, текстовым проявлением этой кампании стала история о Дракуле, сюжет которой был реализован в XV в. в ряде немецких текстов, представленных в целой парадигме жанров. Развитие этой парадигмы заняло всего два с половиной десятилетия и имело следующие этапы:

- I. Наиболее ранними из немецких текстов о Владе III являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами¹ около 1462 г. и сохранившиеся в ряде списков.
- II. С фактологической и хронологической точки зрения непосредственным «преемником» этого рукописного сообщения является поэма Михаэля Бехайма «Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei» (*О злодее, прозванном Дракула воевода валахский*), написанная в 1463 г.
- III. История о Дракуле содержится в «Констанцской хронике» (Konstanzer Chronik) Гебхарда Дахера - литературно обработанном собрании разнообразных исторических сведений с начала XV в. и до 1470 года.
- IV. Начиная с 1488 г. история о Дракуле появляется в формате народных книг. До настоящего момента известно 13 печатных изданий истории о Дракуле XV и XVI вв.: 7 из них датируются XV веком, в XVI в. были напечатаны ещё 6.

Все перечисленные выше тексты, как мы увидим далее, отчасти основаны на реальных исторических событиях, но искажают факты. Смена жанров происходила очень быстро, во время описываемых в текстах событий или непосредственно после них. Связь между исходным текстом и его дальнейшими жанровыми модификациями прослеживается по общим чертам в лексике и грамматических конструкциях.

Объектом исследования является корпус немецких текстов XV в. о Владе III Дракуле. **Предметом** исследования является жанровая и языковая эволюция данных текстов, связанная с изменением их лингвопрагматической задачи. Основной **целью** исследования стало выявить, как в зависимости от текущей исторической ситуации изменялась лингвопрагматика текстов, и какое влияние это оказывало на жанровое своеобразие изучаемых источников, их текстовую структуру и системные языковые особенности.

¹ Далее – рукописи бенедиктинских монахов, бенедиктинские рукописи, БР.

Материалом для исследования послужил корпус оригинальных рукописных источников и печатных изданий XV в., полностью охватывающий все сохранившиеся немецкие тексты о Владе III.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

- 1) отсутствием филолого-лингвистических исследований немецких текстов XV в. о Владе III как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе;
- 2) необходимостью объяснить ряд общих языковых и жанровых особенностей текстов о Владе III, нехарактерных для языка и словесности изучаемого периода;
- 3) необходимостью систематизировать данные о генеалогии немецких текстов о Владе III и проверить их с помощью филолого-лингвистических средств.

Степень разработанности темы диссертации на настоящий момент приходится считать недостаточной: лингво-филологический анализ жанровых и языковых особенностей текстов о Владе III, в том числе с точки зрения теоретических подходов лингвопрагматики и теории жанров, ранее не проводился.

В связи с этим в работе были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

- выявить исторические предпосылки появления немецких текстов о Владе III и определить их первоисточник;
- реконструировать текстологические и хронологические связи между текстами;
- на основе теоретических подходов лингвопрагматики и теории жанров составить парадигму жанров, в которых реализован исследуемый сюжет;

- проанализировать, как в зависимости от текущей исторической ситуации изменялись оценочная позиция и цели составителей текстов;
- выявить, какое влияние это оказывало на жанровое своеобразие изучаемых источников, их текстовую структуру и конкретные языковые особенности;
- объяснить ряд общих языковых и жанровых особенностей текстов о Владе III, нехарактерных для языка и словесности изучаемого периода.

Решение перечисленных выше задач мотивировало выбор использованных в работе **методов** исследования. Основой исследования являются теоретические подходы лингвопрагматики и теории жанров. Метод сплошной выборки позволил выделить из текстов корпус примеров, отражающих как сюжетные, так и жанровые и языковые особенности каждого из текстов. Описательный метод применялся при анализе лексического материала. Сравнительный текстологический анализ позволил выявить сходства и различия между текстами, а также изменения языковых особенностей в зависимости от жанра. Грамматический анализ текстов дал возможность установить текстологическую связь между исследуемыми произведениями.

Научная новизна работы заключается в следующем: впервые осуществлено филолого-лингвистическое исследование немецких текстов XV в. о Владе III, проанализированы их лингвистические и жанровые особенности.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней рассматриваются вопросы лингвопрагматики и лингвистической классификации жанров. Кроме того, работа анализирует различные определения понятия «каузативность» и функционирование каузативной конструкции lassen+инфинитив в переводных текстах с латыни на немецкий, а также семантические особенности этой конструкции и ее грамматический статус в языковой системе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет с помощью средств лингвистики и филологии проверить и уточнить исторические обстоятельства возникновения мифа о Дракуле. Результаты могут быть учтены в общем курсе истории германских языков и в специальных курсах «История немецкого языка» и «История немецкой литературы», а также, учитывая дальнейшее развитие сюжета о Дракуле в литературе Нового времени – в общем курсе истории европейских литератур и кино.

Авторский вклад: автором исследования был составлен корпус релевантных для исследования текстов, выполнена, где необходимо, расшифровка рукописного материала, произведён перевод и анализ всех латинских и немецких текстов и установлена связь между ними.

Степень достоверности и апробация работы: обсуждение основных положений диссертации осуществлялось во время участия в международной конференции группы по нижненемецким исследованиям «A Room of Its Own» 17-19 сентября 2012 г., Королевская академия наук, Стокгольм, Швеция, и в докладе, сделанном на III «Немецко-российской рабочей встрече по истории книги» 1-3 ноября 2012 г., Филиппс-Университет, Марбург, Германия². Основные результаты работы обсуждались в рамках доклада на заседании аспирантского объединения кафедры германской и кельтской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2013 г. Предварительные результаты исследования излагались на конференции «Ломоносов-2012» в МГУ имени М.В.Ломоносова.

Основные положения работы нашли отражение в 5 статьях, из них 3 опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК.

² Автор благодарит д-ра Бернхарда Шнелля, Гёттингенская академия наук, и проф. Рудольфа Бентцингера, Берлин-Бранденбургская академия наук, за высказанные рекомендации и за помощь с доступом к зарубежной научной литературе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиция немецких текстов XV в. о Владе III Дракуле является результатом и одновременно инструментом развёрнутой против него политической кампании. Некоторое количество сюжетов, составляющих немецкие тексты о Дракуле, основано на исторических событиях, однако реальные факты намеренно искажаются либо интерпретируются превратно, становясь средством языковой стратегии, как показал филолого-лингвистический анализ.
2. Политическая информационная кампания против Влада III, осуществляемая филологическими средствами, стремилась к тому, чтобы охватить максимально широкий круг предполагаемых реципиентов. Разнообразие целевых аудиторий, на которые предполагалось воздействовать, и лингвопрагматические задачи, стоявшие перед составителями текстов, обусловили разнообразие жанров, в которых представлена «История о Дракуле».
3. Сравнение с классификациями жанров XV в. показывает, что комплекс текстов о Владе III, созданных на немецком языке в период с 1462 г. по 1500 г., составляет жанровую парадигму, так как эти тексты охватывают практически все типы словесности, релевантные для выполнения задач политической кампании.
4. Наиболее ранними из немецких текстов о Владе III являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 г. Основной набор сюжетов из этих рукописей вошёл в поэму Михаэля Бехайма, «Констанцскую хронику» и первопечатные книги о Дракуле. Фактологическую основу этого первого рукописного текста предположительно составляют письма-жалобы трансильванского купечества и текст донесения, составленного для папского посланника на

латыни и содержавшего заведомо ложные сведения о сговоре Влада III с турецким султаном.

5. Языковые особенности немецких текстов о Владе III, в том числе грамматико-синтаксические, доказывают генеалогическую связь между ними. Большинство этих особенностей являются жанрово не дифференцированными и указывают на текстологические связи немецких версий.
6. Языковые средства в процессе эволюции текстов о Владе III переходят в жанры, для которых они нехарактерны, однако это не приводит к разрушению жанров, а напротив, увеличивает лингвопрагматическую эффективность последних. Изменение жанра не влечёт за собой значительной динамики языка, что является характерной особенностью всей жанровой парадигмы текстов о Дракуле.
7. Главной жанровой характеристикой немецких текстов XV в. о Владе III является их жанровая разноплановость: сочетание черт различных жанров является для этой парадигмы текстов прагматически плодотворным, поскольку усиливает воздействие на реципиента.

Поставленные цели и задачи обусловили **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка использованной литературы, а также приложений, содержащих корпус исследованных текстов и необходимые иллюстрации.

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи диссертационного исследования, определяются предмет, материал и методы исследования, даётся характеристика работы с точки зрения её новизны, теоретического и практического значения.

Первая глава диссертации содержит в себе обзор научной литературы, посвящённой истории Влада III и затрагивающей проблему возникновения

немецких текстов о нём. Во второй части главы даётся характеристика геополитической ситуации и конфликтов, в которых участвовал Влад III, и выявляются истоки и причины направленной против него информационной кампании.

Вторая глава представляет лингвотеоретическую основу исследования, анализ понятий лингвопрагматики, проблемы и методы классификации жанров в применении к задачам данного исследования.

Третья глава исследования посвящена анализу немецких текстов о Дракуле, их происхождению, хронологической последовательности, жанровой эволюции и её причинам. На основе анализа текстов и исторического материала выстраивается генеалогия текстов, а также отслеживается изменение их жанра в соответствии с лингвопрагматическими задачами.

В четвёртой главе рассматриваются языковые особенности текстов о Дракуле и их изменение в соответствии с изменением жанра и задачи.

В Заключении подводятся итоги и обобщаются результаты исследования.

В Библиографии указывается использованная литература на русском и иностранных языках, а также источники оригинальных текстов и их научных изданий, использованных в работе.

В Приложениях приводятся немецкие тексты о Владе III, цитируемые в работе, выдержки из латинских документов о Дракуле, а также иллюстративный материал – гравюры из печатных изданий и фотоснимок оригинала одного из рукописных текстов.

Глава 1. Историческая основа ранних текстов о Владе III.

1.1. Исследовательская литература.

Первые исследования, посвящённые личности Влада III Дракулы, появляются в XIX в., но основная их часть вышла в свет уже в XX в. и в 2000-х годах. Некоторые из них вторичны, носят научно-популярный характер и обращены к читателю, заинтересованному образом Дракулы, существующим в массовой культуре новейшего времени. Однако большинство опираются на исторические первоисточники и представляют собой серьёзные научные исследования. Среди них преобладают статьи и монографии румынских авторов. Наиболее влиятельными и цитируемыми являются работы М. Казаку³ и К. Караджи⁴; значительный вклад внесли также исследования Р. Флореску и Р. МакНалли⁵, а из относительно недавних – объёмная монография К. Трептова (2000)⁶. Эти работы в основном посвящены реконструированию биографии Дракулы, политических и социальных процессов, происходивших в его время.

Важную информацию, необходимую для понимания исторического контекста нашего исследования, можно почерпнуть из работ, посвящённых истории Румынии в общем, например, книги Л. Галди и Л. Маккай⁷, а также истории Трансильвании (Э. Вагнер)⁸ и Венгрии (В. Франкной)⁹ в рассматриваемый период. Весьма значимыми для понимания событий, связанных с Владом III,

³ Cazacu, M. Vlad Tepes erou de epopée: Magazin istoric 4 (1970), Nr. 6, 23-31.

Cazacu, M. Le thème de Dracula. Présentation, édition critique, traduction et commentaire. Diss. Paris, 1979.

⁴ Karadja, C.J. Incunabule povestind despre cruzimile lui Vlad Tepes. Cluj 1931.

⁵ Florescu, R. and McNally, R.Th. Dracula. A Biography of Vlad the Impaler. New York, 1973.

⁶ Treptow, K. Vlad III Dracula: The Life and Times of the Historical Dracula. Iasi, Oxford, Portland: The Center for Romanian Studies, 2000.

⁷ Galdi L., Makkai L. Geschichte der Rumänen, Budapest 1942.

⁸ Wagner, E. Geschichte der Siebenbürger Sachsen. Innsbruck 1981.

⁹ Franknoi, W. Matthias Corvinus, König von Ungarn. Freiburg im Breisgau, 1891.

являются исторические процессы, связанные с папой римским Пием II и его призывом к крестовому походу против Османской империи (Р.Айссер)¹⁰.

Все эти источники в той или иной степени упоминают немецкие тексты о Владе III, но рассматривают их исключительно в аспекте политической кампании против валашского правителя.

В контексте мифологии немецкие тексты о Дракуле частично рассматриваются в исследовании Т.А.Михайловой и М.П.Одесского, посвященном теме вампиризма в культурной традиции.¹¹

Непосредственному изучению самих текстов, их содержанию и генеалогии посвящено сравнительно мало работ, и в них чаще всего исследуется не вся совокупность источников, а только какой-либо один из них.

Так, бенедиктинские рукописи являются предметом исследования Дж.Баритиу¹², а также, хотя и не слишком подробно, статьи Ф.Циммермана и В.Ваттенбаха¹³. Публикация Циммермана и Ваттенбаха, несмотря на свою краткость, крайне важна для нас, поскольку содержит в себе полный текст Ламбахского варианта бенедиктинской рукописи, утраченной в начале XX в.

Гораздо более обширная литература существует о творчестве Михаэля Бехайма и его поэме о Дракуле. Й.Бляйер¹⁴ и Х. Гилле¹⁵ занимались поэмой Бехайма в начале XX века. В основном они рассматривают его поэму о Дракуле с литературоведческих позиций. Определённый анализ творчества придворного поэта содержится в издании стихотворений Бехайма под редакцией Х.Гилле и

¹⁰ Eysser, R. Papst Pius II und der Kreuzzug gegen die Türken: Marinescu, Melanges d'Histoire Generale, Bucuresti 1938, 1-33.

¹¹ Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. М.: ОГИ, 2009.

¹² Baritiu, G. Manuscript despre cruzimile lui Vlad Dracula: Analele Academiei Romana 5 (1882-1883), Sectiunea 2, 11-11.

¹³ Franz Zimmermann und Wilhelm Wattenbach, Über den walachischen Woiwoden Wlad IV., in: Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde N.F. 27 (1896), стр. 331-343.

¹⁴ Bleyer, J. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV., Woiwoden von der Walachei: Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde. Neue Folge 32, 1 (1903) 5-39.

¹⁵ Gille, H. Die historischen und politischen Gedichte Michel Beheims. Berlin 1910.

И.Шпривальд¹⁶. Конкретные художественные аспекты поэмы затронуты в статье Д.Диккенса и Э.Миллер¹⁷, посвященной поэтике и структуре поэмы. Только Х.Биркхан¹⁸ анализирует политические мотивы, стоящие за созданием поэмы Бехайма.

В ряде исследований рассматриваются печатные издания о Дракуле, например, в предисловии А. Салго¹⁹ к факсимильному изданию Готановской печатной книги о Дракуле или в работе Э.Штрюбинга²⁰ об издании Марка Айрера. К. Караджа в упомянутой выше работе (см.сноску 4) описывает и анализирует все доступные печатные издания о Дракуле. Тем не менее, сопоставительный анализ всех текстов отсутствует и у этого автора.

Существуют работы, посвящённые группам произведений о Дракуле. Так, попытки подобного анализа предпринимались несколькими авторами, в частности, И. Богданом²¹, Л. Бауманном²², М. Казаку²³. Однако наиболее последовательный подход к изучению немецких текстов о Дракуле демонстрирует в своей книге *Der Anfang von Dracula* (1983) Д.Харменинг²⁴. Он рассматривает не только печатные книги, но и наиболее ранние из текстов о Дракуле – бенедиктинские рукописи в их различных вариантах. Основываясь на анализе первоисточников, сопоставляя не только набор сюжетов в текстах, но и некоторые их лексические особенности (формулировки, наличие или отсутствие определённых слов или выражений), он составляет две стеммы генеалогического родства немецкоязычных текстов о Дракуле: для рукописей и

¹⁶ Gille, H., Spriewald, I. Die Gedichte des Michel Beheim. In: Deutsche Texte des Mittelalters, Band IX. Akademie-Verlag, Berlin, 1968-1972.

¹⁷ Dickens D. B., Miller E. Michel Beheim, German Meistergesang, and Dracula. International Conference of the Fantastic in the Arts, 2003.

¹⁸ Birkhan H. Mentalitätsgeschichtliche Bemerkungen zum Dracula-Bild bei Michel Beheim. <http://www.ggr.ro/>, 2005.

¹⁹ Salgo A. W. Chronik der Taten des Woiwoden Dracula in einem Wiegendruck. Bibliotheca Nationalis Hungariae, Budapest, 2002.

²⁰ Strübing, E. Eine unbekannte Ausgabe des Dracole Waida: Beiträge zur Inkunabelkunde. 3.Folge 1 (1965).

²¹ Bogdan, I. Documentele lui Stefan cel Mare, vol. 2, Bucuresti, 1913.

²² Baumann, L. Dracula: Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Hg.K.von Ranke. Band 3. Berlin, New York, 1981.

²³ Cazacu, M. Le theme de Dracula. Presentation, edition critique, traduction et commentaire. Diss. Paris, 1979.

²⁴ Harmening, D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten (Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1), Würzburg 1983.

для печатных книг. Д.Харменинг также пишет о взаимосвязи этих двух групп текстов и об их происхождении от нескольких источников. Общим для них, по мнению Д.Харменинга, был текст доноса, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего информацию о сговоре Дракулы с турецким султаном. Кроме него, Д.Харменинг предполагал и существование одного-двух неизвестных дополнительных источников. В своё исследование автор также включает упоминание о поэме Бехайма, но не рассматривает её подробно. Историю о Дракуле в Констанцской хронике Д.Харменинг не упоминает. Этот текст по неизвестным причинам в большинстве случаев игнорировался и другими исследователями.

1.2. Историческая основа сюжета о Владе III.

Имя Влада III Дракулы встречается в относительно большом количестве документов современной ему эпохи – в переписке, договорах, дипломатических сообщениях, хрониках, литературных произведениях. Из этих свидетельств и литературных источников можно восстановить исторический образ Дракулы. На его формирование повлияли главным образом три ключевых исторических момента: борьба за престол и централизацию власти в Валахии, конфликт Влада III с трансильванскими городами Брашов (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт) и противостояние Османской империи. Историческим фактам посвящена обширная литература, в частности, работы М. Казаку²⁵, К.Караджи²⁶, Р.Флореску и Р.МакНалли²⁷, К.Трептова (2000)²⁸. Здесь и далее будут использованы сведения из этих исследований.

²⁵ Cazacu, M. Vlad Tepes erou de epopee: Magazin istoric 4 (1970), Nr. 6, 23-31.

Cazacu, M. Le theme de Dracula. Presentation, edition critique, traduction et commentaire. Diss. Paris, 1979.

²⁶ Karadja, C.J. Incunabule povestind despre cruzimile lui Vlad Tepes. Cluj 1931.

²⁷ Florescu, R. and McNally, R.Th. Dracula. A Biography of Vlad the Impaler. New York, 1973.

²⁸ Treptow, K. Vlad III Dracula: The Life and Times of the Historical Dracula. Iasi, Oxford, Portland: The Center for Romanian Studies, 2000.

С момента смерти Мирчи Старого в 1418 году за валашский престол боролись две родовые партии - Дэнешти и Дрэкулешти. Отец Влада III, Влад Дракул был свергнут в 1447 г. в результате военного переворота, устроенного наместником венгерского престола Яношем Хуньяди, и погиб вместе со своим старшим сыном. Его младший сын, Влад III Дракула, в дальнейшем пытался вернуть себе отцовский трон при турецкой поддержке; это удалось ему в 1448 г. Его соперник, Владислав II, сын Дана II, был в это время с венгерским наместником в Сербии и воевал против турок в битве на Косовом поле. Вернувшись после проигранной битвы, он изгнал Дракулу. Но в середине 1456 г. Влад III снова взойшёл на престол, заручившись поддержкой того же венгерского наместника, и уничтожил противника.

В начале своего правления Влад III ещё не чувствовал себя в силах противостоять туркам. Политическая ситуация вынуждала его балансировать между Венгрией и Османской империей, и осенью 1456 г. он восстановил дипломатические отношения с Портой, несмотря на то, что ранее принёс вассальную клятву Венгрии и подтвердил особые торговые привилегии для Брашова и Сибиу. Венгрия отреагировала на эту неоднозначную ситуацию, послав к границам Валахии Дана, сына Владислава II, из конкурирующего рода Дэнешти²⁹. Напряжённая ситуация сложилась и в саксонских городах Трансильвании: несмотря на получение торговых привилегий, они одновременно потеряли часть свободы из-за стремления Влада Дракулы взять торговлю в Семиградье под свой полный контроль. Поэтому трансильванцы попытались увеличить свою политическую значимость, дав приют претенденту на престол, Дану. Влад III ответил точечными карательными походами на непокорные поселения, одновременно уведомляя в своих письмах жителей лояльных Валахии городов, таких, как Сибиу, что им ничто не угрожает. Эти события, в искажённом виде, в дальнейшем послужили основой для нескольких

²⁹ Cazacu, M. Vlad Tepes erou de epopoe: Magazin istoric 4 (1970), Nr. 6, 23-31.

эпизодов в немецких текстах о Дракуле. В конце концов, в 1460 г. Валахия и Трансильвания пришли к миру. Были заключены соглашения с саксонскими городами, а также тайный союз против Османской империи между Дракулой и новым королём Венгрии, Маттяшем Корвином.³⁰

Зимой 1461-1462 гг. Валахия фактически вступила в войну с Портой. Султан Мехмет II Фатих (Завоеватель) направил в Валахию последнее предупреждение, требуя выплатить давнишний долг по дани. Одновременно он отдал приказ: при передаче дани подстроить Владу ловушку и взять его в плен. План не удался, и в конце января – начале февраля 1462 г. Влад захватил крепость Джурджу, перешёл со своим войском Дунай, уничтожил турецкие гарнизоны и опустошил большую область. Этот успешный поход ознаменовал начало войны 1462 г.

В мае 1462 г. Дракула одержал вторую победу против турок. В течение весны этого года султан Мехмет собрал армию, которая, по словам современных тем событиям источников, уступала по размеру только той, с которой Фатих напал на Константинополь. За день до того, как основное войско выступило, султан отправил вперёд отряд под предводительством великого визиря Махмуда-паши; его задачей было следить за противоположным берегом Дуная и не допустить, чтобы валашский князь снова напал неожиданно. Но поскольку великий визирь рассчитывал на лёгкую победу над противником, он сделал больше, чем ему было приказано: со своим отрядом он перешёл реку, напал на одну из валашских крепостей, разорил её и отправился назад с добычей и пленными. Однако на обратном пути он был застигнут врасплох валашскими войсками и в завязавшемся бою потерял больше половины своих воинов, а также лишился награбленного и пленных. Известие о его поражении вызвало в столице Порты

³⁰ Gündisch, G., Vlad Tepes und die sächsischen Selbstverwaltungsgebiete Siebenbürgens: *Revue Romaine d'Histoire* 8 (1969) 981-992.

панику, а немалая часть османского населения бежала на другую сторону Босфора.

Поход Мехмеда II на Валахию начался в июне. Одновременно с нападением на суше турецкий флот зашёл из Чёрного моря в Дунай и осадил находившуюся в устье реки крепость Килия. Ответная тактика валашского господаря заключалась в том, чтобы уводить население из областей, по которым продвигалась вражеская армия, в горы и леса и самим разорять поселения, оставляя врага без возможности пополнить запасы провианта.³¹ Избегая прямого столкновения с противником, поскольку османская армия по численности значительно превосходила валашское войско, Дракула предпринимал стремительные ночные атаки на турецкий лагерь. Наиболее заметной из них было нападение в ночь с 17 на 18 июня, когда османское войско стояло рядом с крепостью Тырговиште. Цель атаки – убийство самого султана – не была достигнута, но турки понесли большие потери, и вероятно, что после этого боевой дух османского войска, измученного голодом и эпидемиями, был окончательно подорван. Мехмед II, опасаясь к тому же, что Дракула получит подкрепление от венгерского короля, принял решение отступить. 11 июля 1462 г. он вернулся в Адрианополь, так и не осуществив своего намерения победить Влада Дракулу и подчинить Валахию Порте. Тем не менее, он оставил вблизи границ крупный отряд под командованием претендента на валашский трон, Раду Красивого – младшего брата Влада, с детства находившегося в Порте в качестве заложника. Между этим отрядом и войсками Дракулы произошло ещё несколько столкновений, которые, впрочем, не имели бы никаких последствий, если бы валашское боярство не решило, что более выгодным будет заключить мир с турками и согласиться на условия Мехмеда II. Фатих отказался от мысли сделать Валахию частью империи, а не

³¹ Возможно, это также отчасти послужило основой для повторяющегося мотива в немецких текстах, где Дракула сжигает трансильванские города и деревни, несмотря на то, что в реальности сожжены были собственные поселения в качестве тактического хода.

вассальным государством, но требовал, чтобы Влада Дракулу на троне сменил Раду, верный подданный султана³².

Дракула, напротив, считал, что борьба должна быть продолжена, пока Балканы и Константинополь не будут освобождены от османского владычества. После того, как Раду Красивый был признан князем Валахии большинством бояр, Влад отступил на юг Трансильвании вместе с теми немногочисленными воинами, которые остались ему верны. Он ожидал обещанной помощи от Матьяша Корвина, чтобы не только вернуть себе трон, но и продолжить отвоёвывать земли к югу от Дуная.

Наконец, в октябре 1462 г., после трёхмесячного перехода (чрезмерного долгого, что уже позволяет предположить, что у короля не было серьёзных намерений вступать в битву с турками), Матьяш Корвин лично прибыл в Брашов (Кронштадт), чтобы встретиться с валашским князем. Политические переговоры длились пять недель, в течение которых Корвин постоянно подтверждал свою готовность помочь Владу III осуществить свои планы. Однако когда в середине ноября Дракула выступил обратно в Валахию со своими воинами и венгерской кавалерией, он был неожиданно взят под стражу по тайному распоряжению Корвина³³. Влада III обвинили в том, что он заключил тайное соглашение с Мехмедом и собирался во время военных действий перейти на сторону врага.

В 1475 году Влад III Дракула был освобождён из венгерской тюрьмы и снова начал участвовать в походах против турок. В ноябре 1475 года он в составе венгерской армии (как один из военачальников короля Матьяша, «королевский капитан») отправился в Сербию, где с января по февраль 1476 года участвовал в осаде турецкой крепости Шабач. В ноябре 1476 года Влад Дракула при помощи Штефана Молдавского сверг протурецки настроенного валашского князя

³² Florescu, R. and McNally, R.Th. Dracula. A Biography of Vlad the Impaler. New York, 1973.

³³ Deutsch, R., Andreescu, S. Dracula oder Vlad Tzepes, Fürst der Walachei. Eine historiographische Untersuchung rumänischer Beiträge: Schweizerische Zeitschrift für Geschichte 30 (1980), 59-71.

Лайоту Басараба. 16 ноября был взят Бухарест. 26 ноября общее собрание боярства Валахии избрало Дракулу своим князем.³⁴

Затем войска Штефана Молдавского ушли из Валахии, а с Владом Дракулой остались только те воины, которые подчинялись непосредственно ему (около 4 000 человек)³⁵. Вскоре после этого Влад был убит по инициативе Лайоты Басараба, однако в рассказах о способе убийства и непосредственных исполнителях источники расходятся. Некоторые хронисты XV в. придерживались версии, что он был убит собственным слугой, подкупленным турками.³⁶ Автор «Повести о Дракуле воеводе» Фёдор Курицын³⁷ считает, что Влад Дракула был убит во время битвы с турками группой людей, которые якобы приняли его за турка. Также сохранилось свидетельство Штефана Молдавского, помогавшего Владу занять валахский престол:

«И я незамедлительно собрал воинов, а когда они пришли, то я объединился с одним из королевских капитанов, и, объединившись, мы привели упомянутого Дракулу к власти. И тот, когда пришёл к власти, попросил нас оставить ему наших людей в качестве стражи, потому что он не слишком доверял валахам, и я оставил ему 200 своих людей. И когда я это сделал, мы (с королевским капитаном) удалились. И почти сразу вернулся тот предатель Басараб и, настигнув Дракулу, оставшегося без нас, убил его, и также оказались убиты все мои люди, за исключением десяти».³⁸

В завершение описания исторических событий, связанных с Владом III необходимо отметить сжатость их хронологии: важнейшие из них разворачиваются с 1456 г. по октябрь-ноябрь 1462 г. и с 1475 по конец 1476 г.

³⁴ Stoicescu, N. Vlad Tepes. Prince of Wallachia. Bucharest, 1978, стр. 286.

³⁵ Leonardus Botta a Gian Galeazzo Maria principi Mediolanensi. (Leonardus Botta al Duca di Milano). Originale: Archivio di Stato, Milano.

³⁶ McNally, R. T., Florescu, R. In Search of Dracula: The History of Dracula and Vampires, 2nd ed., Houghton Mifflin Company, Boston-New York, 1994, p. 102-103.

³⁷ Повесть о Дракуле. Исслед. и подг. текстов Я.С.Лурье. М.; Л., 1964.

³⁸ Bogdan, I. Documentele lui Stefan cel Mare, vol. 2, Bucuresti, 1913.

Ниже мы увидим, что немецкая литературная традиция текстов о Дракуле, следуя за фактами, развивалась столь же стремительно.

Изложенные выше исторические события (до 1462 г.) породили полноценную кампанию против Влада III. Причин, по которым венгерский король пошёл против своего союзника, по-видимому, было несколько. Матьяш Корвин находился на тот момент в конфликте с императором Фридрихом III; к тому же его положению на престоле все ещё угрожали некоторые недовольные новым королём венгерские магнаты. На фоне этих проблем участие в широкомасштабной войне с Османской империей казалось Корвину несвоевременным³⁹. Однако на этом настаивал не только князь Валахии: незадолго до этого папа римский Пий II призвал к крестовому походу против турок. По его указанию Фридрих III велел распространить по своей империи буллу о крестовом походе⁴⁰. Историки сообщают, что Венгрия получила от папы римского денежную сумму, которая должна была быть истрачена на войну с Османской империей. В итоге его целью было, с одной стороны, избежать участия в походе против османов, а с другой стороны, оправдать средства, предоставленные Римом: они, таким образом, были использованы, чтобы снарядить войско против Дракулы, который был представлен как предатель, и взять его в плен.

Основанием для обвинения Влада III в измене послужили письма к султану, якобы найденные у Дракулы; они упоминаются в «Комментариях», мемуарах Пия II. Очевидно, однако, что эти письма были сфальсифицированы, чтобы оправдать взятие Дракулы в плен перед папой. В пользу этого, свидетельствует, в том числе, что, согласно «Комментариям», они были написаны на «болгарском языке»:

³⁹ Таково мнение историка, выраженное в Franknoi, W. Matthias Corvinus, König von Ungarn. Freiburg im Breisgau, 1891, S. 77-84.

⁴⁰ Eysser. R. Papst Pius II und der Kreuzzug gegen die Türken: Marinescu, Melanges d'Histoire Generale, Bucuresti 1938, S.1-33.

de lingua Bulgarica in latinum conversae ad Pontificem missae fuere.

(«Письма» были переведены с болгарского языка на латынь и отправлены понтифику).⁴¹

Представляется нереалистичным, что Дракула, до этого ведший переписку с Мехмедом на турецком⁴², неожиданно решил составить письма к нему на славянском языке.

Оправдание взятия Дракулы в плен было необходимо ещё и потому, что он единственный из правителей вёл борьбу с Османской империей, в то время как ни один из европейских монархов не откликнулся на призыв папы римского к крестовому походу. Этой цели могла послужить кампания по очернению Дракулы, начатая одновременно или сразу после составления поддельных писем. Основой для неё послужили сведения о казнях и карательных походах в Трансильванию, предпринятых Дракулой. Можно спорить о том, отличались ли реальные действия валашского князя особой жестокостью, или же они не выглядели чем-то необычным на фоне политики его ближайших соседей, в частности, Штефана Молдавского. Но так или иначе, поданные в определённом свете и значительно преувеличенные, действия Дракулы оказались подходящей базой для того, чтобы представить его бесчеловечным тираном, наводившим ужас на Валахию и близлежащие земли.

Рукописные варианты истории о Дракуле и вся дальнейшая традиция немецких текстов XV в. о нём – это и отражение, и частично инструмент этой кампании. Обилие трансильванских топонимов и точные даты указывают на то, что одним из источников информации могли быть люди, хорошо осведомлённые о событиях и местах, где они происходили. Особый акцент, сделанный в произведениях о валашском князе на несправедливом и бесчеловечном

⁴¹ Pii secundi pontificis max. Commentarii rerum memorabilium

<https://play.google.com/store/books/details?id=CJQVBq5x6AQC&rdid=book-CJQVBq5x6AQC&rdot=1>

⁴² McNally, R.T., Florescu, R. In Search of Dracula: The History of Dracula and Vampires, Boston-New York, 1994.

обращении Дракулы с купцами, позволяет предположить, что изначальный текст мог частично основываться на письмах-жалобах семиградского купечества из Брашова и Сибиу. Из этого, однако, не следует, что автором текста является непосредственно трансильванский саксонец. Как упоминалось ранее, к 1460 г. отношения между князем и трансильванскими городами уже были урегулированы мирным договором, а в 1462 несколько отрядом из Семиградья сражался вместе с валашской армией против турок. Поскольку единственным, кто в итоге был заинтересован в оклеветании Дракулы, был Матьяш Корвин, исходным пунктом кампании был королевский двор в Буде⁴³. Как и поддельные письма к султану, так и, по-видимому, исходный текст «Истории о Дракуле» был составлен именно там.

1.3. Выводы.

Большая часть научной литературы, затрагивающей немецкие тексты XV века о Владе III, рассматривает их исключительно в историческом контексте. Некоторое количество исследований посвящено генеалогии и хронологической последовательности текстов, а также их структурно-содержательным сходствам и различиям. Лингвистические особенности немецкоязычных текстов о Владе III до сих пор оставались без внимания. Целью данной работы является восполнить этот пробел в научной литературе.

В 1462 г. в результате политического конфликта Влад III был взят в плен королём Венгрии Маттяшем Корвином. Чтобы оправдать свои действия перед папой римским и другими союзниками в борьбе против Османской империи, Корвин начал кампанию по оклеветанию Дракулы с целью представить его бесчеловечным тираном. Рукописные варианты истории о Дракуле и вся дальнейшая традиция немецких текстов XV в. о Дракуле являются результатом, а отчасти и инструментом этой кампании.

⁴³ Это мнение историков, с которым согласны и мы, высказывает, в частности, Harmening, D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten (Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1), Würzburg 1983, S.18.

Некоторое количество сюжетов, составляющих немецкие тексты о Владе III, основано на исторических событиях, например, описание карательного похода в Трансильванию (до 1460 гг.) или сожжения поселений. Однако реальные факты в немецких текстах намеренно искажаются либо интерпретируются превратно, становясь содержательной основой для создания отрицательного образа Влада III и реализации лингвопрагматической стратегии.

Глава 2. Лингвотеоретические основы исследования.

Поскольку исследуемые нами тексты являются инструментом политической кампании, первостепенным становится вопрос о том, каким образом язык этих текстов служил определённым целям их авторов и составителей. Эта проблема приводит нас в область лингвопрагматики. В науке существует разнообразные подходы к пониманию прагматики; нас интересуют прежде всего аспекты, относящиеся к задачам текста.

2.1. Лингвопрагматические аспекты.

Прагматика (от греч. *πρᾶγμα*, род. п. *πρᾶγματος* - дело, действие) — область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Термин «прагматика» введён в конце 30-х гг. XX в. Ч. У. Моррисом как название одного из разделов семиотики, внутри которой он выделил семантику, изучающую отношение знаков к объектам. При этом он различает синтактику - раздел о межзнаковых отношениях, и прагматику, исследующую отношение к знакам говорящих⁴⁴. Выделение и формирование прагматики в качестве области лингвистических исследований, стимулированное идеями Ч. С. Пирса⁴⁵, началось в 60-х - начале 70-х гг. под влиянием логико-философских теорий речевых актов Дж. Остина⁴⁶, Дж. Р. Сёрла⁴⁷ и других, прагматических теорий значения П. Грайса⁴⁸ и прагматических теорий референции Дж. Р. Сёрла, П. Ф. Стросона⁴⁹ и др.

Одновременно развивается и изучение прагматики в отечественной науке. Прагматика текста исследуется в работах Л.В.Щербы, М.М.Бахтина,

⁴⁴ Morris C.W. Writings on the general theory of signs, The Hague, 1971.

⁴⁵ Пирс, Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория Метафизических Исследований философского факультета СПбГУ, 2000. С.5.

⁴⁶ Austin, J.L. How to do things with words. Oxford: Clarendon, 1962.

⁴⁷ Searle, J. Speech Act: An essay in the philosophy of language. Cambridge University Press, 1969.

⁴⁸ Grice, H.P. "Meaning", Philosophical Review 66, pp. 377-388.

⁴⁹ Strawson, P.F. Logico-linguistic papers, London: Methuen, 1971.

Ю.С.Степанова⁵⁰, Н.Д.Арутюновой⁵¹. Научный термин «прагматическая лингвистика» в русскоязычную науку вводит О.С.Ахманова в 1961 г.⁵²

Рассмотрим аспекты прагматики, релевантные для изучаемых текстов. В связи с субъектом речи исследователями рассматриваются различные прагматические факторы, из которых, как показал анализ, актуальными для нашего исследования являются:

- 1) явные и скрытые цели высказывания («иллокутивны́е силы», согласно Остину), например, сообщение некоторой информации или мнения, вопрос, приказ, просьба, совет и т. п.;
- 2) установка говорящего, или прагматическое значение высказывания: косвенные смыслы высказывания, намёки, иносказания и т. п.;
- 3) прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фонда знаний, конкретной информированности, интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и способности понимания адресата;
- 4) отношение говорящего к тому, что он сообщает: а) оценка содержания высказывания (его истинность или ложность и пр.), б) введение в фокус интереса одного из тех лиц, о которых говорящий ведёт речь, или эмпатия (термин С. Куно⁵³).

В связи с лингвопрагматикой речи изучается, в частности, воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект⁵⁴): расширение информированности адресата; изменения в эмоциональном состоянии, взглядах

⁵⁰ Степанов Ю. С., В поисках прагматики, Известия АН СССР, сер. ЛиЯ, 1981, № 4.

⁵¹ Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. С. 389. Фактор адресата. — Известия АН СССР, 1981, № 4. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — 6-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

⁵² Цитируется по: Ахманова О.С.. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2. М.: 1969, С.344. Ахманова О., Магидова И. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика//Вопросы языкознания, №3, 1978, С.43-48.

⁵³ Kuno, S. Subject, theme and the speaker's empathy. Subject and topic, NY, 1975.

⁵⁴ Austin, J.L. How to do things with words. Oxford: Clarendon, 1962.

и оценках адресата; влияние на совершаемые им действия; эстетический эффект и т. п.

Прагматические факторы, которые реализуются в исследуемых текстах, мы перечислим здесь в виде обобщённого обзора (подробнее см. Главу 4):

- 1) Прагматические пресуппозиции. Большинство текстов о Дракуле рассчитаны на реакцию определённой аудитории (духовенство для бенедиктинских рукописей, придворные императорского двора в Вене для Бехайма, массовый читатель, «народ», включая женскую аудиторию, для издателей народных книг).
- 2) Отношение говорящего к тому, что он сообщает. Для текстов о Дракуле характерно выражение не только эксплицитного отношения к информации (при помощи сообщаемых фактов), но и имплицитного, передаваемого при помощи языковых средств эмоционального воздействия (уменьшительно-ласкательные формы, негативная лексика). Из перечисленных типов оценки в текстах о Дракуле выражена оценка автором правдивости текста: например, в поэме Михаэля Бехайма это ссылка на надежные устные источники, в т.ч. благочестивого монаха Якоба; в «Констанцской хронике» имеется ссылка на некие «книжки», в которых по именам перечислены казнённые Дракулой.
- 3) Воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект). Тексты о Дракуле, с большой долей вероятности, расширяли информированность читателя или слушателя, систематизируя или сообщая новые для него сведения о личности главного персонажа и его действия. Все тексты, в особенности те из них, что являлись частью политической кампании против Влада III, имели своей целью изменить взгляд адресата на события, в которых участвовал Дракула, и оценку его личности и поступков. Из всех источников на изменение эмоционального состояния

больше всего была рассчитана поэма Бехайма, насыщенная различными приёмами воздействия на эмоции слушателя (см. Главу 4).

Информационная кампания против Дракулы, осуществляемая филологическими средствами, стремилась к тому, чтобы охватить максимально широкий круг предполагаемых реципиентов. Среди них можно выделить 5 групп адресатов: 1) религиозные деятели; 2) политики; 3) учёные; 4) феодальная элита (4а – женщины); 5) массовая городская публика (+ 5а – женщины). Разнообразие аудиторий, на которые предполагалось воздействовать, обусловило разнообразие жанров, в которых представлены тексты о Дракуле. Рассматривая жанровую парадигму изучаемых немецких текстов, необходимо опираться на определённую классификацию жанров и понимание их особенностей и прагматики.

Связь между прагматикой и жанром сформулировал М.М.Бахтин в своей работе «Проблема речевых жанров»⁵⁵: «Произведение, как и реплика диалога, установлено на ответ другого (других), на его активное ответное понимание, которое может принимать разные формы: воспитательное влияние на читателей, их убеждение, критические отзывы, влияние на последователей и продолжателей и т. п.; оно определяет ответные позиции других в сложных условиях речевого общения данной сферы культуры. Речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме».

⁵⁵ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979 С. 237-245, 257.

2.2. Проблема филолого-лингвистической классификации жанров и ранние тексты о Владе III.

Представление о жанрах, их особенностях и классификации эмпирически сложилось в филологии, лингвистике и литературоведении задолго до возникновения собственно теории жанров. Разработанная в лингвистической и филологической литературе теория жанров, в основном относящаяся к современной словесности, опирается на эти эмпирические представления и включает в себя традиционно выделяемые жанры.

Так, например, среди литературных жанров и направлений традиционно выделяются роман, рассказ, новелла, стихотворение, сонет; к законодательным текстам принадлежат конституции, обвинительные заключения и т.д.; педагогические тексты подразделяются на учебные тексты и упражнения. Все вышеперечисленные типы могут пониматься как виды жанров, поскольку являются специфическими типами текста со своими характерными особенностями⁵⁶.

В основополагающих работах по теории жанра проблема их классификации изучалась с позиции литературоведения. В истории изучения литературного жанра сложились несколько парадигм, сложившихся вначале как формы литературного самосознания, а позднее послужившие основой для определенных научных концепций.

Так, А.Н. Веселовский⁵⁷ и Ю.Н. Тынянов⁵⁸ рассматривали жанр в неразрывной связи с жизненной ситуацией, в которой он функционирует. Наиболее важной здесь предстаёт ориентированность на аудиторию, что и определяет объем произведения, его стилистику, тематику и композиционную структуру. Подобный подход перешел в научное изучение канонических жанров от поэтик

⁵⁶ Чернец Л. В. Литературные жанры. М., 1982. С. 6. О функциях литературного жанра // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1979. Т. 38. № 6. С. 549.

⁵⁷ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., Высшая школа, 1989.

⁵⁸ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.282-283.

и риторик древности и Средневековья. Понимание жанра как отражения традиционно-общего или индивидуально-авторского восприятия реальности переходит от литературы и эстетики эпохи предромантизма и романтизма к поэтике XX вв., например, в теории жанра у О.М. Фрейденберг, и порождает концепцию жанра как «содержательной формы» у Г.Д. Гачева⁵⁹. На основании теории трагедии от Аристотеля до Шиллера формируется представление об особом аспекте структуры художественного произведения - границе между эстетической реальностью и действительностью, в которой находится читатель-зритель. В отечественном литературоведении новый взгляд на проблему через эстетику символизма перешел в «психологию искусства» Л.С. Выготского (идеи «эстетической катастрофы» и «уничтожения содержания формой»)⁶⁰.

Б.В. Томашевский в своей работе «Теория литературы. Поэтика» рассматривает признаки жанра, т. е. приемы, организующие композицию произведения, как доминирующие приёмы, подчиняющие себе все остальные, необходимые в создании художественного целого. Такой главенствующий прием иногда именуется доминантой. Совокупность доминант и является определяющим моментом в образовании жанра.⁶¹

В.М. Жирмунский⁶² предлагает разноуровневую типологизацию литературных произведений, выделяя термин «род» поэзии, например, лирический, эпический и драматический род. Жанры он определяет как более узкие категории. Например, поэма, басня, роман, новелла, по В.М.Жирмунскому - эпические, т. е. повествовательные жанры; ода и элегия - лирические жанры; трагедия, комедия - драматические жанры. Он также отмечает, что признаки жанра охватывают все стороны поэтического произведения, включая особенности построения произведения, его тематики и языка, в частности, стилистики.

⁵⁹ Сапогов В. А. Вид литературный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 64.

⁶⁰ Тамарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С.3.

⁶¹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 207-210.

⁶² Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб.: Изд. С.-Петербургского университета, 1996. С. 374, 376, 381-382.

М.М.Бахтин проводит различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами. К вторичным речевым жанрам он относит романы, драмы, научные исследования, большие публицистические жанры. Они возникают «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) - художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям»⁶³.

Жанровая типология Г.Н.Поспелова⁶⁴ имеет точки соприкосновения с теорией М.М.Бахтина. Их объединяет признание ведущего значения содержательного начала жанров, стремление к построению функциональной поэтики жанровых групп. Сближает их и принцип перекрестной классификации: линии деления по жанровым группам не совпадают с родовой дифференциацией произведения.

В отношении немецкой словесности Средневековья и XV в. большое количество работ вышло в Германии. В этих работах применимо к речевому жанру употребляется термин *Textsorte* (тип/вид/жанр текста). В данном случае *Textsorte* является наиболее общим понятием, по смыслу соответствующим речевым жанрам Бахтина⁶⁵. Немецкая лингвистика текста (*Textsortenlinguistik*),

⁶³ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979 С. 237-245

⁶⁴ Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 152–153.

⁶⁵ Н. С. Бабенко. *Textsortenlinguistik* vs лингвистическое жанроведение. В кн.: Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. М.: 2009, С. 235-244. См. также: Бабенко Н. С. К истории немецкого языка как истории жанров текста // 100 лет со дня рождения профессора Н. С. Чемоданова: Материалы юбилейных чтений (22–23 декабря 2003 г.) / Е. Р. Сквайрс (отв. редактор). М., 2003. С.11-13. – Бабенко Н. С. Дидактические аспекты жанровой типологизации текстов//Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Калуга, 2000. Стр. 13-16. – Бабенко Н. С. О методической целесообразности классификации текстов по типам в курсах по теории и истории немецкого языка//Теория и история германских языков в современной высшей школе России, Калуга 1998. Стр. 38-43. – Бабенко Н.С., Семенюк Н.Н. Современная немецкая лингвистическая терминология//Формы дифференциации языка и особенности национальных терминологических традиций. М.: 2002. Стр. 34-45.

или лингвистическое жанроведение, развивавшаяся с 70-х гг. XX в., по своим задачам в большей степени связана с теорией текста как категории коммуникации во всем разнообразии форм ее проявления. Жанр здесь объединяет тексты с общим содержанием и некоторыми общими особенностями формальной организации. Тем самым жанры — «это более или менее стандартизованные и имеющие общую направленность разновидности устной и письменной коммуникации».⁶⁶ Подобный подход к проблеме речевого жанра, ориентированный, как и у Бахтина, на коммуникативные и прагматические функции («речевой замысел»), является актуальным и для нашей работы, исследующие тексты с ярко выраженными прагматическими задачами.

В немецкой школе лингвистической классификации текстов в качестве основной проблемы рассматривается сильная неоднородность текстов: далеко не все жанры могут быть однозначно отнесены к какому-то одному типу. Теория композиции текста, которая могла бы описать и объяснить глобальные структуры и принципы организации текстов, до сегодняшнего дня не была в достаточной мере разработана⁶⁷. Только с конца 1960-х годов в лингвистике текста начали возникать различные классификации жанров. Рассмотрим наиболее значимые из них⁶⁸ и проанализируем их актуальность для нашего исследования.

Грамматические структуралистские модели классификации 1970-х гг. были основаны на критериях «поверхности текста» и его внутренней структуры. При

⁶⁶ Семенюк Н. Н. К вопросу о соотношении стилистики и лингвистики текста (разграничение аспектов изучения) // Теория и история германских и романских языков в высшей школе России. Калуга, 1998.

⁶⁷ Kirsten Adamzik (Hrsg.): Textsorten. Reflexionen und Analysen. Stauffenburg, Tübingen 2000.

⁶⁸ Wolfgang Heinemann: Textsorte – Textmuster – Texttyp. In: Klaus Brinker u. a. (Hrsg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. de Gruyter, Berlin u. a. 2000.; Barbara Sandig: Zur Differenzierung gebrauchsspezifischer Textsorten im Deutschen. In: Elisabeth Gülich und Wolfgang Raible (Hrsg.): Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. 2. Aufl., Athenaion, Wiesbaden 1975; Eigenwald, Rolf. Textanalytik. München 1974; Dimter, M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt alltagssprachlicher Textklassifikation. Niemeyer, Tübingen 1981; Alfons Brendel; I. Brack-v. Wins; Victoria Schmitz: Textanalysen II. Untersuchung von Texten. 2. Auflage. München: Manz-Verlag, 1977, стр. 362; Große, E.U. Texttypen. Linguistik gegenwärtiger Kommunikationsakte. Theorie und Deskription. Kohlhammer, Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz 1974.

этом изучаются как системные языковые особенности, так и особенности грамматики текста. Жанр или вид текста рассматривается как грамматическая структура (текст-грамматические модели). Этому подходу придерживались, в частности, Р. Харвег⁶⁹ и Х. Вайнрих⁷⁰. Однако они сосредотачиваются исключительно на внутренних особенностях языка текстов и их связи между собой. В пределах нашей работы данный подход оказывается недостаточным, поскольку для исследуемых текстов жанрообразующими являются также и внешние характеристики текста:

- внешняя форма (рукописный или печатный текст);
- массовость (существует ли текст в единичном экземпляре, или издавался определённым тиражом, как печатные книги).

Тематические модели также классифицируют тексты по жанрам на основе внутритекстовой структуры. В этих моделях особо учитываются связи между темами в текстах. В нашем случае более важны связи между сюжетами внутри текста. Структурная особенность всех текстов о Дракуле заключается именно в перечислении эпизодов, их количестве, последовательности и т.д.

Теория коммуникативных компонентов рассматривает жанр как результат сочетания определённых признаков. Так, например, Б. Зандиг⁷¹ предприняла попытку классификации жанров, выделив 20 различительных признаков. Но, как и в семантическом анализе компонентов, возник ряд вопросов: как выделить набор этих признаков, каков их статус и в чём их лингвистические особенности. Иерархический принцип, который часто используется в этом методе, и отсутствие единой основы для классификации являются наиболее спорными моментами этой теории.

⁶⁹ Harweg, R. Pronomina und Textkonstitution. München 1968.

⁷⁰ Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich 1993.

⁷¹ Sandig, B. Zur Differenzierung gebrauchsspezifischer Textsorten im Deutschen. In: Elisabeth Gülich und Wolfgang Raible (Hrsg.): Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. 2. Aufl., Athenaion, Wiesbaden 1975

Начиная с 70-х гг. большое внимание в языкознании начало уделяться прагматике. Тогда же получили распространение *ситуативные модели* классификации жанров, опирающиеся не только на сам текст, но и на коммуникативную ситуацию. При этом учитываются различные ситуативные аспекты, такие, как среда, в которой создан текст, и область его применения. Жанр или класс текста рассматривается при этом как реализация жанра коммуникации.

Когда стало очевидно, что фактические области функционирования текстов не могут быть всеобъемлющими, а рассчитаны на определённую ситуацию и аудиторию, возникла широко распространившаяся *классификация жанров по принципу сферы функционирования жанра*, например, научный текст, тексты официально-делового стиля, историография (в частности, хроники), художественные тексты различного рода. Для современных жанров словесности Р. Айгенвальд⁷² распределяет жанры по 5 областям деятельности: публицистический текст (новости, сообщение, статья, комментарий), экономический текст, политический текст (речь, листовки, памфлет), юридический текст (законы, договоры) и научный текст.

Особый интерес для данного исследования представляют *функциональные модели* классификации жанров, поскольку они непосредственно связаны с прагматикой текста, которая стоит в центре внимания данного исследования. Эти модели основаны на коммуникативной функции текстов и исходят из гипотезы, что тексты создаются с определённой коммуникативной целью. Внешнетекстовыми критериями при этом являются: функция текста, способ коммуникации («коммуникативный канал») и коммуникативная ситуация, в которой возникает текст. Решающим фактором для возникновения жанра в этой модели является функция, лежащая в основе текста, область его применения и задачи. Соответственно функциям тексты и распределяются по жанрам, т.е.

⁷² Eigenwald, R. Textanalytik. München 1974. S. 57.

функция текста является главным фактором в данной классификации. Например, все тексты, чьей главной функцией является передача информации, включаются в «информативный жанр».

Однако в данном случае затруднительно дать исчерпывающее определение понятию «функция текста». В целом в функциональной модели она определяется как информация, которую составитель текста хочет донести до реципиента с определённой целью. Таким образом, функция текста даёт представление о том, как составитель хочет, чтобы его текст был воспринят и понят. Исключительно эстетические цели создания текста, тем не менее, тоже учитываются в качестве функции.⁷³

А. Брендель предлагает следующую классификацию, основанную на функциональной модели⁷⁴:

- 1) обучающие (когнитивные) тексты: научные и научно-популярные тексты;
- 2) регулирующие (нормативные) тексты: тексты законов, гарантии, инструкции;
- 3) информативные тексты: сюда относятся сообщения, доклады, протоколы, новости в масс-медиа;
- 4) апеллятивные тексты: реклама, политическая пропаганда;
- 5) описательные (дескриптивные) тексты: описание функционирования предметов, например, техническая документация;
- 6) развлекательные тексты: сюда относятся как биографическая литература, так и детективные романы, описания путешествий и т.д.;

⁷³ Dimter, M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt alltagssprachlicher Textklassifikation. Niemeyer, Tübingen 1981.

⁷⁴ Brendel, A.; I. Brack-v. Wins; Victoria Schmitz: Textanalysen II. Untersuchung von Texten. 2. Auflage. München: Manz-Verlag, 1977, S. 362.

7) поэтические (эстетические и творческие) тексты: художественная литература (проза, драматургия, поэзия).

В рамках функциональных моделей текстов возникли типологии жанров, связывающие их с определёнными действиями. Так, например, Э.У.Гроссе⁷⁵ предлагает классификацию на основе коммуникативных функций текста, в том числе также выделяя:

- нормативные тексты (функция – нормативная, примеры – законы, договоры, протоколы судебных заседаний);
- поэтические тексты (функция – поэтическая, примеры – стихотворение, роман, комедия);
- аппелятивные тексты (функция – обращение, призыв, примеры – политическая агитация, ходатайство);
- информативные тексты (функция – передача информации, примеры – новостные тексты, научные тексты).

Как заключение, Гроссе выделяет так называемый переходный класс (Übergangsklasse), в котором две или более функции присутствуют в тексте в равной мере (например, призыв и передача информации).

Этот последний класс придаёт модели гибкость, поскольку текст может быть отнесён к двум или более категориям. На практике множество текстов оказываются на стыке жанров и категорий. Осознание того, что структура текста может изменяться в зависимости от задач этого текста, позволяет взглянуть на типологию текста как на меняющуюся, а не статичную вневременную модель. Поэтому в современной науке на смену попыткам создать строгую классификацию жанров и видов текста приходит более гибкий

⁷⁵ Große, E.U. Texttypen. Linguistik gegenwärtiger Kommunikationsakte. Theorie und Deskription. Kohlhammer, Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz 1974.

подход к классификации. В. Хайнеманн предлагает *многоуровневые модели* классификации жанров. Для них характерны следующие принципы:

- 1) Совместимость с общепринятыми жанрами: модель классификации жанров не должна противоречить устоявшемуся в сознании людей пониманию жанров.
- 2) Основой классификации являются различные типологические уровни.

Многоуровневая классификация жанров основывается на утверждении, что понимание того, что представляет собой текст того или иного жанра, возникает путём рассмотрения его с разных точек зрения, на разных уровнях (например, уровень 1 – функциональные типы, уровень 2 – типы ситуаций, уровень 3 – структура текста и т.д.) ⁷⁶. Вопрос об иерархии этих уровней Хайнеманн оставляет открытым.

Для нашего исследования проблема филолого-лингвистической классификации жанров является особенно актуальной, поскольку выбор жанра в случае текстов о Дракуле каждый раз был связан с определённой практической задачей, стоявшей перед его автором или составителем. Теоретической основой для классификации жанров исследуемых текстов послужили идеи и подходы В.М.Жирмунского и М.М.Бахтина, предлагавших разноуровневые классификации и считавших прагматику важнейшим жанрообразующим факторов. С точки зрения лингвистики представляется наиболее уместным функциональный подход к классификации жанров, где главную роль играют коммуникативная функция, лежащая в основе текста, область его применения и задачи. Однако особенность исследуемых текстов в том, что ни один из них не уместается в рамки традиционной классификации жанров, и даже в более

⁷⁶ Heinemann, W. Textsorte – Textmuster – Texttyp. In: Klaus Brinker u. a. (Hrsg.): *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbband. de Gruyter, Berlin u. a. 2000.

гибкой функциональной модели каждый из типов текстов относится к классу, названному Э.Гроссе «переходным».

Так, поэма Михазля Бехайма, помимо эстетической (поэтической) функции, несомненно, несёт в себе черты аппелятивности (прямое обращение к слушателю и его эмоциям) и информативности (цель – донесение до слушателя новой информации в строго определённом ключе). С точки зрения коммуникативной передачи, «канала», по которому это произведение было донесено до адресата, следует помнить, что поэма Бехайма была предназначена для исполнения вслух на определённую мелодию, ритм которой диктовал размер стиха (подробнее см. Главу 3).

«Констанцская хроника» Гебхарда Дахера, по формальным признакам историографического сочинения выполняющая информативную функцию, на самом деле имеет и признаки развлекательного текста, поскольку содержит занимательные истории (в том числе историю о Дракуле), не имеющие отношения к хронологической летописи города.

Особняком стоят первый и финальный этапы жанровой эволюции текстов о Дракуле: рукописи бенедиктинских монахов и печатные народные книги. Ниже будет показано, что бенедиктинские рукописи не являлись средством массового воздействия, скорее, они представляют собой тексты, составленные для внутриинституционального распространения и употребления в бенедиктинских монастырях. Поэтому, при том, что эти тексты несут некоторые формальные признаки агитационной литературы, например, памфлета (аппелятивные тексты), или даже выдержки из судебного протокола (нормативные тексты), они не встраиваются ни в одну из парадигм жанров, потому что ни один из признаков их жанровой принадлежности не соответствует реальной функции бенедиктинских рукописей.

Народные книги сочетают в себе признаки информативного текста, встречающиеся в бенедиктинских рукописях, с добавленной к ним морализаторской концовкой, за счёт которой примыкают к духовно-наставительной литературе. Функциональные задачи, выполняемые ими, дополнительно относят печатные книги о Дракуле к классу развлекательных текстов.

Одна из главных особенностей немецких текстов о Дракуле заключается в том, что они представляют собой единый сюжет, представленный в различных жанрах. Нашей целью является понять, почему для реализации истории о Дракуле были выбраны именно эти жанры. Поэтому крайне важным для данного исследования является рассмотрение текстов о Дракуле не только с точки зрения общей классификации жанров, но и в системе жанров исследуемого периода.

Опираясь на состав и структуру (разделы и главы) антологии ранненововерхненемецкой литературы, мы можем составить достаточно полный перечень жанров, существовавших в немецкой словесности XV в. Эта эмпирически выведенная классификация средневековых нарративных жанров⁷⁷ может далее быть условно применена в качестве систематической классификации. Таким образом, перечень включает в себя следующие жанры:

- позднюю придворную эпическую поэзию (большие нарративные поэмы);
- малые поэтические формы: песенную лирику (мейстерзанг, народные песни, песни духовного содержания);
- развлекательно-дидактическую литературу (собрания пословиц и поговорок, басни, народные книги и т.п.);
- средневековую драму (мистерии, фастнахтшпили)
- духовно-наставительные жанры (проповеди, жития святых);

⁷⁷ Heger, H. Spätmittelalter, Humanismus, Reformation. Texte und Zeugnisse. München 1978; Kettmann, G. Frühneuhochdeutsche Texte. Leipzig 1985.

- агитационную литературу (листовки, памфлеты, отчасти также печатные книги);
- историографическую литературу;
- различного рода тексты официально-делового письма (средневековое право, договоры, документы);
- научно-описательную литературу (трактаты, энциклопедии, практические руководства);
- географические сочинения (описания путешествий и паломническая литература);
- печатные прогностики (календари, альманахи с предсказаниями на будущий год).

Нетрудно увидеть, что часть этих жанров не подходила для реализации сюжета о Дракуле в соответствии с прагматической задачей, поставленной кампанией против него. Дракуле не мог быть посвящены ни проповеди, ни житийная и другая подобная духовная литература; не подходила для этого и тематика научно-популярной литературы и печатных альманахов. Описания путешествий чаще всего были связаны с темой паломничества, но ни в Трансильвании, ни тем более в православной Валахии не было значимых католических святынь.

Отчасти подходящим является жанр развлекательно-дидактической литературы, за исключением тех его подвидов, которые были в нашем случае неэффективны по форме и по предполагаемому содержанию (пословицы и басни).

Таким образом, теоретически возможными для реализации истории о Дракуле остаются 7 жанров: 1) поэма, 2) развлекательно-дидактическая литература, 3) песенная лирика, 4) средневековая драма, 5) агитационная литература, 6) историографический жанр, 7) официально-деловые тексты. На практике в

исследуемом корпусе текстов представлены 5 из этих 7 возможных жанров. Официально-деловыми текстами являются поддельные письма на славянском языке, приписываемые Дракуле, а также латинское донесение для папы римского (исходный для немецких текстов латинский текст X), частично также отражённое в «Комментариях» папы Пия II (см. далее, Глава 3); к официальным жанрам относятся и сами «Комментарии».

Историографический жанр представлен в корпусе текстов о Дракуле «Констанцской хроникой». Народные книги относятся одновременно к агитационной и развлекательно-дидактической литературе. И, наконец, жанр поэмы представлен произведением Михаэля Бехайма.

Как мы видим, в этом перечне не представлены лишь два жанра, соответствующих прагматике кампании, организованной против Дракулы, и пригодных для реализации соответствующих текстов: 1) песенная лирика и 2) средневековая драма (например, мистерии или фастнахтшпили). Масленичная комедия *Des Turcken vabnachtspiel* (*Фастнахтшпиль турка*) Ганса Розенблюта (1456 г.) полностью посвящена турецкому «императору», который рассказывает о том, как хочет пойти войной на христиан⁷⁸. Теоретически подобный мотив мог быть разработан и в отношении Дракулы. Причины, по которой не были использованы эти жанры, нам неизвестны: возможно, произведения этих жанровых категорий – мистерии и лирические песни, – существовали, но не сохранились в виде письменных источников.

Опираясь на проведённый анализ, мы можем сделать два основных вывода. Во-первых, для реализации сюжета о Дракуле были отобраны только те жанры, которые действительно являлись эффективными для распространения сюжета среди различных аудиторий. Этот факт подтверждает довод о том, что против Влада Дракулы действительно проводилась спланированная клеветническая

⁷⁸Kettmann, G. Frühneuhochdeutsche Texte. Leipzig 1985.S. 218.

кампания. Во-вторых, как было продемонстрировано выше, авторы кампании практически исчерпывают существующую систему жанров. Следовательно, мы можем понимать эту кампанию как определённую, замкнутую парадигму текстов, имеющую конкретную прагматику.

Глава 3. Немецкоязычные тексты о Владе III, их возникновение, задачи и преемственность.

Корпус текстов, исследуемых в данной работе, полностью охватывает всю раннюю документально-литературную традицию сюжета о Дракуле, начиная с 1462 г. и до конца XV в. Этот сюжет ещё какое-то время существовал и в XVI веке в форме народных книг – в качестве отдельной истории или вставки в нравоучительные сочинения, повествующие о тиранах прошлого⁷⁹.

Западноевропейская традиция XIX-XXI веков, начало которой положил роман Брэма Стокера «Дракула» 1879 г., основывается в большей степени на мифологии, но, тем не менее, продолжает мотив о зловещем правителе, впервые появившийся в немецких текстах XV в. Румынская фольклорная традиция и древнерусская «Повесть о Дракуле» Фёдора Курицына⁸⁰ не только являются более поздними версиями сюжета о валашском правителе, но и представляют собой другое направление его развития и иную оценочную позицию. Хотя все эти традиции родственны исследуемому корпусу текстов, данное исследование не останавливается на них, сосредотачиваясь исключительно на немецких текстах XV в. и их возможных первоисточниках.

3.1. Источники: происхождение и хронология.

3.1.1. Рукописи бенедиктинских монахов.

Наиболее ранними из немецких текстов о Дракуле являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 г. и сохранившиеся в Ламбахской (список 1470 гг.)⁸¹, Санкт-Галленской (список

⁷⁹ Harmening, D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten (Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1), Würzburg 1983, S.41.

⁸⁰ Повесть о Дракуле. Исслед. и подг. текстов Я.С.Лурье. М.; Л., 1964.

⁸¹ Zimmermann, F., Wattenbach, W. Über den walachischen Woiwoden Wlad IV., in: Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde N.F. 27 (1896), S. 331-343.

около 1500 г.)⁸², Кольмарской (4-я четверть XV в. [Harmening 1983: 81]) и Лондонской рукописях (конец XV в. [Pribsch 1901: 205]).

Самой ранней считается рукопись, находившаяся в бенедиктинском монастыре в Ламбахе (Австрия). В 1926 г. она была продана и с тех пор затерялась [Harmening 1983: 81]. Однако до этого она была издана в статье в альманахе *Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde*,⁸³ поэтому ее содержание доступно для исследования.

Манускрипт, находящийся в библиотеке бывшего бенедиктинского аббатства Санкт-Галлен (cod. 806), представляет собой рукописный сборник из 210 листов, содержащий сплетенные вместе отдельные рукописи: жития святых (*Der Heiligen Leben*), хронику Клингенберга (*Klingenberger Chronik*) и «Историю о злом Дракуле» (*Historia von dem rösen Dracul*, в рукописях листы стр. 284-288).⁸⁴

Кольмарская рукопись входит в состав кодекса на 218 листах (кат. номер 563). Содержание кодекса сходно с Санкт-Галленским: он содержит Кольмарскую хронику (*Colmarer Chronik*), Вирсбергские пророчества (*Wirsberger Prophezeihungen*) и историю о Дракуле (листы 142v-145v). Примечательно, что и эта рукопись имеет отношение к бенедиктинскому ордену: она была составлена по заказу настоятеля Мурбахского бенедиктинского аббатства Бартоломеуса фон Андлау.⁸⁵

О происхождении рукописи, хранящейся в Лондоне (cod. 239), ничего неизвестно, кроме того, что она, как и остальные рукописные «истории о

⁸² <http://www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/csg/0806>

⁸³ No.27, 1896 г.

⁸⁴ <http://www.handschriftencensus.de>

⁸⁵ Studt, B. Neue Zeitungen und politische Propaganda. Die 'Speyerer Chronik' als Spiegel des Nachrichtenwesens im 15. Jahrhundert, in: *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins* 143 (1995), S. 145-219,

Дракуле», относится к южному региону, поскольку язык текста имеет баварские черты.⁸⁶

Текст бенедиктинских рукописей в данной работе цитируется по Санкт-Галленскому варианту как по наиболее полному из доступных для исследования (см. Приложение III).

Всего в различных вариантах рукописных текстов выделяется 42 эпизода, большая часть которых повторяется во всех манускриптах. Основная масса этих сюжетов позднее вошла в содержание поэмы Михаэля Бехайма и первопечатные книги о Дракуле, они также в основном были отражены в Констанцской хронике.

Общий список этих эпизодов выглядит следующим образом⁸⁷:

1. О том, как прежний наместник велел убить старого Дракулу;
2. О том, как Дракула убил воеводу Ласло;
3. Разорение поселения Клостерхольц;
4. Разорение поселения Бекендорф;
5. Дракула установил день перемирия, но и нарушил его;
6. О сожжении юношей, приехавших изучать валашский язык;
7. О том, как был уничтожен целый род;
8. О казнях и том, как варили людей в котлах;
9. О казни молодого Дана;
10. О послах из Венгрии, которых Дракула заставил ждать приёма 5 недель;
11. О походе в Бурценланд;
12. О том, как Дракула завтракал среди посаженных на кол;
13. О разграблении церкви;
14. О послах из Сибиу (Германштадта);
15. Разорение поселения Фэгэраш;
16. О том, как Дракула спрятал сокровища;
17. О том, как ловили раков на отрубленную голову;
18. О нерадивой жене крестьянина;
19. О разорении Химилаша;
20. О разорении Шильтау;
21. О налогах;

⁸⁶ Karnein, A. De Amore deutsch. Der Tractatus des Andreas Capellanus in der Übersetzung Johann Hartliebs (MTU 28), München 1970, S. 50f.

⁸⁷ Полный каталог эпизодов всех текстов о Дракуле – см. Приложение II.

22. О казни монахов и их осла;
23. О цыганах, наряженных в коровьи шкуры, чтобы пугать турок;
24. О том, как Дракула велел изжарить детей;
25. О том, как Дракула велел прибить послам шапки к головам;
26. О разорении поселения Цайдинг;
27. О разорении Тунау;
28. О том, как Дракула велел продевать шнур через нос жертвам и таскать их за него;
29. О том, как варили людей в котле;
30. О разорении Кольматца;
31. О том, как убивали грудных детей;
32. О том, как людей опускали головой в котёл;
33. О том, как людей насаживали на кол боком;
34. О цыгане-воре;
35. О почтенном человеке, которого убил Дракула;
36. О священнике, проповедовавшем, что грехи не отпускаются;
37. О том, как Дракула спрашивал придворных, сколько государей они помнят;
38. О любовнице Дракулы;
39. О том, как людей шлифовали на шлифовальном камне;
40. О том, как людей закапывали по пояс;
41. О бедняках, которых Дракула велел сжечь.
42. О взятии Дракулы в плен.

Некоторые из этих эпизодов базируются на реальных фактах (см. Главу 1), но для большинства сюжетов историческая основа отсутствует.

Набор эпизодов в Кольмарской и Санкт-Галленской рукописях идентичен; в обоих манускриптах отсутствуют эпизоды 28 и 42. В Ламбахской рукописи отсутствуют эпизоды 5, 28, 33 и 42. В Лондонской рукописи отсутствуют эпизоды 40 и 41, но только в ней имеется история о пленении Дракулы (эпизод 42): во всех остальных манускриптах этот эпизод отсутствует. На этом основании Д. Харменинг выдвигает гипотезу о том, что тексты всех рукописных вариантов «Истории о Дракуле» восходят к единому источнику X, но Лондонская рукопись основывается на ещё одном дополнительном источнике Y (Рис.1).

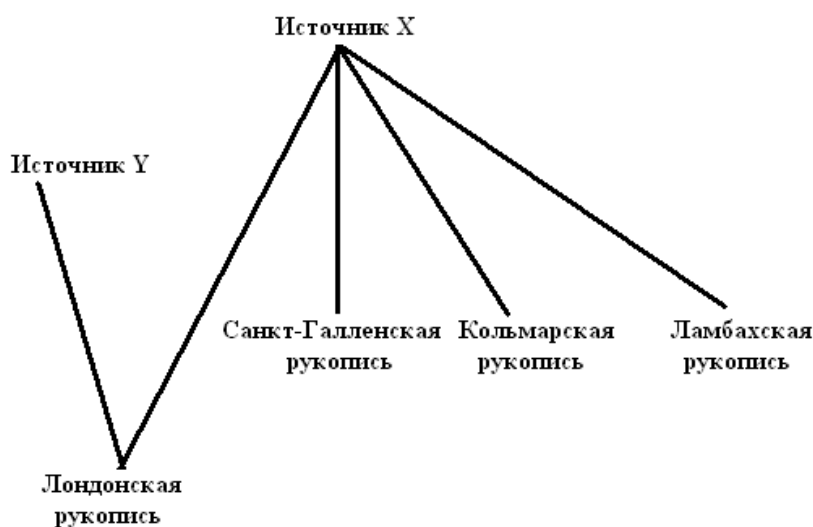


Рис.1. Стемма вариантов бенедиктинских рукописей [Harmening 1983:100].

Фактологическую основу рукописного текста предположительно составляют несколько источников. Как было упомянуто ранее, обилие трансильванских топонимов и точные даты может указывать на то, что одним из источников информации могли быть люди, хорошо осведомлённые о событиях и местах, где они происходили. Особый акцент на несправедливом и бесчеловечном обращении Дракулы с купцами позволяет предположить, что текст мог частично основываться на письмах-жалобах семиградского купечества из Брашова (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт). Карательная экспедиция Дракулы в Трансильванию, описанная в тексте рукописи, действительно имела место. Из этого, однако, не следует, что автором текста является непосредственно трансильванский саксонец. К 1460 г. отношения между князем и трансильванскими городами уже были урегулированы мирным договором, а в 1462 несколько отрядов из Семиграда сражались вместе с валашской армией против турок [Harmening 1983: 18].

Более вероятной выглядит гипотеза о происхождении исходного текста бенедиктинской рукописи от текста донесения, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего информацию о сговоре Дракулы с турецким султаном. Следы этого, по-видимому, не сохранившегося письма

можно найти в «Комментариях» папы Пия II (до 1464 г.)⁸⁸ – мемуарах, написанных на латыни (см. Приложение I). Некоторые эпизоды, присутствующие в бенедиктинской рукописи, встречаются и в «Комментариях»: это сюжеты 1, 2, 5, 6, 10, 23 и 31. Например, мы читаем о Дракуле:

Ex Vurcia quadringentos pueros tanquam lingua Valachorum erudiendos, ad se iussit afferri, quos in aestuario clausos immisso igne cremavit.

(Из Бурценланда 400 юношей, которые изучали валахский язык, к себе велел привести, и их, закрыв в комнате, сжёг в огне).

Подобную историю мы находим и в Санкт-Галленской рукописи; совпадает даже количество жертв:

Item iung knaben und ander die in die Walachey geschickt wurdent die warend von vil landen, das sy soltend lernen die sprach ouch ander ding, die ließ er selbst zusamen bringen und im beantworten. Die ließ er all in ain stuben zusamen tun und ließ sy verbrennen der warend in der zal 4 hundert.

(Далее юношей и других, которые были посланы в Валахию из многих стран и должны были изучать язык и другие предметы, повелел он привести и велел держать перед ним ответ. И он велел их всех собрать в одной комнате и сжечь; а числом их было четыре сотни).

Daym quendam filium alterius Daym Vaivodae in bello cepit, viventiq. ac videnti sepulchrum erexit, iussitq. sacerdotes exequias decantare, quibus finitis captivo caput amputavit.

(Дана, сына другого Дана воеводы⁸⁹ захватил он (Дракула) в битве, живому ему сделал могилу и повелел отпеть его, после чего отрубил пленному голову).

Item er hat den jungen Darin gefangen, darnach hat er in lassen begen durch sin priesterschaft und so er eß alles volbracht hatt, do hat er den lassen machen ain grab nach gewonhait der Christen und hat sin lassen abschlagen sin houbt by dem grab.

⁸⁸ <http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10165682-2>

⁸⁹ Дан III из рода Дэнешти, конкурентов Дрэкулешти (рода Дракулы) в борьбе за престол Валахии.

(Далее он поймал молодого Дана, после чего он велел своим священникам совершить над ним обряды, а когда он всё закончил, он (Дракула) велел сделать ему могилу по христианскому обычаю и велел отрубить ему голову у могилы).

На основе материала бенедиктинской рукописи впоследствии начали возникать немецкоязычные литературные обработки, разнообразные по своему жанру. С фактологической и хронологической точки зрения непосредственным «преемником» рукописной истории о Дракуле является поэма Михаэля Бехайма «О злодее, прозванном Дракул воевода валашский» (1463 г.).

3.1.2. Поэма Михаэля Бехайма.

Поэма Михаэля Бехайма «Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei» (*О злодее, прозванном Дракула воевода валашский*) написана в 1463 г. Она содержит 1070 строк, составленных из 107 десятистрочных стансов. Рукописный оригинал произведения наиболее полно сохранился в составе 458-страничного кодекса, датируемого 1474 годом и содержащего тексты как религиозного, так и светского характера⁹⁰. Кодекс заканчивается индексом текстов в 12 столбцов, где поэма Бехайма отмечена как Item von dem Dracole XCIII (*Далее о Дракуле*). Авторство указано в следующем тут же комментарии красными чернилами: Diese nachgeschriben geticht sten Michel Pehaims oster weis und das erst in den noten sagt vom hailigen gaiste XCVI (*Это записанное стихотворение Михеля Бехайма, <исполняющееся как> пасхальное песнопение, в котором в нотах сначала говорится о Святом Духе*).

⁹⁰ Описание кодекса см. Bartsch K., Die altdeutschen Handschriften der Universitätsbibliothek in Heidelberg, Heidelberg, 1887. Текст доступен в библиотеке Гейдельбергского университета, Codex CPG 334, стр. 94a-104a.

Рукописный текст поэмы существует также в кодексе Государственной библиотеки Баварии СРГ 291 и в виде отрывков в других сборных рукописях. В данной работе поэма цитируется по изданию 1968 года⁹¹.

С фактологической точки зрения поэма Бехайма полностью включает в себя материалы донесения бенедиктинских монахов и добавляет дополнительные сведения: о сговоре Дракулы с турецким султаном (эпизод 43) и о взятии воеводы в плен по приказу короля Венгрии (более подробно, чем в Лондонской версии бенедиктинской рукописи).

О личности автора поэмы известны самые общие факты. Михаэль (Михель) Бехайм (Michel Beheim, 1417 – 1472 или 1474 гг.) родился в семье ткача и был выучен ремеслу своего отца, но в 1439 году поступил на службу к императорскому казначею (Reichserbkämmerer) Конраду фон Вайнсбергу, за которым, предположительно, следовал во время его поездок к княжеским дворам. Судя по всему, в это время он начинает пробовать себя в карьере придворного поэта. После смерти Конрада (1448 г.) он перешёл на службу к маркграфу Альбрехту Бранденбургскому, потом жил при дворе короля датского и норвежского Кристиана I, герцога Альбрехта III Баварского, а затем короля Венгрии Владислава V, пока с 1457 г. не обосновался в Вене при особе императора Священной Римской Империи Фридриха III⁹². Ко времени его службы у последнего и относится поэма «*Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei*» (О злодее, прозванном Дракула воевода валахский). Сам автор утверждает, что она написана со слов монаха Якоба, который сам был свидетелем зверств валахского воеводы и бежал от них в австрийские земли, остановился в городе Винер Нойштадт (тогда относившемся к Штирии), и часто встречался с поэтом Бехаймом и поведал ему эту историю:

⁹¹ Gille H., Spriewald I., Die Gedichte des Michel Beheim. Deutsche Texte des Mittelalters, Band IX. Akademie-Verlag, Berlin, 1968-1972.

⁹² Bleyer, J. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV., Woiwoden von der Walachei: Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde. Neue Folge 32, 1 (1903) S. 5-39.

bruder Jacob, den ich e han
genennet mit den vargen,
Pei Steiermark gen dem lande
kam er in dy Newenstadt auff
unsers herren des kaisers haff
in ain kloster zu hande.
Da selbst ich Michel Beham
gar oft zu disem bruder kam.
der saget mir vil übel
Dy der Trakal waida began,
der ich ain tail getichtet han
van disem galgenschübel. (805-816)

(Брат Якоб, которого я упомянул вместе с этим чудищем, пришёл в монастырь в Нойштадте в Штирии, принадлежащий нашему господину императору. Туда я сам, Михель Бехайм, часто приходил к нему, и он рассказал мне о тех многих злодействах, которые совершил Дракула-воевода, и часть из них я описал в стихах – об этом висельнике).

Неизвестно, существовал ли этот свидетель на самом деле, но даже если беседы с братом Якобом действительно имели место, основным источником информации его рассказы быть не могли (этот вопрос будет рассмотрен нами ниже). Известно другое: большая часть поэтических произведений Бехайма носили характер политических памфлетов, поддерживающих, прямо или косвенно, высочайшего покровителя поэта⁹³. Так, например, *Das Buch von den Wienern*, объёмная, в 13 000 строк «Книга о горожанах Вены», повествует об осаде королевского замка эрцгерцогом Альбрехтом и бургомистром Вены Хольцером. Жители Вены, примкнувшие к бунту, подвергаются в поэме порицанию и поношению со стороны автора: *Handwerker, Schälke und Lasterbälge* (*ремесленники, плуты и злословы*) называет их Бехайм. Другие

⁹³ Schlott, A. Michael Beheim. Mein ganzes Reichtum ist mein Lied. Tübingen, 2001.

примеры заказных поэтических произведений автора – *Das Leben Friedrichs I. der Pfalz* (*Жизнь Фридриха I Пфальцского*, 1469 г.) и *Pfälzische Reimchronik* (Пфальцская рифмованная хроника (1471 г.))⁹⁴. Логичным представляется, что и тема для новой поэмы была выбрана придворным поэтом неслучайно, тем более что она отличалась не только острой политической актуальностью, но и затрагивала интересы Фридриха III. Однако поэме Бехайма «*Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei*» было уготовано особое место среди его многочисленных произведений: она положила начало литературному мифу о Дракуле-злодее, оказавшемуся впоследствии одним из наиболее стойких в литературной традиции. Для нашего исследования особенно важно то, что поэма Бехайма является первой художественной обработкой текста о Дракуле: её автор первым сделал шаг от документа к литературе.

Поэма была написана в 1463 г. и исполнена автором зимой того же года при венском императорском дворе. Поэма о Дракуле, как и все произведения Бехайма, предназначалась не для чтения, а для пения автором в сопровождении музыкальных инструментов⁹⁵. Структура поэмы соответствует законам *мейстерзанга*; она исполнялась на *Osterweise*, мелодию пасхальных песнопений. Безусловно, сама поэма является длинным повествовательным текстом и не может являться классическим примером *мейстерзанга*, но при этом автор использует и характерную для этого вида искусства мелодию, и стансовую ритмику. Поэма о Дракуле состоит из 1070 строк, составленных из 107 десятистрочных стансов, включающих в себя два трёхстрочных *штоллена* (*Stollen*: схема рифмы aab и ccb) и один четырёхстрочный *абгезанг* (*Abgesang*: схема рифмы deed).⁹⁶

⁹⁴ Оцифрованная рукопись, университет Рупрехта-Карла, Гейдельберг: <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg335>

⁹⁵ Dickens D. B., Miller. Michel Beheim, German Meistersong, and Dracula. International Conference of the Fantastic in the Arts, 2003.

⁹⁶ Типы строф в традиции *мейстерзанга*.

Поэма была рассчитана на эмоциональное воздействие на аудиторию, когда объективность восприятия становится второстепенной. Текст изобилует оценочной лексикой: *wutrich und tirann (злодей и тиран), der ubel plut vergiesser (злодей, проливающий кровь)*. Далее, Дракул представлен язычником, по умолчанию не подлежащим оправданию. Описывая казни жертв Дракулы, Бехайм эффективно использует гиперболизацию с целью поразить слушателя поэмы и создать неизгладимый и абсолютно отрицательный образ.

3.1.3. «Констанцская хроника».

Произведение, в научной литературе выступающее под названием «Констанцская хроника» (Konstanzer Chronik) представляет собой литературно обработанное собрание разнообразных исторических сведений с начала XV в. и до 1470 года. Её автором является Гебхард Дахер (Gebhard Dacher), собиратель книг и хронист из Констанца, занимавшийся также сбором таможенных податей. Дата его рождения неизвестна; к 1472 году, согласно рукописной заметке городского писца Конрада Альбрехта, Дахер уже скончался.⁹⁷

Три доступных для исследования рукописных варианта «Констанцской хроники» хранятся в 1) библиотеке монастыря Санкт-Галлен (Cod. 646), 2) Вюрттембергской федеральной библиотеке в Штуттгарте (Cod. HB V 22) и 3) Австрийской национальной библиотеке в Вене (Cod. 2807)⁹⁸.

В данном исследовании был использован материал Санкт-Галленского варианта. Это старейший список Констанцской хроники Гебхарда Дахера, написанный и проиллюстрированный самим автором между 1458 и 1472 гг.⁹⁹

⁹⁷ Lorenz O. Dacher von Dingelstorff, Gebhard. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 4. Duncker & Humblot, Leipzig 1876, S. 688.

⁹⁸ www.handschriftencensus.de

⁹⁹ Scarpatetti, B. M. v. Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen, Bd. 1: Abt. IV, Codices 547-669. Hagiographica, Historica, Geographica, 8.-18. Jahrhundert, Wiesbaden 2003, S. 279-281.

Рукопись представляет собой кодекс на 542 страницах/258 листах; на страницах 435-439 находится текст о Дракуле.¹⁰⁰

Текст Констанцской хроники содержит максимальное количество эпизодов из базового набора, который мы обнаруживаем в бенедиктинских рукописях (далее здесь - БР). Эпизоды расположены в том же порядке, что и в Санкт-Галленской и Кольмарской БР, 28 и 42 эпизоды отсутствуют. Повествование указывает год начала описываемых событий - 1456 год, как во всех рукописях, кроме Санкт-Галленской БР.

Кроме того, в хронике имеются 6 дополнительных эпизодов (см. также Приложение V):

- 44. О юноше, которому понравился хорошо обструганный кол.
- 45. О после, сказавшем Дракуле правду о его жестокости.
- 46. О посольстве от турецкого султана.
- 47. О том, как Дракула посадил на кол всё турецкое посольство.
- 48. О том, что Дракула в 15-й раз разорил свои земли и убил людей без числа.
- 49. О том, что, помимо упомянутых убитых, Дракула казнил ещё 92 268 человек.

Эпизоды 43, 46, 47, 48 и 49 являются уникальными: они отсутствуют в БР, у Бежайма и в первопечатных книгах. История 45 присутствует в первопечатных книгах, но в другом варианте: Дракула спрашивает не послов, а монахов, действительно ли он самый страшный злодей из всех правителей. Того, кто сказал ему правду, он награждает и отпускает. У Бежайма эпизод 45 описан с прямо противоположным итогом: монаха, сказавшего правду, Дракула казнит.

Сообщение в Констанцской хронике, таким образом, восходит к нескольким источникам: источнику X, как и БР, и ещё одному, неизвестному исследователям, источнику Z, из которого взяты уникальные эпизоды 44, 46,

¹⁰⁰ <http://www.e-codices.unifr.ch/de/list/one/csg/0646>

47, 48 и 49 и, возможно, эпизод 45, который у Бехайма и в первопечатных книгах представлен иначе, хотя имеет общий с хроникой тип сюжета.

3.1.4. Народные книги о Дракуле.

Дальнейшая популяризация истории о Дракуле продолжилась и после его смерти в 1476 г. Это было связано с тем, что именно на данный период (1470-80-е гг.) пришёлся момент смены эпох и наступление эры книгопечатания. Выбор тематики для народных книг – небольших печатных брошюр – обуславливался прежде всего спросом со стороны читателя. Популярны были, в числе прочего, страшные истории и рассказы, связанные с войной с турками. Повествование о Дракуле соответствовало этим критериям. Поэтому, хотя политическая пропаганда против Влада III изжила себя, это не помешало издателям использовать коммерческий потенциал историй о нём.

Издание Марка Айрера 1488 г. является точкой перехода от политической прагматики историй о Дракуле к коммерческой. Смена лингвопрагматической цели текста привела и к изменению его жанра.

Поскольку народные книги о Дракуле не преследуют политических задач, столь важные для предыдущих версий подробные описания казней в них сокращены, чтобы не занимать лишнего объёма при печати: печатный формат требовал более сжатого изложения. Кроме того, основной целью текста стало привлечение интереса массового читателя, которого могли утомить чересчур долгие описания деталей и обилие незнакомых ему географических названий.

Ещё более важной особенностью является концовка, впервые появившаяся в издании Айрера. В ней говорится о том, что Дракула был пойман венгерским королём, в плену крестился и принёс покаяние, и тогда король отпустил его на свободу и вернул ему трон (эпизод 50):

Pald darnach fieng in der kuenig in hungeren vnd behielt in vil zeit hertigklich gefangen. Darnach ließ er sich zu ofen taufen vnd thet große pueß. Darnach machet der kuenig den Dracole wayda wider zu einem herren als vor. Vnd man sagt er deth darnach vil guter sach.

(Вскоре после этого его поймал король Венгрии и долго держал в суровом плену. После этого он (Дракула) публично крестился и совершил великое покаяние. После этого король снова сделал Дракулу-воеводу правителем, как прежде. И говорят, после этого он совершил много добрых дел).

В нижненемецком издании Варфоломея Готана (Любек, между 1488 и 1493 гг.) мысль, выраженная в концовке, звучит ещё более чётко:

Vnde men secht dat he dar na noch gans veel guder werke dede. Do he eyn cristen was worden.

(И говорят, что после этого он сделал ещё очень много добрых дел, потому что стал христианином).

Этот эпизод отражает частично достоверную с исторической точки зрения информацию о событиях 1476 г., которую бенедиктинские рукописи, поэма Бехайма и «Констанцская хроника» не могли запечатлеть в силу хронологического фактора. С одной стороны, в финальном эпизоде, появившемся в народных книгах о Дракуле, прослеживается новая политическая концепция, сформировавшаяся при дворе Матьяша Корвина после освобождения Влада III из заточения. Дракула представлен теперь раскаявшимся и вставшим на путь истинный благодаря мудрости венгерского короля. Первое издание повествования о Дракуле в печатном формате

знаменует собой также переход от текста, имеющего политическую направленность, к христианско-нравоучительной истории. Акцент в итоге смещается с демонстрации злодеяний тирана к выведению морали о том, что даже самый худший грешник может, принеся покаяние, исправиться и стать хорошим человеком. Поэтому последний эпизод, впервые появляющийся в печатном тексте, особенно значим для традиции текстов о Дракуле.

До настоящего момента известно 13 печатных изданий этой истории о Дракуле, 7 из них датируются XV веком:

1. Издание Марка Айрера, 14 октября 1488 г., Нюрнберг. Название: Die geschicht Dracole waide. Для удобства далее издание будет обозначено буквой (A)¹⁰¹.
2. Издание Петера Вагнера, около 1488 г., Нюрнберг. Название: Dracole waida. (B)¹⁰²
3. Издание Варфоломея Готана, между 1488 и 1493 гг. [Harmening 1983: 83], Любек. Название: Vnd deme quaden thyrane Dracole wyda. (Г)¹⁰³
4. Издание Ханса Шпорера, 1491 г., Бамберг. Название: Ein wunderliche vnd erschrockenliche hystori von einem großen wuttrich genant Dracole wayda. (Ш)¹⁰⁴
5. Издание Мартина Ландсберга, 1493 г., Лейпциг. Название: Ein wunderliche vnd erschrockenliche History von einem grossen wuterich genant Dracole Wayda. (Л)¹⁰⁵
6. Издание Кристофа Шнайттера, 27 марта 1494 г., Аугсбург. Название: Hie facht sich an gar ain graussemliche erschrocke ystoren von dem wilden wuttrich Dracole Wayde. (Шн)¹⁰⁶

¹⁰¹ Weimar, Nationale Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur: Inc. 609a.

¹⁰² Stuttgart, Württembergische Landesbibliothek: Inc. qt. 6405.

¹⁰³ Budapest, Országos Széchenyi Könyvtár: Inc. 846.

¹⁰⁴ London, The British Library: I a 2673.

¹⁰⁵ Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, в виде факсимиле: Лурье, Ю.С. Повесть о Дракуле, 1964, стр. 196-197.

¹⁰⁶ München, Bayerische Staatsbibliothek: Rar.1677, Inc. c. a.1086.

7. Издание Амброзиуса Хубера, 1499 г., Нюрнберг. Название: Hie facht sich an gar ein graussemliche erschrockenliche hystorien von dem wilden wutrich Dracole wayde. (X)¹⁰⁷

В XVI в. были напечатаны ещё 6 изданий:

8. Издание Маттиаса Хупфuffа, 1500 г., Страсбург. Название: Hie facht sich an gar ein graussemliche erschrockenliche hystorien. von dem wilden wutrich Dracole weyde. (C)¹⁰⁸
9. Издание «печатника Йегера», около 1502 г., Гамбург. Лист 1 отсутствует, текст начинается со слов: vnde speten van deme mynsten beth tho dem meysten yunk vnde olt. (Й)¹⁰⁹
10. Издание Йоханнеса Штукса, около 1520 г., Нюрнберг. Название: Von dem Dracole Wayda Dem grossen Thyrannen. (ШТ)¹¹⁰
11. Издание Йобста Гуткнехта, 1521 г., Нюрнберг. Доступные для исследования экземпляры отсутствуют.
12. Издание Мельхиора Раммингера, 1520-1542 гг., Аугсбург. Название: Von dem Dracole Wayda dem grossen Thyrannen. (Р)¹¹¹
13. Издание Маттеуса Франкена, 1559-1568 гг., Аугсбург. Название: Von dem Dracole Wayda dem grossen Thyrannen. (Ф)¹¹²

В данной работе текст народных книг цитируется по изданию Марка Айрера как наиболее раннему (полный текст см. Приложение VI).

Несмотря на общность определённого количества эпизодов, нельзя с полной уверенностью утверждать, что тексты народных книг происходят непосредственно от текста какой-либо из бенедиктинских рукописей. Тем не

¹⁰⁷ Bucuresti, Muzeul National de Istorie a Romaniei: No.11.193

¹⁰⁸ Colmar, Bibliotheque de la Ville:CG 11536. Kobenhavn, Det kongelige Bibliotek: Inc. Ham. 1447 4.

¹⁰⁹ Wolfenbüttel, Herzog-August-Bibliothek: 202.69 Qu.4 (Nr.9).

¹¹⁰ Оригинал утрачен, доступна копия в книге: Conduratu, C.G. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad III. Drakul. Bukarest, 1903, 110-114.

¹¹¹ Bucuresti, Biblioteca Academiei Romane: CRI 13491.

¹¹² Bucuresti, Biblioteca Academiei Romane: CR inv.680.

менее, среди самих первопечатных книг можно выделить определённую схему преемственности. Издания разделяются на две основные ветви: 1) верхненемецкую, происходящую от издания Айрера 1488 г. – Нюрнбергские, Аугсбургские, Лейпцигское, Бамбергское и Страсбургское издания, 2) и нижненемецкую, включающую в себя издание Готана (Любек) и издание «печатника Йегера» (Гамбург).

Наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что все тексты печатных изданий восходят к варианту Айрера, но не непосредственно, а через издание Вагнера. Эта гипотеза основывается на том, что единичные изменения, внесённые Вагнером в текст издания Айрера, переходят в последующие издания, например:

- строка 60: geschoben у А - gestoßen у В и всех остальных (gesteken у Г).
- строка 96: die herren у А - sie у В и всех остальных, включая Г.

Стемма, предложенная Д.Харменингом, выглядит следующим образом:

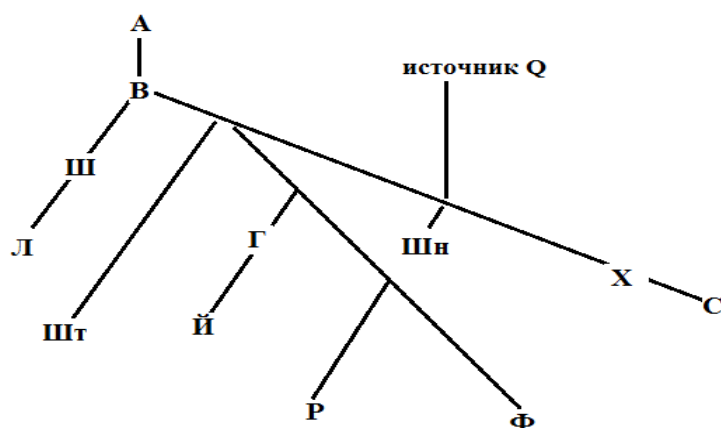


Рис.2. Стемма печатных изданий о Дракуле [Harmening 1983: 103].

От ветви АВ отходит ветвь Ш-Л (Бамбергское и Лейпцигское издания).

Связь изданий в ветви Шн-Х-С подтверждается тем, что только в этой ветви изданий мы встречаем эпизод «О том, как Дракула спрятал свои сокровища» (номер 51 из общего набора). Издания Хубера и Страсбургское издание

объединяют ещё два дополнительных эпизода: «О ярмарке» (52) и «О купцах на рынке» (53). Эти эпизоды, отсутствующие в остальных версиях изучаемых текстов о Дракуле, указывают на наличие у ветви Шн-Х-С ещё одного источника (Q).

Отдельные ветви образуют издания Штукса (Шт), Раммингера (Р) и Франкена (Ф): во всех них отсутствует эпизод 9 «О казни молодого Дана» и проявляется сходство в формулировках, которые можно заметить в сравнении, например, с изданием А:

- строка 61: also gespisst A – mit einander lassen spissen ШтРФ
- строка 125: in A – den man ШтРФ
- строка 132: essen A – fressen ШтРФ

Ф, однако, отходит от Р в некоторых формулировках:

- строка 81: den A и Р – denselbigen Pfaffen Ф

Помимо этого, издание Ф содержит не повторяющееся нигде уточнение:

- строка 8: Item deß selben iares ist er A – Dieser Dracol Wayda (als yetzt der eltest vnter seinen Bruedern) ist desselbigen Jars... (*этот Дракула воевода (теперь старший из братьев) в тот же год...*)

О месте издания Готана в генеалогии народных книг о Дракуле высказывались разные мнения. Х.Рааб¹¹³ и К.Дж.Караджа¹¹⁴ считали издание Готана наиболее ранним из сохранившихся; Рааб относит его примерно к 1483 г. А.Салго также считает его первоисточником для всех последующих верхненемецких изданий и датирует его 1485 г. [Salgo 2002]. Д. Харменинг, напротив, относит этот текст

¹¹³ Raab, H. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums: Zeitschrift für Slawistik 3 (1958), S.323-335.

¹¹⁴ Karadja, C.J. Incunabule povestind despre cruzimile lui Vlad Tepes. Cluj 1931. S.135.

к 1488-1493 гг.¹¹⁵, после издания Айрера и Вагнера; аргументация исследователя и здесь основана на лексических особенностях текстов. По своим формулировкам текст издания Готана схож с ветвью Раммингер-Франкен:

- строка 17: gesetzt A – ghemaket Г, gemacht РФ
- строка 37: mit freuden A – myt groten vrouden Г, mit grossen freüden РФ
- строка 78: spissen das A – speten vppe dath Г, spissen auff das РФ

Часть формулировок является общей для ГРФ и издания Штукса:

- строка 61: nach A – up eynander Г, mit einander ШтРФ
- строка 125: in A – deme manne Г, den man ШтРФ

Однако возвести издание Готана к Штуксу, напечатанному около 1520 г., невозможно; оно основывается на более ранней традиции, сходной с традицией изданий Шпорера и Ландсберга, на что указывают некоторые схожие с ними формулировки:

- строка 116: reichen A – bryngen ГШЛ
- строка 141: als A – Do ГШЛ
- строка 147: das in A – dat se en Г, das sy in ШЛ

Гамбургское издание «печатника Йегера» основывается на тексте издания Готана. Это подтверждается не только географической близостью мест издания и общностью нижненемецкого регионального языка, но и текстологическими признаками, например, частой заменой dracol двойным наименованием Dracol wyda, как и у Готана.

Издание Готана, таким образом, занимает место внутри генеалогии изданий истории о Дракуле, но не является её первоосновой: это место занимает нюрнбергское издание Айрера 1488 г. Издание Вагнера того же года

¹¹⁵ С этой датировкой согласуются и новейшие данные, принятые ресурсом Gesamtkatalog der Wiegendrucke для издания Готана: «не ранее 1488 г.»

перенимает у Айрера историю о Дракуле; из него эта история переходит во все дальнейшие известные издания.

3.2. Выводы.

Наиболее ранними из немецких текстов о Дракуле являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 г. и сохранившиеся в Ламбахской (список 1470 гг.), Санкт-Галленской (список около 1500 г.), Кольмарской (4-я четверть XV в.) и Лондонской рукописях (конец XV в.).

Всего в различных вариантах рукописных текстов выделяется 42 эпизода, большая часть которых повторяется во всех манускриптах. Основная масса этих сюжетов позднее вошла в содержание поэмы Михаэля Бехайма и народные книги о Дракуле, они также в основном были отражены в Констанцской хронике.

Фактологическую основу рукописного текста предположительно составляют несколько источников. Обилие трансильванских топонимов и точные даты указывают на то, что текст мог частично основываться на письмах-жалобах семиградского купечества из Брашова (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт). Второй источник - текст донесения, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего информацию о сговоре Влада III с турецким султаном. Выдержки из этого не сохранившегося письма можно найти в «Комментариях» папы Пия II (до 1464 г.) Некоторые эпизоды, присутствующие в бенедиктинской рукописи, встречаются и в «Комментариях».

На основе материала бенедиктинской рукописи были созданы немецкоязычные литературные обработки, разнообразные по своему жанру. Непосредственным «преемником» рукописной истории о Дракуле является поэма Михаэля Бехайма «О злодее, прозванном Дракул воевода валашский» (1463 г.).

Поэма Михаэля Бехайма включает в себя 42 эпизода, присутствующие в рукописях бенедиктинских монахов, и добавляет дополнительные эпизоды: о сговоре Дракулы с турецким султаном и о взятии воеводы в плен по приказу короля Венгрии.

В тексте «Констанцской хроники» (до 1472 г.) эпизоды расположены в том же порядке, что и в Санкт-Галленской и Кольмарской рукописях. Кроме эпизодов из первоначального каталога 42-х, который мы обнаруживаем в бенедиктинских рукописях, в хронике имеется 6 дополнительных эпизодов и уникальные для парадигмы текстов о Дракуле детали.

Дальнейшая популяризация истории о Дракуле продолжилась и после его смерти в 1476 г. Хотя политическая пропаганда против Влада III изжила себя, это не помешало издателям народных книг использовать коммерческий потенциал историй о нём. Первое издание повествования о Дракуле в печатном формате (Марк Айрер, Нюрнберг, 1488 г.) знаменует собой переход от политически окрашенного текста к нравоучительной истории. Акцент смещается с демонстрации злодеяний тирана к выведению морали о том, что даже самый худший грешник может, принеся покаяние, исправиться и стать хорошим человеком. Поэтому последний эпизод о покаянии Дракулы, впервые появляющийся в печатном тексте, особенно значим для традиции текстов о нём.

До настоящего момента известно 13 печатных изданий истории о Дракуле XV и XVI вв.: 7 из них датируются XV веком, в XVI в. были напечатаны ещё 6. Несмотря на общность определённого количества эпизодов, нельзя с полной уверенностью утверждать, что тексты народных книг происходят непосредственно от текста какой-либо из бенедиктинских рукописей. Тем не менее, среди самих первопечатных книг можно выделить определённую схему преемственности. Издания разделяются на две основные ветви: 1) верхненемецкую, происходящую от издания Марка Айрера 1488 г. –

Нюрнбергские, Аугсбургские, Лейпцигское, Бамбергское и Страсбургское издания, 2) и нижненемецкую, включающую в себя издание Варфоломея Готана и издание «печатника Йегера».

Наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что все тексты печатных изданий восходят к варианту Марка Айрера, но не непосредственно, а через промежуточную ступень – издание Петера Вагнера.

Глава 4. Языковые особенности текстов о Владе III и их изменение в соответствии с изменением жанра и задачи.

4.1. Лингвостилистические особенности отдельных жанров.

4.1.1. Рукописи бенедиктинских монахов.

Тексты всех версий бенедиктинских рукописей отличает краткое, сжатое изложение событий. Повествование поделено на эпизоды, практически каждый из которых начинается с латинского *item* (*далее, затем*), как в хрониках или текстах донесений.

Item er hat geschickt ainen siner houbtmann in ain groß dorff mit namen Zeyding zu verbrennen aber der selb houbtman mocht das selb nit verbrennen von widerstand der dorfflütt.

(Затем он послал одного из своих военачальников в большую деревню под названием Цайдинг, чтобы её сжечь, но тот военачальник не смог её сжечь из-за сопротивления жителей).

Item er hatt lasen spissen ain esel und ain munch barfüserorden oben dar uff der waß im begegnet.

(Затем он велел посадить на кол осла и монаха из ордена босоногих братьев, который ему встретился).

В повествовании присутствуют диалоги, но в очень сжатой форме:

Item er hat ain zeginer, der hat gestolen. Do kament die andern zeginer und battent den Dracol er solt in den geben. Der Dracol sprach er sol hangen und ir müsst in selbs henken. Do sprachen es wer nit ir gewonhait. Der Dracol ließ den zeginer sieden in ainen kessel und do er gesotten ward, do müsten si in essen mit flaisch und bain.

(Затем он (поймал) цыгана, который совершил кражу. Тогда пришли другие цыгане и попросили Дракулу отдать его им. Дракула сказал: он должен быть повешен, и вы сами должны будете его казнить. Тогда они сказали, что это не в их обычае. Дракула велел варить цыгана в котле, а когда он сварился, им пришлось съесть его с мясом и костями).

Один раз встречается в качестве риторического приёма эмоционально окрашенное, восклицательное предложение:

Und die gedachtend alweg man wurd sy spyssen. Ey wie in gross sorgen sind sy gewesen.

(А они (послы) всё время думали, что их посадят на кол. О, в какой великой тревоге пребывали они!)

Периодически в тексте встречается употребление синонимических пар глаголов в качестве стилистического приёма:

Item s. Bartholomeuskirch hat er lassen verbrennen daselbs ouch alle die ornat und kelchen geroubt und genomen.

(Потом он велел сжечь церковь св. Варфоломея и всё убранство и священные сосуды украл и забрал).

К стилистическим приёмам, усиливающим выразительность повествования, относятся также сравнительные обороты:

...der warend als vil, als ain grosser wald

(Их (кольев) было много, как будто большой лес).¹¹⁶

Ouch so sy sich habent mögen regen mit füssen und hand und habent gezabelt durchainander als die frösch.

(И так (их посадили на колья), что они могли шевелить ногами и руками и дёргали им, как лягушки).

Казни в рукописных текстах описаны довольно однообразно:

Und darnach gespisset und vil ander pin.

(И потом посадил их на кол и (причинил) много других мучений).

Составитель, тем не менее, перечисляет различные виды казней, которые использовал Дракула. Наиболее частотными глаголами при этом являются *spissen насаживать (на кол)*, *sieden варить*, *köpfen обезглавить*.

¹¹⁶ Это сравнение встречается в тексте в двух местах.

Оценочная лексика также присутствует, но всего в трёх местах: *diser wütterich этот злодей, vill ander unmenschliche ding, die man von im saget много других бесчеловечных поступков, которые, как говорят, он сделал, item erschrockenlichen und furchtzamlich und unußsprechelich pin hat er erdacht затем он выдумал ужасные, страшные и невыразимые пытки.*

В бенедиктинских рукописях впервые появляется сравнение Дракулы с «языческими тиранами», гонителями христиан прошлых веков.

Solche große pin und schmerzen aller die wütrich und durechter der christenhait nie erdaucht habend. Als von Herodes, Nerone und Diocletiano und allen ander hayden tatten solch marter nie erdacht habend als diser wütterich.

(Таких пыток не могли выдумать все злодеи и мучители христиан. Ни Ирод, ни Нерон, ни Диоклетиан и другие язычники не придумали таких мучений, как это чудовище).

В описании казней маленьких детей присутствуют существительные с уменьшительными суффиксами: *kindlin, детки* – что, возможно, призвано тронуть читателя и усилить эмоциональное воздействие описаний жестокости Дракулы, например:

Eß haben ouch kindlin den mütteren an ir brust grissen ouch die mütter die kindle.

(Также пригвождали¹¹⁷ деток к груди матерей и матерей к деткам).

Текст содержит топонимы Трансильвании, что придаёт повествованию характер документальности:

Item zu hand darnach hat er dorffer und schlösser in Sibenburgen by der Hermonstatt lassen verbrenne(n). Und schösser in Sibenburgen da selbst und dorfer mit namen Kloster Holtznüwdorff und Haltznetia ze äschen ganz verbrennen.

¹¹⁷ Контекстуальный перевод *reissen* с предлогом *an*.

(Затем сразу же он велел сжечь деревни и замки в Семиградье возле Германиштадта. И замки в Семиградье и деревни под названием Клостер Хольцнойддорф и Хальцнетиа велел сжечь дотла).

Item Berkendorff in Wurzenland hat er lassen verbrenne(n) man und frawen, kinder, groß und klain.

(Затем Беркендорф в Бурценланде он велел сжечь, мужчин и женицин, детей больших и малых.)

Повествование изобилует числительными: 1) точными датами и 2) данными о количестве убитых. Это также вносит вклад в создание эффекта достоверности.

Так, мы читаем, что Дракула пришёл в «Химилаш» в день св. Варфоломея (24 августа) 1460 г. и сжёг деревню, в которой проживали 30 000 людей:

Do man zalt 1460 jar an Sant Bartolomeustag

Item zu Sant Bartolomeus tag des morgens ist der dracoll komen ubern wald mit sinen dienern und hatt haimgesucht alle walchen baiderlay geschlächht als man sagt, ußerhalb des dorfs Himilasch. ...Und das dorff hat er ganz lassen abbrennen mit dem gutt und als man sagt in zall mer den drissig tussent menschen.

(В год 1460 в день св. Варфоломея.

Затем в день св. Варфоломея пришёл Дракула из-за леса со своими прислужниками и посетил всех валахов обоего пола, как говорят, за пределами деревни Химилаш. И деревню он приказал полностью сжечь со всем добром, и, как говорят, с людьми числом более 30 000).

В целом языковые особенности бенедиктинских рукописей можно разделить на несколько категорий.

Средствами создания отрицательного образа (1) в текстах служат использование негативной оценочной лексики, подробные, хотя и однообразные описания казней, совершённых по приказу Дракулы, а также сравнение Дракулы с гонителями христиан – Иродом, Нероном и Диоклетианом.

В качестве (2) средств эмоционального воздействия на читателя используются риторические приёмы – прямая речь, диалоги, более живо передающие происходящее в сюжете:

Do fraget er si, warumb si die selben hubel oder baret nit abthetent. Sy sprachent, herr, es ist unser gewonhait, wir thünd sy gegen dem kaiser nit ab. Er sprach, nun will ich uwer gewonhait bestetigenn.

(Тогда он спросил их, почему они не снимают те шапки. Они сказали, господин, это наш обычай, мы их и перед императором не снимаем. Он сказал, теперь я подтверждаю ваш обычай).

Один раз в тексте встречается эмоционально окрашенное восклицательное предложение. Ту же функцию выполняют синонимические пары глаголов и сравнительные обороты, усиливающие выразительность повествования. Кроме того, в описании жертв Дракулы используются уменьшительно-ласкательных форм существительных.

Детальные подробности, присутствующие в тексте, являются (3) средством создания эффекта документальности повествования; к ним относится употребление многочисленных топонимов Трансильвании, а также обилие числительных: точных дат происходящих событий и количество убитых или находившихся под угрозой смерти. Перечисление различных видов казней, которые применял Дракула, также создают впечатление, что текст имеет под собой некую документальную основу. Аналогичный смысл имеет и стилизация под хроникальную запись или официальный документ (каждый эпизод вводится латинским *item*).

Периодически возникающие перед указаниями количества убитых отсылки к безымянным источникам информации (*als man sagt, как говорят*), возможно, призваны усиливать эффект достоверности. Но возможно и другое объяснение: эти отсылки, наоборот, снимают с автора текста ответственность за то, что он

сообщает, т.е. являются средством дистанцирования автора текста от сообщаемой им информации.

Несмотря на своё разнообразие, все перечисленные средства применяются в рукописных текстах скупно.

4.1.2. Поэма Михаэля Бехайма.

Языковые особенности поэмы Михаэля Бехайма обусловлены не только спецификой поэтического текста, но и конкретными лингвопрагматическими задачами автора.

Основную цель своего произведения сам автор чётко обозначает с первых же строк поэмы:

Den aller grosten wutrich und
Tirannen den ich ye erkund
Auff aller diser erden
Under des weiten himels ring,
Seit her das dy welt ane ving
Mocht nie kain pöser werden,
Von dem so wil ich tichten. (1-7)

(О величайшем злодее и тиране, о котором я когда-либо слышал на всей нашей земле под широким небосводом, которого никто не мог превзойти в его злобе с самого начала мироздания – о нём я хочу поведать в своих стихах).

Слушатель ещё ничего не знает о герое поэмы, которую ему предстоит услышать, но автор сразу даёт главному персонажу негативную характеристику. Превосходная степень (den aller grosten, *величайший из всех*), гиперболизированные сравнения (Seit her das dy welt ane ving,/ mocht nie kain

röser werden) призваны с самого начала убедить аудиторию, что речь пойдёт не просто о каком-либо жестоком правителе, а об исключительном злодее. Но подобное высказывание, тем более не о герое давних времён, а о современнике, ещё живом, находящемся в плену в землях, соседних с австрийскими, безусловно, требует аргументированного обоснования. Слушатель должен поверить, что Дракула настоящий *rex iniustus*, несправедливый правитель, антагонистичный христианскому миру.

Бехайм не просто повествует, он стремится вовлечь читателя в действие, заставить его сопереживать жертвам и ненавидеть убийцу, он вызывает к чувствам аудитории.

Это находит своё конкретное выражение в риторических приёмах текста.

1. Обращения. Автор обращается непосредственно к слушателю, используя каждый раз императивные формы глагола, чаще всего *hören* – *hort*, *hart*, *слушайте*, *услышьте*, дополнительно призывая слушателя быть внимательным и не только слушать, но и услышать, воспринять страшный рассказ о деяниях и хитростях «нечистого подлеца»:

Hort van dem schalk unreinen! (220)

(Послушайте о нечистом подлеце)

Nun hort von sein gespenschen! (266)

(Теперь послушайте о том, что он сотворил)

Hort von selczemen sachen! (366)

(Послушайте о невероятных вещах)

Nun hart dy tuk des valschen mans! (694)

(Теперь услышьте о хитрости этого обманщика)

2. Бехайм обращает к слушателю и императив глагола *merken* (*замечать, обращать внимание*) – *merkend*, *посмотрите же, что сделал Дракула*:

Nun merkend waz der Trakal tet! (384)

Отметим, что по своей семантике этот глагол не только апеллирует к вниманию адресата, но и предлагает ему согласиться с мнением автора высказывания о происходящем (ср. русское: «Ты посмотри, что он наделал!»).

Кроме того, вышеперечисленные предложения, обращённые к аудитории, являются восклицательными, что усиливает эмоциональное воздействие фразы.

3. Бехайм использует также риторические вопросы, которые чаще всего предваряют предложения с императивом.

Waz tet er aber mer dar nach?

Hort van dem schalk unreinen! (219-220)

(А что же ещё он сделал потом? Послушайте о нечистом подлеце!)

4. К риторическим приёмам относятся и развёрнутые диалоги, содержащие, в том числе, прямую речь от лица Дракулы:

Der Trakol sprach: 'nun sag mir, wie

hastu daz nit gebredigt hie,

dy sund werd nit verlassen,

'Man lass dann yeder man daz sein?'

der briester sprach: 'ja, daz ist mein

bredig in solchen mossen.'

Der Trakol sprach: 'war umbe

nymstu mir dann mein brokel, die

ich mir het ein gebroket hie?

dis bringt dir kainen frumme.' (431-440)

(Дракула сказал: теперь скажи мне, не проповедовал ли ты здесь, что грехи не отпускаются – это относится к любому человеку? – Священник сказал: да, в этом моя проповедь. Дракула сказал: почему же ты тогда

берёшь мой кусок хлеба, который я отломил для себя? Это не добавляет тебе благочестия).

Обращает на себя внимание подробная детализировка в описаниях, достигающаяся с помощью определённых приёмов.

Во-первых, в тексте присутствует много имён собственных: как 1) имён персонажей (впрочем, этот приём выборочен и, как будет указано далее, зависит от отношения автора к герою), так и 2) географических названий. Топонимы не только часто встречаются в тексте, но и действительно совпадают с реальными названиями городов и деревень в Трансильвании: Closterholcz, Newdorff, Halczmaina, Kranstat (Kronstadt, совр. Брашов), Seiding, Tuna, Preissl и т.д.¹¹⁸

Во-вторых, поэма изобилует цифрами: их можно разделить на несколько типов, первый из которых - даты. В самом начале Бехайм указывает точную дату начала второго правления Дракулы – 1456 год:

Des jars da man schraib und perurt
von Kristi unsers hern gepurt
der jar vir zehen hundert
Und funffczig und ach sechs dar nach,
da wart der selbig Trakal ach
erwelt und auss gesundert
Zu waida und ach herren
des ganczen landes Walachei... (31-38)

(В году 1456 от рождения Господа нашего Христа тот самый Дракула был избран воеводой и властителем всей Валахии).

¹¹⁸ Селения близ Сибиу: Кастенхольц (Kastenholz) - современный Кашолц, Нойдорф (Neudorf) - современный Ноу, Хольцменген (Holzmengen) - современный Хосман. Бренндорф (Brenndorf) - современный Бод близ Брашова. Бурценланд (Burzenland) – так назывались все земли Брашова в общем.

Описывая набег Дракулы на деревню Амлаш в Трансильвании, автор приводит год совершения этого преступления, и даже точную дату начала атаки – день св. Варфоломея (24 августа) 1460 года:

Da man von Kristi gepurt fur war
schraib virczen hundert sechczig jar
an Sant Bartholomes tage... (494-496)

(Это было от Рождества Христова в 1460 году, в день св. Варфоломея).

Следующий тип - это числа, сообщающие нам, сколько именно людей было уничтожено. Упоминаются молодые люди, приехавшие в Валахию из других стран, чтобы изучать язык, и убитые Дракулой, дабы они не выведали лишнего о его стране – их было *400 или больше*:

Der warn virhundert oder mer. (84)

Послов, прибывших ко двору князя из Венгрии, Саксонии и Семиградья, было 500, и 5 недель он держал их в плену, боясь, что они окажутся предателями:

Im wurden poten da gesant
von Ungern und auss Sachsenlant
und auch von Sibenpurgen
In zal funff hundert. Dy hielt er
Funff wachen... (121-125)

(К нему были отправлены послы из Венгрии и из Саксонии, а также из Трансильвании, числом 500. Он держал их 5 недель...)

Семиградских купцов, которых воевода приказал посадить на кол и забрал себе всё их имущество, было, согласно поэме, 600:

Auch so waren kauffleute...
Der warn sechs hundert, ist mir kund. (237, 241)

(Там были купцы, их было 600, как мне известно).

Как видно из приведённых примеров, количество убитых или обиженных прогрессирует от четырёх сотен до шести, что должно показывать, как увеличивается кровожадность Дракулы. Логично было бы ожидать в качестве следующей цифры 700, но автор избегает подобного эпического приёма. Далее следует цифра 500 - пять сотен валашских придворных (бояр), которых также постигла печальная участь быть посаженными на кол:

und liess sy spissen mit gewalt.

Ir warn wal pei funff hundert. (479-480)

(И приказал посадить их на кол. Их было около 500).

Далее Бехайм сообщает, что в очередном набеге на Трансильванию (деревня Амлаш, у Бехайма - Humlate) Дракулой погублено «намного более чем 30 000 людей»:

Diser menschen geczalter,

als man uns daz waz affenparn,

vil mer wann dreissig tausent warn... (518-520)

(Этих людей, как нам было сообщено, было намного больше, чем 30 000).

Далее рассказывается о возвращении Дракулы в Трансильванию в 1462 году, где по его приказу в Шильтау были уничтожены 25 000 человек, затем в Булгарии более 25 000:

Als man peschraib der jar da pei

virczen hundert sechczig zwei,

da ist der Trakol kummen

Gen Schiltern in dy grossen. do

er ach getötet hat also,

als wir es hand vernummen,
Wol funff und zwainzig tauset
kristen und haiden allerlai. (521-528)
Dy gancz gegent dar umb und pei,
dy da genant waz dy Pulgrei,
wart all mit ain verprennet.
Dy menschen, die er da ertat,
man also uber slagen hat
gescheczet und erkennet
Wal funff und zwanczig tauset
sunder an dy, die in dem feür
verdurben. ... (561-569)

(В 1462 году Дракула пришёл в Большой Шильтау. Там он убил, как мы слышали, 25 000 христиан и язычников. Все окрестности, называемые Булгарией, были сожжены. Людей, которых он там погубил, посчитано 25 000, кроме тех, что сгинули в огне).

Указание точных данных о количестве погибших, точных дат и географических названий служат созданию впечатления, что текст поэмы основывается не на фантазии автора, а на конкретных свидетельствах. На этом акцентирует внимание и сам Бехайм, постоянно делая оговорки: *als wir es hand vernummen, als man uns daz waz affenparn* (как мы слышали, как нам было сказано (открыто)). Сведения, таким образом, преподносятся якобы со слов живого свидетеля, знающего не только общие факты, но и мельчайшие детали.

Следующая черта поэмы заключается в том, что текст местами принимает характер того, что мы сейчас назвали бы криминальной хроникой: упоминается даже опознание убитых, кроме тех, чьи тела обгорели и, выражаясь современным языком, не подлежали идентификации:

Dy menschen, die er da ertat,
man also uber slagen hat
gescheczet und erkennet
Wal funff und zwanczig tauset
sunder an dy, die in dem feür verdurben.

(Людей, которых он там погубил, посчитано 25 000, кроме тех, что сгинули в огне).

В некоторых случаях описание событий соответствует реальности: например, действительно имела место карательная экспедиция Влада III в 1460 году в Трансильванию на деревни Амлаш и Фэгэраш с целью наказать местных жителей за поддержку претендента на трон, Дана III, к тому моменту уже казнённого. Однако, что касается количества убитых, преувеличение очевидно: если бы население Амлаша действительно составляло 30 000 или более человек, это была бы не деревня, а крупный и значимый для своего времени город. Для сравнения: в конце XV – начале XVI вв. население Любека составляло 20 000 жителей, Страсбурга – 25 000, Кёльна – 35 000.¹¹⁹ Если прибавить к этому в сумме ещё 50 000 убитых в 1462 году, то мы получим в итоге 80 000 и более. Кроме того, в реальности в 1462 никаких конфликтов с Трансильванией уже не происходило, мирный договор был подписан 1 октября 1460 года. [Treptow 2000: 67]

Очевидно, целью Бехайма является не объективно и точно изложить факты, а оказать на слушателя сильное эмоциональное воздействие и создать резко отрицательный образ центрального персонажа поэмы.

Обращает на себя внимание то, что все числа, обозначающие количество жертв, в поэме исключительно округлённые, что не могло соответствовать действительности. Бехайм, по-видимому, делает выбор в пользу сохранения

¹¹⁹ <http://europeanhistory.boisestate.edu/reformation/society/population.shtml>

стройности поэтической речи: более сложные числительные труднее умещаются в стихотворный размер и не всегда удачно рифмуются. К тому же круглые числа производят лучший эффект и легче запоминаются слушателем.

Для поэмы характерно обилие и разнообразие оценочной лексики: негативной - в отношении личности Дракулы и его поступков, позитивной - в отношении его жертв.

1. Оценочная лексика, негативно характеризующая Дракулу в поэме, разнообразна: *der ubel und schalkhafte* (*злой и хитроумный*), *diser wutrich unraine* (*этот нечистый злодей*), *der valsche knab* (*обманищик*), *van dem schalk unrainen* (*грязный хитрец*), *der ubel plut vergiesser* (*злодей, проливающий кровь*).

2. С другой стороны, жертвы Дракулы наделяются положительными эпитетами (*die selben guten pruder zwen*, *двое добрых братьев (монахи)*).

3. При их описании употребляются уменьшительно-ласкательные формы (выделено курсивом) и сообщаются трогательные детали.

Er nam sugende kinder her
Ains halben jars alt oder mer
Dy die muter warn schmüken
Czu iren prusten und auch dy
Arm *lieplich* legen wern umb sy,
auch *ermlein* dy *kindel*
Umb ir muter heten getan.
...Den frawen hat er lassen
Ire *brüstlein* schneiden von ain...

(Он брал младенцев, ещё сосавших грудь, возрастом полгода или больше, которые были украшением груди своих матерей, которые нежно обнимали их, а детки тоже обвивали матерей своими ручками. ...А жёнищинам он велел отрезать их груди (здесь: уменьшительная форма)).

Это создаёт контраст с жестокостью воеводы и должно дополнительно воздействовать на эмоции слушателя, вызывая у него сострадание.

4. В поэме присутствуют длинные, красочные описания казней и пыток, подробные перечисления зверств:

Etlich liess ser verwunden
Und dy wunden reiben mit salcz,
Etlich rosten in haissen schmalcz.
Vil pein wart da erfunden.
Etlich man priet und gar verprand,
etlich sod man, etlich man schand,
etlich wurden gehenket,
Etlich geschliffen an sliff stainn,
etlich in priveten unrainn
da wurden eingesenket,
Etlich wurden mit plassen
Leiben gehenket an daz har,
Etlich hat er henken enpar
An eisnyn ketin lassen...

(Иных он велел изранить и натирать раны солью, иных жарить в кипящем сале - много мучений было придумано. Иных жарили и совсем сжигали, иных варили, кого-то казнили, кого-то шлифовали на шлифовальном камне, кого-то погружали в нечистоты. Иных голыми подвешивали за волосы, иных он подвешивал на железных цепях...)

Отметим, что повторение слова *etlich* (*иные*) создаёт в описании дополнительный эффект нагнетания атмосферы.

5. Обилие синонимов в качестве художественного приёма также служит выразительности описания:

Dar zu gedrait und waz er vant

Liess er auch prennen alles sant,

tilken, staren und trennen.

(Зерно и что ещё он нашёл, он также повелел полностью сжечь, спалить, разметать и разбросать).

Перечисленные средства должны вызывать сострадание к замученным и убитым жителям Трансильвании и ненависть к их убийце – жестокому князю, что, по-видимому, и является целью поэмы.

Примечательная особенность как поэмы Бехайма, так и всех других немецких текстов о Дракуле XV в. заключается в том, что Дракула в них назван язычником, несмотря на то, что он, как и все господа валашские, был православным христианином. Этот приём, здесь являющийся литературным, происходит из политических контекстов. Так, в послании 1371 г. венгерской королеве Елизавете, в котором папа Григорий просит её убедить князя Мазовецкого не оказывать помощи литовцам и русским против Тевтонского ордена, говорится о «неверных литовцах и русских раскольниках, нападающих на братьев (тевтонцев) и других христиан» (*infideles Litwanos et nonnullos Ruthenos scismaticos... impugnantes ipsos fratres et alios christianos, также den ungelovigen Rossen*).¹²⁰ Неправильные термины «неверные» (ср.) и «язычники» используются здесь намеренно. Православных часто называли «нехристями»,

¹²⁰ Сквайрс Е.Р. Русь и Ганза: модель языкового контакта. Стр. 460. В: «Славяно-германские исследования», т.2, Изд-во Индрик, М. 2000. С. 436-541, здесь стр. 460-461.

когда это было выгодно с политической точки зрения; очевидно, что подобным образом произошло и с Дракулой.

В начале поэмы Бехайма мы читаем о Дракуле и его брате, что они *имели идолов, которых и восхваляли единогласно*:

Dez selben sun der Trakal hiess
und sein bruder mit ime.

Dy haben apgöter gehabt,
an dy sy dann haben gelabt
mit ain helliger stimme. (22-26)

(Его сын звался Дракула, он и его брат имели идолов, которых и восхваляли единогласно).

На этом фоне выглядят ещё более циничными отсутствие у Дракулы почтения к монахам и жестокая издёвка над их словами и христианскими постулатами вообще:

Der Trakal sprach zu gienen:
“wie ist eur leben so armleich!”
Sy sprachen: “herr, das ewig reich
Well wir da mit verdienen.”
Da sprach er zu den prudern zwein:
“welt ir nit geren pald da sein?”
Sy sprachen: “herr, ja! Wire
Pegerten, daz wir yecz do wern,
Ob es der will wer unser hern.”
Er sprach: “ich hilff euch schire,
Das ir gen himmel kummet.”
Er liess sy baid sant spissen an

Und sprach: “ich hans durch gut getan,
Mein furderung sy frummet.”

(Дракула сказал им: «Как бедна ваша жизнь!» - Они отвечали: «Господин, так мы хотим заслужить жизнь в царстве небесном». Тогда он сказал двум братьям (монахам): «Вы бы хотели там скорее оказаться?» - Они сказали: «Да, господин! Мы желали бы сейчас там быть, если бы на то была воля Господа нашего». – Он сказал: «Я вам тотчас помогу попасть на небеса». Он велел их обоих посадить на кол и молвил: «Я сделал это по доброте своей, мой поступок благочестив».)

В поэме искажается информация не только о вероисповедании Дракулы. В приведённой ранее цитате о том, что Дракула и его брат были язычниками, автор, несмотря на своё стремление к подробной детализовке, умалчивает, какой из двоих братьев Влада имеется в виду, старший Мирча или младший Раду. Более того, в поэме не упоминается и имя самого воеводы, только его родовое прозвание – Trakal, Дракула. Это можно было бы объяснить тем, что австрийскому автору было сложно разобраться в непростых для его восприятия восточноевропейских именах и вычлениить, где имя собственное, а где родовое. Но этому противоречит неоднократное упоминание мадьярского короля Матьяша, которого Бехайм не называет по той же логике, что и Дракулу, Корвином, а пишет: kung Mathiasch von Ungern, и добавляет его родовое имя Хуньяди, в его версии Hunadienusch. Далее, в конце поэмы упоминается некий рыцарь, явно ниже титулом и венгерского владыки, и валашского господаря, напавший на Дракулу и взявший его в плен: Jon Isgra¹²¹. Казалось бы, его полное имя имело гораздо больше шансов «затеряться», чем имя центрального персонажа данной истории, тем не менее, оно в тексте Бехайма присутствует, а имя «Влад» не встречается ни разу. Следовательно, имя валашского правителя опускается с сознательной прагматической целью. Вывод представляется очевидным: крестильные имена «положительных» героев повествования

¹²¹ Ян Йискара (Гискра) – чешский дворянин, участник гуситского движения. Как и многие гуситы, нашёл пристанище при дворе Матьяша Корвина, став одним из командиров его армии наёмников (Чёрная армия). Действительно взял в плен Влада Дракулу в 1462 г. (Edler von Janko, ADB, 1879, S. 202).

даются полностью, как знак уважения к ним, к тому же указание личного имени персонажа в тексте всегда делает его более «живым», близким читателю или, в случае с поэмой Бехайма, слушателю. Отрицательные же герои либо вовсе не имеют имён, как безымянный брат господаря или турецкий султан, в тексте просто *der türkische kaiser* (хотя имя Мехмеда Фатиха было на слуху у высших политических кругов стран, потенциально подверженных опасности со стороны Порты), либо названы одним своим прозвищем. Кроме того, полной формой имени «Влад» является «Владислав» или «Ладислав», традиционное имя для королей Венгрии: Ладислав I, II, III, V и непосредственный предшественник Матьяша Корвина Ладислав Постум. То же имя в разных его формах носили также богемские и польские правители той эпохи. Для пропагандистской литературы о Дракуле, очевидно, было недопустимым, чтобы центральный отрицательный персонаж носил то же имя, что и христианские правители соседних государств.

Подводя итог, языковые особенности поэмы Бехайма можно разделить на несколько категорий.

К (1) средствам создания отрицательного образа относится негативная оценочная лексика, подробные описания казней, совершённых по приказу Дракулы, упоминание о том, что Дракула был язычником, а также лишение отрицательных персонажей имени собственного.

В качестве (2) средств эмоционального воздействия на слушателя или читателя автор использует риторические приёмы – риторические вопросы, за которыми часто следуют императивные предложения – обращения к слушателю. Подобную функцию выполняют диалоги, создающие эффект присутствия и более живо передающие происходящее в сюжете. Кроме того, персонажи, которым противостоит Дракула, наделены положительными эпитетами. В описании его жертв употребляются уменьшительно-ласкательные формы существительных, а также приводятся трогательные подробности,

контрастирующие с описаниями зверств Дракулы и казней его жертв, насыщенными пугающими подробностями.

Следующая категория включает в себя (3) средства создания эффекта достоверности сообщаемого. Для достижения этого эффекта автор указывает на непосредственный источник информации о событиях, которым является некий бенедиктинский монах Якоб. Помимо этого, поэма содержит топонимы Трансильвании, личные имена некоторых второстепенных персонажей, обилие цифр – а) точные даты происходящих событий, б) количество убитых или находившихся под угрозой смерти. Всё перечисленное создаёт впечатление высокой информированности автора. Наконец, созданию правдоподобия повествования служат также подробное, каталогизированное описание видов казней, которые применял Дракула, и прямая речь, в диалоге с монахами якобы записанная со слов участника событий.

4.1.3. «Констанцская хроника».

В эпизодах, совпадающих с бенедиктинскими рукописями, текст истории о Дракуле в «Констанцской хронике» в значительной мере идентичен им. Каждая новая история также начинается со слова *item*.

Item er hatt lassen ußrutten ain groß geschlecht vom minßten biß ain maisten, kinder, frund, brüder schwestern und hat sy all lassen spissen. (БР, Санкт-Галленская рукопись)

Item er hat laussen ußrüten ain groß geschlecht von dem maysten bis an den minsten, kinder, fründ, bruder und swester und hat sy all laussen spissen.
(«Констанцская хроника»)

(Затем он повелел искоренить большой род, от мала до велика, (их) детей, друзей, братьев, сестёр, и всех их велел посадить на кол).

Тексты настолько схожи, что представляется возможным говорить о совпадении языковых особенностей бенедиктинских рукописей и истории о Дракуле в «Констанцской хронике». В качестве (1) средств создания отрицательного образа в ней также используется негативная оценочная лексика, подробные описания казней, совершённых по приказу Дракулы, и сравнение его с гонителями христиан. Средствами эмоционального воздействия (2) на читателя, как и в бенедиктинских рукописях, в «Констанцской хронике» являются риторические приёмы – прямая речь, диалоги, немногочисленные эмоционально окрашенные восклицательные предложения, а также (контекстуально) синонимические пары глаголов (*geroubet und genomen, украл и забрал*) и сравнительные обороты, усиливающие выразительность повествования:

...und hat daselbs die menschen lassen hacken, als das krut.

(...и там же повелел людей рубить, как капусту).

Средствами создания эффекта документальности повествования (3) в «Констанцской хронике», как в бенедиктинских рукописях, служат детальные подробности: топонимы Трансильвании; числительные – точные даты происходящих событий и количество убитых или находившихся под угрозой смерти; перечисление различных видов казней, которые применял Дракула.

Однако, несмотря на заметную схожесть текстов совпадающих эпизодов, в них существуют и расхождения – от минимальных в порядке слов (см. пример выше) до более значимых.

1) Между хроникой и БР существуют различия в негативных характеристиках. В хронике эти характеристики более распространены и усилены по сравнению с БР:

Anno domini Mcccclvj hat der Dracol vil wunders und groß ubel geton (БР, Кольмарская рукопись; так же в Ламбахской).

(Лета Господня 1456 Дракула совершил много удивительного и (сотворил) великие злодейства).

Des jars do man zalt von der geburt Christi 1456 jare do tet Dracole, der wüttrich vil boshafter, mortlicher und onmenschlicher sachen, me dan man vor von enkainem wüttrich ye gehört noch geschriben hat («Констанцская хроника»).

(В год 1456 от Рождества Христова сотворил злодей Дракула много злых, смертоносных и бесчеловечных дел, больше, чем когда-либо было известно или написано о каком-либо злодее).

Список тиранов-гонителей христиан в хронике расширен по сравнению с БР (а также поэмой Бехайма и первопечатными книгами):

Solche große pin und schmerzen aller die wüttrich und durechter der christenhait nie erdaucht habend. Als von Herodes, Nerone und Diocletiano und allen ander hayden tatten solch marter nie erdacht habend als diser wütterich. (БР, Санкт-Галленская рукопись)

(Такие великие мучения и боль все тираны и мучители христиан не могли придумать. Ирод, Нерон, Диоклетиан и все другие язычники не придумали таких мучений, как этот злодей).

und vil ander groß pin und schmerzen, die wüttrich und durchächter der christenhait im erdaucht haben, als von Herode, Nero Dyocletiano, Decio, Marentio und allen anderen wüttrichen und haiden, als der wüttrich und tüffels sun erdaucht hat und erdenkt durch ingießung des tüffels. («Констанцская хроника»)

(И много других великих мучений и боли, каких тираны и мучители христиан, такие, как Ирод, Нерон, Диоклетиан, Деций, Максенций¹²² и все другие злодеи и язычники не могли придумать (так), как этот злодей и чёров сын придумал и придумывает по внушению дьявола).

¹²² Траян Деций и Марк Аврелий Валерий Максенций - римский императоры, гонители христиан.

Кроме того, автор хроники объясняет действия Дракулы: он совершал свои злодеяния *по внушению дьявола* (durch ingießung des tüffels).

2) В тексте хроники не используются уменьшительно-ласкательные формы существительных в описании жертв Дракулы. Присутствует, тем не менее, другой способ усиления эмоционального воздействия повествования: уменьшается возраст детей, которых по приказу Дракулы казнили вместе с их матерями:

...er hatt lassen spissen müter und kind sugende und innerhalb aineß iaur oder 2 oder mer (БР, Санкт-Галленская рукопись)

(Он велел посадить на кол матерей и младенцев одного года или двух или больше).

...er hat laussen spissen müter und sunder sugende kind, die jünger dan ain jar sind (Констанцская хроника)

(Он велел посадить на кол матерей и младенцев, которые были младше одного года).

3) Автор хроники ссылается не на устные источники, как БР (als man sagt, *как говорят*), а на документальные:

Item was namhafftig geschriben ist, die er umbraucht heit, one die, die hie vor nit geschriben sind, der ist an zal zway und nünzig tusend zwaihundert und acht und sechzig menschen, die man in den büchlin in der zal hat, one die, deren noch vil nit geschriben sind.

(Далее, тех убитых им, кто записан по именам и о ком раньше не было написано здесь - числом 92 268. Это те, кого перечисляет книжка, кроме тех многих, которые не были записаны).

Приведённое выше количество убитых – 92 268 – встречается только в «Констанцской хронике». В отличие от всех других изучаемых нами немецкоязычных источников, автор хроники не приводит округлённое число. Неизвестно, основана ли столь точная цифра на фактических данных, но в любом случае она придаёт повествованию характер документальности.

4.1.4. Народные книги о Дракуле.

Тексты печатных изданий народных книг о Дракуле, начиная с издания Марка Айрера 1488 г., имеют несколько характерных особенностей. Поход на Трансильванию описан в них более сжато, чем в бенедиктинских рукописях, поэме Бехайма и Констанцской хронике. В печатных книгах приведены названия не всех мест, в которых происходили казни, а некоторые эпизоды похода опущены целиком:

Бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант	Печатное издание Марка Айрера
Item zu hand darnach hat er dorffer und schlösser in Sibenburgen by der Hermonstatt lassen verbrenne(n). Und schösser in Sibenburgen da selbst und dorfer mit namen Kloster Holtznüwdorff und Haltznetia ze äschen ganz verbrennen. <i>(Затем сразу же он приказал сжечь деревни и замки в Семиградье у Германиштадта. И замки в Семиградье и деревни под названием Клостер Хольцнойдорфф и Хальцнетиа сжечь дотла).</i>	
Item Berkendorff in Wurzenland hat er lassen verbrenne(n) man und frawen, kinder, groß	Pald darnach hat er in sibenbuergen auch in wurtzlande mit namen beckendorff lasen

und klain. die er daselbs nit verbrant die hat er mit im geführt. Und ingeschmidet mit kettinen in der Walachey und hatt sy all lassen spissen. <i>(Затем Бекендорф в Бурценланде он велел сжечь, мужчин и женицин, детей, больших и маленьких. А тех, кого он там не сжѣг, он увёл с собой закованными в цепях в Валахию и всех их велел посадить на кол).</i>	verbrennen. Auch frawen vnd man iung vnd alt. etlich hat er mit im heym gefueret in dy walachei an eyseren keten vnd da all gespist. <i>(Вскоре после этого он в Семиградье и в Бурценланде велел сжечь (деревню) под названием Бекендорф. И также женицин, и мужчин, молодых и старых. Некоторых он увёл с собой в Валахию в железных оковах и там всех посадил на кол).</i>
---	---

Эмоционально окрашенные предложения в народных книгах зачастую отсутствуют даже там, где они встречаются в стилистически сдержанном тексте бенедиктинских рукописей:

Die ließ der tracole fuenff wochen harren vnd ließ spiess fuer die herbrig stecken. also sein die in großen sorgen gewesen. Das hat er dar vmb getan er forcht verreterey.

(Их (послов) Дракула заставил ждать 5 недель и велел приготовить для них колья. И послы были в большой тревоге. Он сделал это потому, что боялся предательства).

Для сравнения, в бенедиктинской рукописи:

Ey wie in gross sorgen sind sy gewesen.

(Ах, в какой большой тревоге были они!)

Синонимические пары глаголов как стилистический приём также встречаются у Айрера реже, чем в предыдущих текстах о Дракуле:

Item s. Bartholomeuskirch hat er lassen verbrennen daselbs ouch alle die ornat und kelchen geroubt und genomen. (бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант)

(Далее, он велел сжечь церковь св. Варфоломея и всю утварь и священные сосуды украл и забрал).

Item er hat auch sant Bartholomes kirchen lasen verprenen vnd all ornat vnd kelch von dann genummen. (печатное издание Айрера)

(Далее, он также велел сжечь церковь св. Варфоломея и всю утварь и священные сосуды забрал).

Некоторое разнообразие в печатных изданиях возникает в начале новых эпизодов: в отличие от, например, бенедиктинских рукописей, здесь они могут начинаться не строго с item, но и с *mer* *кроме того* или *pald darnach* *вскоре после этого*.

Mer hat er seiner haubtman einen in ein groß dorff geschickt mit namen zeinding zu verbrennen.

(Кроме того, он послал одного своего военачальника в большую деревню под названием Цайндинг, чтобы её сжечь).

Различия наблюдаются и в способах характеристики главного персонажа и его действий. Сравнения с тиранами-гонителями христиан, которые мы встречаем в бенедиктинских рукописях, поэме Бехайма и Констанцской хронике, у Айрера и в дальнейших текстах народных книг нет:

Бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант	Печатное издание Марка Айрера
Item erschrockenlichen und furchtzamlich und unußsprechelich pin hat er erdacht... Solche große pin und schmerzen aller die wütrich und durechter der christenhait nie erdaucht habend. Als von Herodes, Nerone und Diocletiano und allen ander hayden tatt en solch marter nie erdacht habend als diser wütterich. <i>(Ужасные, страшные, неопишуемые пытки он выдумывал... Таких пыток не могли выдумать все злодеи и мучители христиан. Ни</i>	Erschröckenliche forchtsame vnausprechliche pein hat er erdacht... <i>(Ужасные, страшные, неопишуемые пытки он выдумывал).</i>

<i>Ирод, ни Нерон, ни Диоклетиан и другие язычники не придумали таких мучений, как это чудовище).</i>	
---	--

Любопытный момент заключается также в том, что негативные характеристики в первопечатных текстах относятся чаще к действиям Дракулы, чем к его личности. В некоторых эпизодах действия Дракулы даже оправдываются: в истории о том, как он приказал сжечь нищих, они названы не *бедняками* (arm lutt), как, например, в бенедиктинских рукописях, а *попрошайками* (petler). Кроме того, дана мораль, почему именно Дракула так с ними поступил:

Item er ließ all petler in seinem land ein gut mal bereiten. nach dem mal ließ er sy in dem stadel darin sy geessen heten versperren. vnd verprent sy all. Er maint sy esen den leuetenn das ir vmd sunst ab vnd kuenten das nit verdienen.

(Затем он повелел для всех попрошайек в его стране приготовить хороший обед. А потом приказал запереть их в том сарае, где они ели, и сжѣг их всех. Он считал, что они даром объедают других людей, а сами ничего не зарабатывают).

История с монахами, которых Дракула спрашивал, действительно ли он величайший тиран на свете, также завершается моралью. Дракула щадит одного монаха, который не побоялся сказать ему, что он злодей, и казнит другого, пытавшегося ему льстить, говоря, что о нём идёт добрая слава:

Der dracol sprach nempt in hin vnd ließ in spissen von der vnwarheit wegen.

(Дракула сказал: возьмите его. И велел его посадить на кол за ложь).

На этом фоне логичной выглядит финальная мораль последнего эпизода о том, как Дракула в конечном счёте покался и начал творить добрые дела, потому что стал христианином.

4.1.5. Выводы.

Как было показано на примерах из источников, существует последовательная генеалогическая связь немецких текстов о Дракуле с точки зрения не только

истории, но и филологии. Подводя итог, мы можем выделить следующие особенности, связывающие исследуемые тексты:

- 1) Структурно-содержательная общность: все тексты имеют общий базовый набор эпизодов;
- 2) Общность топонимики: названия поселений Трансильвании совпадают во всех текстах, хотя и по-разному искажены орфографически;
- 3) Совпадение дат и, в большинстве случаев, количества убитых или пострадавших от действий Дракулы;
- 4) Сходные риторические приёмы: диалоги, прямая речь, обращения к аудитории, одни и те же сравнения, синонимические пары глаголов;
- 5) Идентичные приёмы в описании жертв: использование уменьшительно-ласкательных форм существительных, а также приведение трогательных подробностей;
- 6) Идентичные приёмы в описании Дракулы: сходна лексика в отрицательных характеристиках, сравнение персонажа с гонителями христиан.

По своему типу эти особенности могут быть поделены на несколько групп:

- содержательная группа – пункты 1), 2), 3);
- риторико-стилистическая группа – пункт 4);
- конкретные языковые единицы – пункты 5), 6).

Следует отметить, что имеются и диалектные сходства и различия между текстами: большинство текстов относятся к верхненемецкому языковому ареалу, за исключением печатных книг издания Варфоломея Готана и основанного на нём издания «печатника Йегера». Они, как было показано, составляют отдельную ветвь стеммы, отличающуюся, в числе прочего, и языковым – нижненемецким – исполнением. Тексты южной группы не были

нами сравнены между собой с диалектологической точки зрения, так как их диалектные различия потребовали бы отдельного обширного исследования.

4.2. Об одной общей особенности языка немецких текстов о о Владе III .

Существует ещё одна примечательная черта не диалектного характера, которая, однако, характеризует все памятники и является их яркой особенностью: это последовательное оформление текстов всех жанров конструкциями lassen+инфинитив.

4.2.1. Анализ контекстов, содержащих конструкцию lassen+инфинитив.

Конструкция lassen+инфинитив появляется в исследуемых текстах, начиная с самого первого немецкоязычного источника о Дракуле. Текст бенедиктинских рукописей насыщен этими конструкциями, встречающимися в одном и том же контексте: когда какое-либо действие совершается по повелению или от имени власть имущего (чаще всего Дракулы).

ze hand hat er lassen töden den Laßlaw Wabada, der da selb herr ist gwesen.
(БР, Санкт-Галленский вариант)

(Тотчас же он повелел¹²³ казнить воеводу Ласло, который был там правителем.)

Рассматривая соответствующие эпизоды в истории о Дракуле в поэме Бехайма, «Констанцской хронике» и в народных книгах, начиная с первого издания, нетрудно заметить, что эти глагольные конструкции употребляются в тех же местах, что и в бенедиктинской рукописи, фактически без изменений, несмотря на изменение жанра текста:

Item er hat den jungen Darin gefangen... do *hat* er den *lassen machen* ain grab nach gewonhait der Christen. (БР, Санкт-Галленский вариант)

¹²³ В русском языке нет адекватного способа передать дословно эту конструкцию в переводе, в силу чего в примерах переводы являются контекстными, и мы не настаиваем именно на глаголе «повелеть».

Da liess er ain grab machen,

und hiess den Tann fürn zu dem grab. (поэма Бехайма)

Item er hat den jungen Dan gefangen, darnach hat er im laussen machen ain grab nach gewonhait der Christan. («Констанцская хроника»)

Item er hat den iungen dann gefangen vnd hat im ein grab lasen machen vnd lasen besurgen nach cristenlicher ordenung. (печатное издание Айрера)

(Также он поймал молодого Дана, после чего приказал сделать ему могилу по христианскому обычаю.)

Само по себе употребление этой конструкции не является необычным для немецкоязычных текстов XV в. различных жанров. Тем не менее, ни в одном из многочисленных текстов не встречается такого обилия конструкций lassen+инфинитив, как в парадигме немецких текстов о Дракуле XV в.

Эту частотность наглядно демонстрирует статистика по сказуемым в данных текстах:

Текст	Бенедиктинская рукопись (Санкт- Галлен)	Поэма Бехайма	«Констанцская хроника»	Печатное издание Айрера
Всего сказуемых	281	678	376	298
lassen+инф. в значении приказа	61	77	64	47
Процентное содержание lassen+инф.	22%	11%	17%	16%

Как видно из таблицы, во всех источниках рассматриваемая конструкция везде составляет большую долю. Самое большое количество сказуемых,

реализовавших конструкцию lassen+инфинитив – больше 1/5, мы находим в бенедиктинских рукописях. В других текстах эта доля несколько понижается, но всё равно остаётся сравнительно высокой и составляет 16-17% от общего числа сказуемых. Ниже всего процентное содержание этих конструкций в поэме Бехайма, что не должно вызывать удивления, поскольку обилие повторяющихся конструкций lassen+инфинитив неуместно и нехарактерно для поэтического текста.

Для того чтобы выяснить, является ли подобная частотность нормой, мы провели сравнение с другими произведениями близкой хронологии и жанровой отнесенности. Исследование текстов приводит нас к отрицательному ответу на этот вопрос. В хрониках, к примеру, хронике Клостернойбурга, или в других частях «Констанцской хроники» (за пределами «Истории о Дракуле») конструкция lassen+инфинитив встречается единично (около 1,5% от всего числа сказуемых). Сходная ситуация обнаруживается и в отношении правовых документов.

Далее, нами были изучены тексты сходной тематики, содержащие схожие контексты; тематически для этого подходят произведения о правителях и их деяниях. Например, при анализе поэмы XV в. Йоханна Хартлиба «Александр» (Alexander) подсчёты показали, что доля конструкций lassen+инфинитив на весь объём сказуемых и здесь составляет менее 1%.

Особенно интересно было сравнить частотность конструкций lassen+инфинитив в произведениях одного и того же автора - Михаэля Бехайма. Предположение, что обилие lassen+инфинитив могло быть особенностью языка М. Бехайма, характерной для его индивидуального стиля, не нашло подтверждения. Например, его же рифмованная хроника «Книга о жителях Вены» (Buch von den Wienern, 1462-1465), состоящая из 13 000 стихов, содержит только одну конструкцию lassen+инфинитив:

...es wer man, weib, mait oder knab,
hetens dy haupt aln lassen ab
geslagen uor seinn augen.

(...будь это мужчина, женщина, девочка или мальчик – они (злодеи)
приказали бы отрубить им головы у него на глазах.)

Итак, мы видим, что подобное обилие конструкций lassen+инфинитив не коррелирует с жанром, тематикой или индивидуальным стилем автора текста. Подтверждается только корреляция конструкции с данным сюжетом. Эта особенность является традицией немецких текстов о Дракуле, причём жанрово не дифференцированной.

Однако подобная частотность употребления конструкции lassen+инфинитив несвойственна немецкому языку (об этом будет подробно сказано далее). В чём же причина столь частотного употребления этой конструкции во всех исследуемых текстах и каковы её функции? Чтобы понять это, необходимо проанализировать семантику этих конструкций и на этой основе попытаться прояснить их функции и смысл их частотного употребления в текстах исследуемого корпуса.

Приведём примеры употребления конструкции lassen+инфинитив в одних и тех же эпизодах во всех жанрах немецких текстов о Дракуле (один пример уже был приведён на стр. 98).

Der Dracol ließ den zeginer sieden in ainen kessel... (БР, Санкт-Галленский вариант)

Disen Zigeiner ere

In ainem kessel versieden liess... (поэма Бехайма)

Der Dracol ließ den zyginer in ainen kessel sieden... («Констанцская хроника»)

da ließ der dracole den zigeuener in einem Kessel sieden... (печатное издание Айпера)

(Дракула велел сварить цыгана в котле.)

Item iung knaben und ander die in die Walachey geschickt wurdent die warend von vil landen, das sy soltend lernen die sprach ouch ander ding, die ließ er selbst zusamen bringen und im beantworten. Die ließ er all in ain stuben zusamen tun und ließ sy verbrennen der warend in der zal 4 hundert. (БР, Санкт-Галленский вариант)

Ach warn vil junger knaben

Auss mancher gegend und auch land

Hin in dy Walachei gesand,

das sy da salten haben

Dy walachischen sprach gelert.

Dy liess der Trakel auff der vert

Alsant pringen zu aine,

Der warn virhundert oder mer...

Er liess sy all verprennen.

(поэма Бехайма)

Item jung knaben und ander, die in die Walachy geschickt wurden von vil landen, das sy die sprach lernen soltent und och ander ding, die ließ er im selbs zusamenbringen und im antwurten, die ließ er all in ain stuben zusamentun und ließ sy verbrennen, der warent an der zal vierhundert. («Констанцская хроника»)

Item er hat all iung knaben die in sein land geschickt sein worden von lernung wegen der sprach die hieß er in ein stuben sperren vnd ließ sy verprennen der sein. с с с с. gewesen. (печатное издание Айрера)

(Также в Валахию были отправлены юноши из многих стран, чтобы изучать язык и другие вещи. Он велел их привести к себе и велел им держать перед ним ответ, а потом приказал запереть их и сжечь. А было их 400.)

Во всех этих контекстах у конструкции lassen+инфинитив есть общая семантика: главный персонаж, Дракула, является в них источником действия,

но не выполняет его своими руками, а каузирует его исполнение. Таким образом, можно предположить, что глагольные сочетания lassen+инфинитив по своей семантике и функции в предложении могут представлять собой каузативную конструкцию.

4.2.2. Понятие каузативности и каузативные контексты в корпусе исследуемых текстов.

Понятие каузативности – многоплановое явление, рассматривавшееся многими представителями различных лингвистических школ и имеющее в науке разнообразные толкования. Иногда даже целые сферы речи, такие, как формы вежливого общения, относятся исследователями к области каузативности. Однако чаще изучается каузативность отдельных лексем, например, каузативность как свойство конкретных глаголов: сюда относятся, в частности, германские слабые глаголы 1 класса.

Существует несколько взглядов на определение каузативности и классификацию каузативных глаголов и конструкций. Рассмотрим некоторые из них.

Каузатив (от лат. *causa*, «причина», англ. *causative* «причинный») — тип повышающей актантной деривации, при котором происходит добавление к исходной ситуации участника с ролью агенса (и/или причины). Новый агент при каузативном глаголе (каузатор) занимает позицию подлежащего, прежнее подлежащее понижает свой синтаксический ранг.¹²⁴ Следует подчеркнуть, что под новым агентом может пониматься тот, кто является источником действия, но не обязательно самолично совершает данное действие. Например, в бенедиктинской рукописи мы читаем:

Item er hatt lassen ußruten ain groß geschlecht vom minßten biß ain maisten.

¹²⁴ Аркадьев, П.М., Летучий, А.Б. Транзитивность импликации и естественный язык: парадоксы каузативных конструкций в типологическом освещении. Семинар НПММвЯ, МГУ, Москва 2009. С.13

(Также он (Дракула – прим.перев.) повелел уничтожить большой род от мала до велика).

Здесь источником действия (каузатором) является Дракула, в то время как исполнение действия принадлежало другим лицам.

Н.Д.Арутюнова¹²⁵ рассматривает каузативные глаголы как наиболее универсальное средство выражения каузативных отношений, семантическая структура которых имеет разную степень сложности. Это связано с тем, что в каузальную ситуацию входят пять обязательных смысловых компонентов, или констант: 1) организующая константа, обозначающая отношение каузации, она делает ситуацию каузативной; 2) субъект и 3) состояние антецедента; 4) субъект и 5) состояние консеквента. Однако не все константы каузальной ситуации обязательно находят своё выражение в «поверхностной» структуре. Наиболее универсальным средством выражения каузативных отношений являются каузативные глаголы, семантическая структура которых имеет различную степень сложности. Она может включать константу в чистом виде или в сочетании с другими. В зависимости от этого все каузативные глаголы можно разделить на две группы:

1) Знаменательные каузативные глаголы, чья семантическая структура содержит организующую константу наряду с другой константой, обозначающей способ каузации. Эти глаголы также называются инструментальными, например, глагол *befehlen приказывать*. Семантическая структура последнего включает категориальную сему «каузация» и дифференциальную сему способа каузации (организующая константа и состояние антецедента): *überzeugen убедить* – «заставить кого-то делать что-либо, дав ему для этого вескую причину». Дифференциальная сема также может означать терминальное состояние. Его выражают так называемые

¹²⁵ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – 6-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

терминальные каузативные глаголы, например, erschrecken *напугать*. Есть и такие каузативные глаголы, семантическая структура которых содержит три константы – состояние антецедента, организующую константу и состояние консеквента, – например, глагол erschiessen *застрелить*.

Каузативные глаголы занимают особое место в системе языка. Будучи глаголами транзитивными, они, входя в эту группу, тем не менее, отличаются от собственно транзитивных. Объект при транзитивном глаголе обозначает предмет, характеристики которого не зависят от глагола-сказуемого; действие глагола, распространяясь на объект, не изменяет его качества или состояния. Другое отношение возникает между каузативным глаголом и его объектом: в результате оказанного на него воздействия предмет-объект либо исчезает, либо заново возникает, его качество или состояние может меняться в определённую сторону, объект может быть вынужден сам совершать какое-либо действие, то есть он не остаётся «равнодушным» к действию глагола и прямым образом зависит от него. Примером таких глаголов может служить первый класс слабых германских глаголов.

2) Служебные каузативные глаголы, которые выражают только организующую константу. Примером таких глаголов может служить первый класс слабых германских глаголов.¹²⁶

С точки зрения синтаксической теории, отношение причинения возникает из отношений согласования и управления. Каузативная конструкция предполагает, по мнению синтаксистов, наличие как минимум двух ситуаций. Например, Е.А.Дадуева¹²⁷ обозначает это как отношение между двумя ситуациями А и В, при котором ситуация А приводит к

¹²⁶ Мы оставляем в стороне сложные дискуссионные аспекты теории каузативов и каузативности, не имеющие прямого отношения к решению поставленной здесь задачи.

¹²⁷ Дадуева, А. Е. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. Санкт-Петербург, 1994. — № 2. — С. 76-81.

осуществлению ситуации В в реальности или гипотетически. Причинение по способу согласования отвечает формуле «сделать так, чтобы А стало В», а причинение по способу управления – «сделать так, чтобы А было у В» или «сделать так, чтобы у В было А». Говорят также, что новый участник с ролью агенса каузирует осуществление ситуации В.

Каузативность относят к универсальным понятийным категориям¹²⁸, она присутствует в каждом языке, отличаются лишь способы её выражения. С этой точки зрения германские слабые каузативные глаголы являются примером морфологических каузативов, поскольку в их основе лежит семантически мотивированная словообразовательная модель со специальным основообразующим суффиксом (герм. *-j- в двн. *leggen*, свн. *legen* *класть*). Во многих языках, например, утративших словообразовательный каузатив, возникли регулярные синтаксические каузативные конструкции. Помимо морфологических каузативов, уже в средневерхненемецком языке существовали синтаксически производные, или аналитические каузативы, где смысл каузации выражается вспомогательным словом, чаще всего глаголом. К аналитическим, или синтаксическим,

¹²⁸ Одним из теоретических вопросов, связанных с каузативом, является вопрос о соотношении каузатива и залога и целесообразности выделения так называемого каузативного залога. Л.Теньер (Основы структурного синтаксиса. Москва: Прогресс, 1988, стр. 259) высказал мнение, что каузативный глагол (или сочетание) отличается от некаузативного только своей валентностью, но не значением, что каузативные морфемы (или вспомогательные глаголы) создают механизм повышения валентности, который он называет фактитивным или каузативным залогом. Он определяет каузативный залог как операцию, состоящую в увеличении числа актантов на единицу.

При решении вопроса о том, является ли каузатив залогом, можно исходить из определения залога, данного А.А.Холодовичем (Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969, стр.284): при залоговых преобразованиях набор единиц семантического уровня или участников ситуации, называемой глаголом, для каждого глагола остаётся постоянным, но меняется тип соответствия между единицами семантического уровня (субъектом, объектом, адресатом) и единицами синтаксического уровня – членами предложения.

каузативам относились, в частности, конструкции *heizen*+инфинитив, а также *lassen*+инфинитив¹²⁹. Ниже они будут рассмотрены подробнее.

Существует также семантическая классификация каузативов. По семантическим типам каузативы подразделяются в двух различных аспектах:

1. Дистантная и контактная каузация

Контактная каузация подразумевает прямую связь каузирующего и казулируемого субъектов. Каузатор совершает с казулируемым физические действия, приводящие к осуществлению казулируемой ситуации. При дистантной каузации имеет место опосредованная связь между каузирующим субъектом и казулируемым состоянием, при которой актуализируется большая или меньшая самостоятельность казулируемого субъекта в принятии им (или непринятии) состояния.

2. Фактитивная и пермиссивная каузация

При фактитивной каузации первоисточником или единственным источником изменений является каузирующий субъект: *я велел ему прийти, я позвал его, я закрыл дверь*. При пермиссивной каузации первоисточником этих изменений является казулируемый субъект, и роль каузирующего субъекта сводится к допущению этих изменений или препятствованию им: *я разрешил ему прийти, я не впустил его, он не дал двери закрыться*.¹³⁰

Для нашего исследования релевантными являются следующие выводы:

- 1) Глагол *lassen* выражает в немецком языке дистантную каузацию и моделирует различные семантические типы каузации. Из всех аспектов значения конструкции *lassen*+инфинитив для рассматриваемого нами материала релевантным является фактитивный: *Item... hat er dorffer und*

¹²⁹ Степень грамматикализации конструкции *lassen*+инфинитив в XV в. точно установить не удаётся, однако для данного исследования достаточно того, что устанавливается утрата глаголом его основного, пермиссивного, значения.

¹³⁰ Неद्याков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций. — В кн.: А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969, 5-19

schlösser in Sibenburgen by der Hermonstatt lassen verbrennen. - *Также он приказал (повелел) сжечь деревни и замки в Семиградье.* Это тем более интересно, что в качестве однозначной лексемы он имеет как раз пермиссивное значение (свн. *lassen* – позволять).

2) В конструкции *lassen*+инфинитив глагол *lassen* является служебным, и, по нашему мнению, десемантизирован.

3) Особое значение для исследуемого материала имеет указание теоретиков-синтаксистов на нового участника в роли агенса¹³¹, «каузирующего ситуацию В»¹³². Эта дополнительная позиция каузатора позволяет при помощи каузативной конструкции переориентировать высказывание с указания на фактического исполнителя действия на представление другого подлежащего в качестве причиняющего лица/инстанции.

В произведениях различных жанров, посвящённых деяниям великих людей, последние как раз выступают в роли каузаторов событий и свершений, конкретными исполнителями которых были другие люди (часто не упомянутые в хрониках, житиях и хвалебных поэмах).

4.2.3. Каузативные инфинитивные конструкции в немецком языке XII-XV вв.

Каузативным конструкциям в немецком языке уделялось мало внимания, особенно в диахронии. При этом уже на ранних этапах развития языка возникло два типа каузативов. Первый класс слабых глаголов в германских языках представлял собой морфологические каузативы, но существовали и семантические каузативы, такие, как двн. *heizan* (свн. *heiz(z)en*) – глагол речевого воздействия. На древнегерманском уровне он обладал семантикой приведения чего-либо в движение путём называния («призывать», «называть»

¹³¹ Аркадьев, П.М., Летучий, А.Б. Транзитивность импликации и естественный язык: парадоксы каузативных конструкций в типологическом освещении. Семинар НПММвЯ, МГУ, Москва 2009. С.13

¹³² Дадуева, А. Е. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. Санкт-Петербург, 1994. — № 2. — С. 76-81.

«приказывать»), происходя от и.-е. *keiə- «приводить в движение» (ср. лат. *ciēo* – «привожу в движение», «призываю», греч. *kiō* - «иду»)¹³³.

Глагол *heizzen* особенно интересен для нас, поскольку конструкция *heizan*+инфинитив является предшественником *lassen*+инфинитив. В древневерхненемецком языке глагол *lazan* обозначал препятствование, а *heizan*, ныне малоупотребительный в данном значении – понуждение к действию. Например, в хвалебной «Песни о Людвиге»¹³⁴ IX в. мы читаем:

Kôron uuolda sîn god...

Lietz her heidine man Obar sêo lîdan.

(Испытать хотел его Господь и попустил язычникам приплыть из-за моря).

Thoh erbarmêdes got, Uisser alla thia nôt:

Hiez her Hluduîgan Tharôt sâr rîtan.

(Но смилостивился Господь, он знал об этой беде: повелел господину Людвигу тотчас прибыть).

В средневерхненемецкий период у *heizzen* окончательно вышло вперед не значение «приводить в движение», а «называть» или «приказывать». Множество примеров этой семантики мы находим, например, в рифмованной «Императорской хронике» (*Kaiserchronik*) XII в.¹³⁵:

4249 *Duo zurnte der kunic Nêre,*

4250 *er hiez die hêrren bêde*

4251 *an der stete vâhen*

(Тут император Нерон прогневался и приказал обоих схватить на месте).

¹³³ KLUGE. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York 2002, S. 404.

¹³⁴ Чесоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. М.: 1978. С.38-39

¹³⁵ *Kaiserchronik: Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des Mittelalters. Deutsche Kaiserchronik. Herausgegeben von Edward Schröder. Hannover 1892.*

7906 er hiez sînen chappelân

7907 sancte Pêteres unt sancte Paules pilde dar vur tragen

(Он велел своему священнику принести изображения свв. Петра и Павла).

В это же время, как считают исследователи, *lazen* постепенно интегрирует значение понуждения к действию и вытесняет *heizzen* из конструкций с инфинитивом, имеющих подобную семантику.¹³⁶

В разнообразных литературных жанрах средневерхненемецкого периода можно наблюдать одновременное существование конструкций *lazen*+инфинитив и *heizzan*+инфинитив в одних и тех же контекстах: когда власть имущий человек каузирует какое-либо действие.

В «Императорской хронике» *heizzan*+инфинитив ещё преобладает: соотношение этой конструкции с *lazen*+инфинитив составляет примерно 0,5%.

6572 Duo zurnde der kunich Maxîmîân,

6573 er hiez ie dem zehenden man

6574 diu houbet sciëre ab slahen

(Тогда император Максимиан прогневался и приказал тотчас же отрубить голову провидцу).

8571 diu chunigîn hiez ir wîse redenære

8572 antwurten dem hailigen man.

(Королева велела своему мудрому оратору отвечать святому человеку).

14160 er hiez si in den karchære werfen

(Он велел бросить их в темницу.)

¹³⁶ Недалков В.П., Никитина Т. Н. О признаках аналитичности и служебности (на материале каузативных конструкций). — В кн.: В. М. Жирмунский. Аналитические конструкции в языках различных типов. М.: Наука, 1965, 170—193.

Примеры с *lazen*+инфинитив малочисленны:

5949 Duo liez der kaiser Trajân

5950 im suochen den sculdigen man.

(Тогда император Траян приказал найти виновного).

XV век характеризуется уже почти полным вытеснением конструкций с *heizen/heissen*. Если в контексте приказа наличествует аналитическая каузативная конструкция, то это *lazen/lassen*+инфинитив.

4.2.4. Конструкции *lassen*+инфинитив в других немецких источниках XII-XV вв.

Примеры с конструкцией *lassen*+инфинитив встречаются в средне- и ранненововерхненемецких текстах различных жанров, хотя и не столь часто, как в исследуемом корпусе. Рассмотрев различные примеры этой конструкции за пределами тематики о Владе III, мы, возможно, найдём объяснение функции, смыслу этих конструкций, их лингвопрагматические нагрузки и связи со специфическими контекстами.

Наиболее традиционным является жанрово обусловленное употребление *lassen*+инфинитив в юридических текстах, в особенности в заключительных формулах грамот. Например, мы наблюдаем эту конструкцию в клаузуле грамоты Сигизмунда Литовского (1439 г.)¹³⁷:

...hebbe wy Seghemund grotforste vorbenom. vmme merer voruestynghe willen der vorgescr. voreyninghe vnse Ingheseghell laten hanghen vnder an dussen breff...

(Мы, Сигизмунд, Великий князь, для заверения этой грамоты изволили привесить к ней нашу печать...)

¹³⁷ Цитируется по: Сквайрс Е.Р., Тимошко Т.Ю. Немецкие партнеры древнерусских городов: языковой аспект. Сборник материалов: Международная научная конференция «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии». МГУ, 2013. С. 345-347.

В подобных контекстах употребление конструкции является формульно связанным, однако прослеживается и её контекстное значение: печати навешиваются (в знак скрепления документа) от имени лица, обладающего определённым юридическим статусом.

Другим типичным контекстом в правовых текстах является упоминание о прочтении вслух юридических документов (договоров, городских законов и т.п.). Примером может служить письмо посла Тевтонского ордена о его миссии при дворе в Лондоне:

... unde *heft* se dem hern ertzebischoppe., synem cantzleren, vor em *laten lesen*...

(...и повелел архиепископу, своему канцлеру, прочесть перед ним...) ¹³⁸

К подобным правовым контекстам примыкают упоминания юридических действий, совершаемых высокопоставленными лицами (основание города, закладка собора и подобное). В хронике Клостернойбурга (Klosterneuburger Chronik, начиная с 1420-х гг.) мы читаем ¹³⁹:

Der khünig *lies* auch *machen* zwen fürstengesäss...

(Король повелел устроить два княжеских престола.)

В договоре архиепископа Магдебургского, маркграфов Мейссенских, графа Ангальтского и др. против графов Вернигеродских (10 июля 1379 г.), также употребляется конструкция *lazzen*+инфинитив:

Unde lyte, die wir dar geleyet hetten, ensoylden wir nicht von dennen ryten *lazzen*...

(И людям, которых мы там поставили, мы не должны отдавать приказа скакать прочь...) ¹⁴⁰

¹³⁸ Squires, C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, Wien 2009, 278 S.

¹³⁹ Die kleine Klosterneuburger Chronik: Bayerische Staatsbibliothek, Digitalisat <http://books.google.com>

¹⁴⁰ Schmidt, G. Urkundenbuch des Hochstifts Halberstadt und seiner Bischöfe, Band 4. Halberstadt, 1887. S.336.

Жители Любека обращаются с просьбой к своему архиепископу:

...dat gii dat willen in dat Dudesche setten laten unde sendet uns dat Russche mit deme Dudeschen bii unseme boden.

(...чтобы Вы изволили перевести это на немецкий язык, и пришлите нам на русском и немецком с нашим послом.)

Примеры мы находим и в других жанрах:

- 1) в рифмованных хрониках, например, в уже упоминавшейся «Императорской хронике» XII в.:

8351 *lieze zesamene chomen*

8352 *der haiden wîse scrîbære*

(Он повелел собраться языческим мудрым языческим писцам.)

- 2) в рыцарском романе, например, в «Тристане» Готфрида Страсбургского:

3320 *und hiez dem kinde ruofen dar*

(...(король) велел подозвать мальчика.)

Во всех перечисленных жанрах и текстах конструкция *lassen*+инфинитив употребляется в контексте, когда власть имущий совершает какое-либо действие не своими руками, а велит это сделать своим подданным, или что-либо делается от его имени. Таким образом, мы видим, что употребление конструкции *lassen*+инфинитив является нормой для немецкого языка в различных жанрах XII-XV вв. Однако ни в одном из текстов данная конструкция не употребляется с такой частотностью, как в немецких текстах о Дракуле.

4.2.5. Возможные объяснения конструкции lassen+инфинитив в корпусе немецких текстов о Владе III.

Мы можем выдвинуть несколько версий объяснения этого феномена. Первая из них основывается на гипотезе о происхождении исходного текста бенедиктинской рукописи от текста первоначального донесения, составленного для папского посланника на латинском языке. Если рассматривать в качестве первоисточника информации это не сохранившееся письмо, то его следы можно найти в двух текстах (см. Приложение I):

- 1) «Комментариях» папы Пия II (до 1464 г.)¹⁴¹, непосредственного адресата донесения, написавшего свои комментарии в непосредственном дискурсе с этим донесением, то есть в значительной степени на его основе и под его языковым влиянием;
- 2) «Деяниях венгров» Антонио Бонфини, придворного хрониста Матьяша Корвина с 1485 г.¹⁴², хронике венгерского государства, в которой присутствует небольшой эпизод о Владе III.

Лингвистические конструкции, стоящие в обоих латинских текстах там, где в немецких текстах появляется lassen+инфинитив, различны. В «Комментариях» Пия II употребляется два вида конструкций. Во-первых, это оборот accusativus cum infinitivo с инфинитивом настоящего времени пассивного залога (*iussit afferri приказал привести*). При глаголе *iubeo (приказываю)* accusativus cum infinitivo употребляется с *infinitivus praesentis passivi*, если не названо лицо, которому отдан приказ¹⁴³; именно так и происходит в данном контексте.

Ex Vurcia quadringentos pueros tanquam lingua Valachorum erudiendos, ad se *iussit afferri*, quos in aestuario clausos immisso igne *cremavit*.
(«Комментарии»)

¹⁴¹ Pii Secundi Pontificis Max. Commentarii rerum memorabilium. Bayerische Staatsbibliothek, Münchener Digitalisierungszentrum.

<http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10165682-2>

¹⁴² Antonii Bonfinii civis asculani Rerum ungaricarum. (<http://books.google.com>)

¹⁴³ Мирошенкова В.И., Федоров Н.А. Учебник латинского языка. М.: 1997.

(Из Бурценланда 400 юношей, изучавших валахский язык, к себе приказал привести и, заперев, сжѣг.)

Item iung knaben und ander die in die Walachey geschickt wurdent die warend von vil landen, das sy soltend lernen die sprach ouch ander ding, die ließ er selbst zusamen bringen und im beantworten. Die ließ er all in ain stuben zu samen tun und ließ sy verbrennen der warend in der zal 4 hundert. (БР, Санкт-Галленский вариант)

(В Валахию были посланы юноши, которые должны были изучать язык и иные предметы; он (Дракула) повелел их привести к нему и приказал им отвечать ему. (Потом) он приказал собрать их в одной комнате и сжечь; числом же их было 400).

Более частотным вариантом сказуемого является глагол в перфекте активного залога (*cremavit сжѣг*), последовательно употребляемый без подлежащего: соотношение между конструкциями *iussit*+инфинитив и сказуемыми в перфекте составляет примерно 1 к 7.

В отличие от Пия II, Бонфини использует перфектный инфинитив пассивного залога (*infinitivus perfecti passivi*) в тех контекстах, которым в немецких текстах соответствует конструкция *lassen*+инфинитив.

Innumeros palis Turcas praefixisse, & inter eos cum amicis laute discubuisse.

(Посадил на бесчисленные колья турок и между ними с друзьями сидел за столом.)

...hat er an dem morgen an den berg by der Capellen all lassen spissen umb und umb den berg und er ist mit umbe gesetzen zu tisch und sin frund da selbs gehabt. (БР, Санкт-Галленский вариант)

(...утром он возле часовни велел всех посадить на кол вокруг горы, а сам сел там же со своими друзьями за стол.)

Конструкция, употребляемая Бонфини, скорее всего, является также *accusativus cum infinitivo*, но с отсутствующим управляющим глаголом. Как и фактическое подлежащее, он появляется только один раз в начале истории о Дракуле:

Inauditae crudelitatis & justitiae, Draculam fuisse memorant.

(Вспоминают, что Дракула был неслыханно жесток и справедлив.)

Таким образом, в тексте Бонфини, как и в отрывке из «Комментариев» Пия II, преобладают бесподлежащие предложения. Здесь важно отметить, что если в латыни бесподлежащие предложения допустимы, то в немецком языке, в том числе и на момент XV в., допустима только двусоставность предложения. Уже древневерхненемецкий период характеризуется преобладанием двусоставных предложений в языке; в средневерхненемецкий период эта тенденция продолжилась, и односоставные предложения стали исключением. Бесподлежащие конструкции, ещё встречавшиеся в древневерхненемецком, исчезли из системы синтаксиса.¹⁴⁴

Языковые особенности, возникающие в немецком синтаксисе в результате его контактов с другими языками, могут иметь контрастивно объяснимую природу. Их можно наблюдать на материале немецких переводов с других языков, для которых также характерны бесподлежащие конструкции. Таким примером могут послужить исследованные Е.Р.Сквайрс и Т.Ю.Тимошко переводы с русского на немецкий язык торговых договоров XIII-XV вв. В текстах древнерусских договоров высока доля бесподлежащих предложений, которые при переводе переформулируются в соответствии с немецким синтаксисом: переводчики-немцы используют личные формы глагола, согласованные с субъектом. В роли трансформированных эквивалентов выступают конструкции с модальными глаголами, ср. *гости ехати ...на Божии ручѣ и на княже* и в нижненемецком переводе (dat) *de coplude kamen togen... up de koninges hand*.

¹⁴⁴ О.И.Москальская. История немецкого языка. М.: 2003 С.123, 188-189.

При этом происходит утрата глаголами их модального значения и грамматикализация конструкций.¹⁴⁵

В языке немецких переводов вследствие этой вынужденной языковой стратегии возникают две особенности. Первой является чрезвычайно высокое число модальных глаголов (свн., снн. *schollen*, *mogen* и др.), наблюдаемых в этих переводных текстах, значительно превышающее их долю в целом в немецком языке того периода. Таким образом, для необычно высокой частотности глаголов со вспомогательной функцией в случае переводных текстов может быть причина внутрисистемного характера.

Второе следствие также имеет контрастивно-системный характер и состоит в вынужденном оформлении подлежащего в переводе, в то время как в контексте оригинала может не содержаться прямого указания на агенса¹⁴⁶. Отметим также, что и в русском тексте, и в рассматриваемых текстах на латинском языке присутствует конструкция *accusativus cum infinitivo*.

Опираясь на эту аналогию, мы можем предположить, что с переводом с латыни произошло схожим образом, и, следовательно, такое количество конструкций *lassen*+инфинитив может объясняться переводным характером изначального немецкого текста. К факту перевода, как мы уже видели, ближе всего стоит рукописный источник из бенедиктинского монастыря (БР), и в нём процент сказуемых с *lassen*+инфинитив очень высок (22%); в дальнейших немецких версиях доля этой конструкции несколько снижается. Таким образом, частотные конструкции *lassen*+инфинитив в исследуемом корпусе могут объясняться как отражение латинских синтаксических особенностей в языке первого немецкого источника (БР) и дальнейшая передача этой черты в

¹⁴⁵ Сквайрс Е.Р., Тимошко Т.Ю. Немецкие партнеры древнерусских городов: языковой аспект. Сборник материалов: Международная научная конференция «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии». МГУ, 2013. С. 345-347, здесь стр. 347.

¹⁴⁶ Под агенсом здесь имеется в виду, в соответствии с определением «Лингвистического энциклопедического словаря», «одушевлённый участник ситуации, непосредственно исполняющий действие»: Лингвистический энциклопедический словарь. Советская энциклопедия, 1990, стр. 17.

следующих за ним немецких текстах (поэма Бехайма, «Констанцская хроника», печатные книги).

Возможны и другие варианты объяснения частотности каузативных конструкций *lassen*+инфинитив в исследуемом корпусе текстов. Фактически речь в исследуемых текстах идёт о деяниях, совершённых именем правителя, по его инициативе – он выступает в качестве дистантного агенса. Очевидно, что учёные монахи, составившие текст бенедиктинской рукописи (дайджест для дальнейшего оформления в текстах различных жанров), проявляли – под влиянием латинского оригинала – языковую чуткость в различении простого актива и каузативного оборота со вторым агенсом в качестве подлежащего¹⁴⁷. По поводу дискуссии о возможности выделения каузативного залога (см. примечание 128) можно в этой связи заметить, что речевое поведение составителей немецкого донесения обнаруживает их отношение к данным конструкциям как к грамматикализированным формам выражения системной оппозиции. Это свидетельство ограничивается, как неоднократно оговаривалось выше, историческими рамками середины XV в. и конкретной социолингвистической ситуацией, в которой создавались тексты данного корпуса.

Как было сказано ранее, оригинальный текст X был составлен непосредственно перед или во время взятия Дракулы под стражу. Поэтому он не мог носить характер прямого бездоказательного обвинения: политическая ситуация ещё могла измениться, и написанный против Дракулы текст мог сработать против составителя. Следовательно, нужна была возможность разных толкований текста. Конструкция же *lassen*+инфинитив демонстрирует, что человек, упоминаемый в качестве агенса, является источником действия, но не выполняет его собственноручно. Обилие подобных оборотов вместо

¹⁴⁷ Вспомним, что в тексте Пия II используются сказуемые с глаголом *iubeo* (приказываю), который в обороте *accusativus cum infinitivo* употребляется с *infinitivus praesentis passivi*, поскольку не названо лицо, которому отдан приказ. Семантика этих конструкций также содержит в себе дистантную каузативность.

определённого указания на действие («он сделал это») создаёт эффект непрямого обвинения («что-то было сделано его именем, но он не делал этого сам»)¹⁴⁸.

Причины, перечисленные выше, тем не менее, не объясняют частотность употребления lassen+инфинитив в поэме Бехайма. Как было показано выше, для его авторского стиля столь частое использование этой каузативной конструкции даже в сходном контексте нехарактерно; несвойственно это и для других поэтических текстов разных жанров того же и более ранних периодов. Мы можем предположить, что Бехайм воспользовался приёмом стилистической имитации прозы, намеренно введя в текст поэмы особенность, нехарактерную для поэтического жанра. Это тем более вероятно, потому что поэма была сочинена на острую политическую тему, и одной из главных задач автора было показать, что его рассказ правдив, поскольку основывается на реальных письменных (и устных) свидетельствах. Поскольку бенедиктинская рукопись датируется 1462 годом, а поэма Бехайма была написана в начале 1463 г., то очевидно, что автор работал спешно и составить текст, соответствующий политическому заказу, для него было важнее выполнения творческой задачи.

4.2.6. Выводы.

Глагол lassen выражает в немецком языке дистантную каузацию и моделирует различные семантические типы каузации. Из всех аспектов значения конструкции lassen+инфинитив для рассматриваемого нами материала релевантным является фактитивный: Item... hat er dorffer und schlösser in Sibenburgen by der Hermonstatt lassen verbrennen. - *Также он приказал (повелел) сжечь деревни и замки в Семиградье*. В конструкции lassen+инфинитив глагол lassen является служебным и в нашем случае десемантизирован, поскольку утрачивает значение пермиссивности.

¹⁴⁸ Позже подобным образом, но с помощью других языковых средств, Бонфини подчёркивал, что информация о Владе III поступила к нему из других источников, и дистанцировался от неё: «вспоминают, что Дракула был таким-то и сделал то-то».

Особое значение для исследуемого материала имеет указание теоретиков-синтаксистов (Аркадьев/Летучий; Дадуева и др.) на нового участника в роли агенса, каузирующего ситуацию. Эта дополнительная позиция каузатора позволяет при помощи каузативной конструкции переориентировать высказывание с указания на фактического исполнителя действия на представление другого подлежащего в качестве причиняющего лица/инстанции. В произведениях различных жанров, посвящённых деяниям великих людей, последние как раз выступают в роли каузаторов событий и свершений, конкретными исполнителями которых были другие люди. Рассматриваемая конструкция с *lassen*, таким образом, потенциально хорошо подходит для подбных контекстов.

Конструкция *lassen* (*lazan*, *laz(z)en*)+инфинитив в принципе встречалась в немецком языке предшествующего и современного исследуемым текстам периодов, сменив в каузативной функции конструкцию с *heizen*. Однако при изучении большого корпуса текстов различных жанров, где могли бы встречаться конструкции *lassen*+инфинитив в схожих контекстах (правовые тексты, хроники, и поэтические произведения, описывающие деяния правителей), не было выявлено ни одного примера настолько частотного употребления этой конструкции. Эта особенность, характерная для корпуса немецких текстов о Дракуле, может объясняться переводным характером изначального немецкого текста. Частотные конструкции *lassen*+инфинитив в исследуемом корпусе могут объясняться как отражение латинских синтаксических особенностей (односоставные конструкции) в языке первого немецкого источника (бенедиктинские рукописи) и дальнейшая передача этой черты в следующих за ним немецких текстах (поэма Бехайма, «Констанцская хроника», печатные книги). Кроме того, возможно предположить, что ученые монахи, которые составили текст бенедиктинской рукописи (являвшейся дайджестом для дальнейшего оформления в текстах различных жанров), под

влиянием хорошо знакомой им латыни проявляли языковую чуткость в различении простого актива и каузативного оборота со вторым агенсом в качестве подлежащего. Речевое поведение составителей немецкого донесения обнаруживает их отношение к данным конструкциям как к грамматикализированным формам выражения системной оппозиции, что может косвенно свидетельствовать о степени грамматикализованности каузативных оборотов и говорить в пользу возможности существования каузативного залога.

В целом несвойственное немецкой словесности обилие конструкций lassen+инфинитив можно объяснить уникальностью оригинальной «Истории о Дракуле» и всех производных от неё текстов: в XV веке не было примеров литературных произведений, представляющих собой последовательное обвинение современного им христианского правителя в преступлениях. Немецкие тексты о Дракуле являются единственными в своём роде, и поэтому, вероятно, их можно рассматривать как отдельное явление в литературе своего времени. Частотность конструкций lassen+инфинитив, в свою очередь, является маркером, указывающим на их текстологические связи.

Заключение

В 1462 г. в результате политического конфликта Влад III Дракула был взят в плен королём Венгрии Маттяшем Корвином. Чтобы оправдать этот поступок перед папой римским и другими союзниками в борьбе против Османской империи, Корвин начал кампанию по оклеветанию Влада III с целью представить его бесчеловечным тираном. Рукописные варианты истории о Дракуле (бенедиктинские рукописи) и вся дальнейшая традиция немецких текстов XV в. о Владе III являются результатом, а отчасти и инструментом этой кампании.

Научная литература, затрагивающая немецкие тексты XV века о Владе III, преимущественно изучает их исторический фон. Некоторое количество исследований посвящено генеалогии и хронологической последовательности текстов, а также их структурно-содержательным сходствам и различиям. Лингвистические особенности немецкоязычных текстов о Дракуле и их филологические характеристики до сих пор оставались без внимания. Целью данной работы стало восполнить этот пробел в научной литературе.

Поскольку исследуемые нами тексты являются инструментом политической кампании, первостепенной проблемой диссертации является их лингвопрагматическая оценка, то есть вопрос о том, каким образом язык этих текстов служил определённым целям их авторов и составителей.

Информационная кампания против Влада III, осуществляемая филологическими средствами, стремилась к тому, чтобы охватить максимально широкий круг предполагаемых реципиентов. Разнообразие аудиторий, на которые предполагалось воздействовать, обусловило разнообразие жанров, в которых представлены тексты о Владе III.

Одна из главных особенностей немецких текстов о Владе III заключается в том, что они представляют собой единый сюжет, представленный в различных жанрах. Целью работы являлось понять, почему для реализации истории о Дракуле были выбраны именно эти жанры. Поэтому крайне важным для данного исследования стало рассмотрение текстов о Дракуле как с точки зрения общей классификации жанров, так и в системе жанров исследуемого периода. Опираясь на эмпирически выведенную классификацию нарративных жанров XV в. и её сопоставление с жанрами, в которых представлены тексты о Дракуле, можно сделать два основных вывода. Во-первых, для реализации сюжета о Дракуле были отобраны только те жанры, которые действительно являлись эффективными для распространения сюжета среди различных аудиторий. Этот факт подтверждает довод о том, что против Влада III действительно проводилась спланированная информационная кампания. Во-вторых, исследуемый корпус текстов практически исчерпывает существующую систему жанров, что позволяет рассматривать его как продуманную замкнутую парадигму текстов, имеющую конкретную прагматику.

Наиболее ранними из немецких текстов о Дракуле являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 г. и сохранившиеся в Ламбахской (список 1470 гг.), Санкт-Галленской (список около 1500 г.), Кольмарской (4-я четверть XV в.) и Лондонской рукописях (конец XV в.). Всего в различных вариантах рукописных текстов выделяется 42 эпизода, большая часть которых повторяется во всех манускриптах.

Фактологическую основу рукописного текста предположительно составляют несколько источников. Текст мог частично основываться на письмах-жалобах семиградского купечества из Брашова (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт). Второй источник - текст донесения, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего информацию о сговоре Влада III с турецким султаном. Выдержки из этого не сохранившегося письма можно найти в «Комментариях»

папы Пия II (до 1464 г.). На основе материала бенедиктинской рукописи впоследствии были созданы входящие в корпус немецкоязычные литературные обработки, разнообразные по своему жанру.

Точкой перехода сюжета о Дракуле в область художественной словесности является поэма Михаэля Бехайма «Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei» (*О злодее, прозванном Дракула воевода валахский*), написанная в 1463 г. для исполнения при дворе императора Фридриха III в Вене. Поэма полностью включает в себя материалы донесения бенедиктинских монахов и добавляет некоторые дополнительные эпизоды.

История о Дракуле содержится в «Констанцской хронике» (Konstanzer Chronik) Гебхарда Дахера, литературно обработанном собрании разнообразных исторических сведений с начала XV в. и до 1470 года. Текст «Констанцской хроники» (до 1472 г.) содержит максимальное количество эпизодов из первоначального набора, обнаруживаемого в бенедиктинских рукописях. Кроме этого, в хронике имеется 6 дополнительных эпизодов и уникальные для парадигмы текстов о Дракуле детали.

Дальнейшая популяризация истории о Дракуле продолжилась и после его смерти в 1476 г. Политическая пропаганда против Влада III изжила себя, но издатели народных книг продолжили использовать коммерческий потенциал историй о нём. Первое издание повествования о Дракуле в печатном формате (Марк Айрер, Нюрнберг, 1488 г.) знаменует собой переход от политически окрашенного текста к нравоучительной истории, предназначенной для массового (печатного) коммерческого распространения. До настоящего момента известно 13 печатных изданий истории о Дракуле XV и XVI вв.: 7 из них датируются XV веком, в XVI в. были напечатаны ещё 6. Издания разделяются на две основные ветви: 1) верхненемецкую, происходящую от издания печатника Марка Айрера 1488 г. в Нюрнберге, 2) и нижненемецкую, основанную на издании печатника Варфоломея Готана в 1488-93 гг.

При всём жанровом разнообразии немецких текстов XV в. о Владе III их объединяет ряд общих структурно-содержательных, риторико-стилистических, лексических и грамматико-синтаксических особенностей. Большинство этих особенностей являются жанрово не дифференцированными. В целом исследование показало, что различий в языке текстов не так много, как можно было бы ожидать. В некоторых случаях на аудиторию воздействует не столько язык текста, сколько его жанр – например, главным инструментом воздействия народных книг являлась массовость, которая и была одной из их главных жанрообразующих характеристик.

Примечательной особенностью всей жанровой парадигмы немецких текстов XV в. о Владе III является частотность употребления каузативной конструкции lassen+инфинитив, нехарактерная для немецкой словесности в целом. В исследованном нами корпусе текстов наблюдается грамматикализация данной конструкции, которая выражалась, во-первых, в десемантизации глагола lassen, утратившего здесь свою основную семантику пермиссивности и ставшего служебным. Далее, грамматикализация конструкции проявилась в её регулярном употреблении в ситуации латинско-немецкого языкового контакта как средства нейтрализации непосредственного агенса действия и замещения его дистантным каузатором. Эти наблюдения и выводы вносят некоторый новый вклад в дискуссию о степени грамматикализации каузативных конструкций и о возможности признать существование каузативного залога.

Как и конструкция lassen+инфинитив, многие языковые средства в процессе эволюции текстов о Дракуле переходят в жанры, для которых они нехарактерны. Однако это не приводит к разрушению жанров, а напротив, увеличивает лингвопрагматическую эффективность последних. Привлечение средств одного жанра становится литературным приёмом в новом жанре. Таким образом, то, что изменение жанра не влечёт за собой значительной динамики

языка, является характерной особенностью всей жанровой парадигмы текстов о Дракуле.

В свою очередь, основной жанровой характеристикой немецких текстов XV в. о Владе III является их жанровая разноплановость. Сочетание признаков, например, поэмы и правового текста для этой парадигмы текстов является прагматически плодотворным, поскольку усиливает воздействие на реципиента. Подводя итог, мы можем отметить, что то, что теоретики речевого жанра считают затруднением в классификации жанров, в данном материале оказывается основным путём, на котором эволюционирует жанр историй о Дракуле.

Данное исследование, само по себе являясь завершённым, открывает перспективы дальнейших исследований в различных областях филологии и лингвистики. В частности, интересно было бы подробнее изучить особенности контактного поведения немецкого языка, поскольку его грамматика, очевидно, весьма специфично реагирует на особенности языков других групп. Другим перспективным направлением, продемонстрированным в корпусе текстов о Дракуле, было бы изучение других случаев реализации одного и того же текста в различных жанрах и исследовать лингвостилистические особенности этих текстов с точки зрения их прагматики.

Библиография

1. Источники и их издания

1. Рукописи бенедиктинских монахов:

Санкт-Галленский вариант: Virtual Manuscript Library of Switzerland
<http://www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/csg/0806>

Кольмарский вариант: Harmening, D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten (Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1), Würzburg 1983.

Ламбахский вариант: Franz Zimmermann und Wilhelm Wattenbach, Über den walachischen Woiwoden Wlad IV. Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde N.F. 27 (1896), S. 331-343.

2. Поэма Михаэля Бехайма:

Hans Gille, Ingeborg Spriewald, Die Gedichte des Michel Beheim. Deutsche Texte des Mittelalters, Band IX. Akademie-Verlag, Berlin, 1968-1972.

3. «Констанцская хроника»:

Virtual Manuscript Library of Switzerland <http://www.e-codices.unifr.ch/de/list/one/csg/0646>

4. Печатное издание М. Айпера: Die geschicht Dracole waide

Herzogin Anna Amalia Bibliothek, Weimar http://ora-web.swkk.de/digimo_online/digimo.entry?source=digimo.Digitalisat_anzeigen&a_id=2113

5. Печатное издание П.Вагнера: Dracole waida

Bayerische Staatsbibliothek, München
<http://nbnresolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb00025827-8>

6. Печатное издание В.Готана: Vnd deme quaden thyrane Dracole wyda

Факсимильное издание Chronik der Taten des Woiwoden Dracula in einem Wiegendruck. Bibliotheca Nationalis Hungariae, Budapest, 2002.

7. Другие печатные издания:
Gesamtkatalog der Wiegendrucke www.gesamtkatalogderwiegendrucke.de
Harmening, D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten
(Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1), Würzburg 1983.
8. Рукопись Пфальцской рифмованной хроники М. Бехайма:
Beheim, Michael. Pfälzische Reimchronik. Heidelberg, 1471/1474.
Heidelberger historische Bestände – digital Cod. Pal. germ. 335
<http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg335>
9. Pii Secundi Pontificis Max. Commentarii rerum memorabilium:
Bayerische Staatsbibliothek, Münchener Digitalisierungszentrum
<http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10165682-2>
10. Antonii Bonfinii civis asculani Rerum ungaricarum.
(<http://books.google.com>)
11. Kaiserchronik: Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des
Mittelalters. Deutsche Kaiserchronik. Herausgegeben von Edward Schröder.
Hannover 1892.
12. Die kleine Klosterneuburger Chronik:
Bayerische Staatsbibliothek, Digitalisat <http://books.google.com>
13. Johannes Hartlieb, Alexander:
Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 88. <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg88>
14. Gottfried von Straßburg, Tristan:
Herausgegeben von Wolfgang Spiewok, Berlin 1989.

2. Научная литература

1. Аркадьев, П.М., Летучий, А.Б. Транзитивность импликации и естественный язык: парадоксы каузативных конструкций в типологическом освещении. Семинар НПММвЯ, МГУ. – М.: 2009. С. 13.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: 1990. С. 389.
3. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. — Известия АН СССР, 1981, № 4.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – 6-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Ахманова О., Магидова И. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика//Вопросы языкознания, №3, 1978, С. 43-48.
6. Ахманова О.С.. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2. – М.: 1969, С. 344.
7. Бабенко Н. С. К истории немецкого языка как истории жанров текста // 100 лет со дня рождения профессора Н. С. Чемоданова: Материалы юбилейных чтений (22–23 декабря 2003 г.) / Е. Р. Сквайрс (отв. редактор). – М.: 2003.
8. Бабенко Н. С.. Textsortenlinguistik vs лингвистическое жанроведение. В кн.: Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. – М.: 2009, С. 235-244.
9. Бабенко Н.С. Дидактические аспекты жанровой типологизации текстов//Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Калуга, 2000. С. 13-16.
10. Бабенко Н.С. О методической целесообразности классификации текстов по типам в курсах по теории и истории немецкого языка//Теория и история германских языков в современной высшей школе России, Калуга 1998. С. 38-43.
11. Бабенко Н.С., Семенюк Н.Н. Современная немецкая лингвистическая терминология//Формы дифференциации языка и особенности национальных терминологических традиций. – М.: 2002. С. 34-45.
12. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979 С. 237-245, 257.
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: 1963. С. 142.

- 14.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989.
- 15.Гинзбург Л.Я. О лирике. М.; Л., 1964. С.1 7-30
- 16.Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка 16-18 веков. – М.: 1984.
- 17.Дадуева, А. Е. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. Санкт-Петербург, 1994. — № 2. — С. 76-81.
- 18.Демьянков В. З., Прагматические основы интерпретации высказывания, Известия АН СССР, сер. ЛиЯ, 1981, № 4
- 19.Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб.: Изд. С.- Петербургского университета, 1996. С. 374-382.
- 20.Мирошенкова В.И., Федоров Н.А. Учебник латинского языка. – М.: 1997.
- 21.Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. – М.: ОГИ, 2009.
- 22.Москальская О.И.. История немецкого языка. М.: 2003 С.188-189.
- 23.Недялков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л.: Наука, 1971.
- 24.Недялков В.П., Никитина Т. Н. О признаках аналитичности и служебности (на материале каузативных конструкций). — В кн.: В. М. Жирмунский. Аналитические конструкции в языках различных типов. М.: Наука, 1965 С. 170-193.
- 25.Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций. — В кн.: А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969, С. 5-19.
- 26.Пирс, Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория Метафизических Исследований философского факультета СПбГУ, 2000.
- 27.Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М.: 1972. С. 152–153.
- 28.Сапогов В. А. Вид литературный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 64.
- 29.Семенюк Н. Н. К вопросу о соотношении стилистики и лингвистики текста (разграничение аспектов изучения) // Теория и история германских и романских языков в высшей школе России. Калуга, 1998.

- 30.Сквайрс Е.Р. Русь и Ганза: модель языкового контакта. Стр. 460. В: «Славяно-германские исследования», т.2, Изд-во Индрик. – М.: 2000. С. 436-541.
- 31.Сквайрс Е.Р., Тимошко Т.Ю. Немецкие партнеры древнерусских городов: языковой аспект. Сборник материалов: Международная научная конференция «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии». МГУ, 2013. С. 345-347.
- 32.Степанов Ю. С., В поисках прагматики, Известия АН СССР, сер. ЛиЯ, 1981, № 4.
- 33.Тамарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 3.
- 34.Тамарченко Н.Д. Жанр литературный // Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 2. С. 29-32.
- 35.Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. С.259.
- 36.Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1999. С. 207-210.
- 37.Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. С. 282-283.
- 38.Филичева Н.И. История немецкого языка. – М.: 2003. С. 185-192, 272-275.
- 39.Холодович, А.А. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. С. 284.
- 40.Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. – М.: 1978. С. 38-39.
- 41.Чернец Л. В. Литературные жанры. – М.: 1982.
- 42.Чернец Л. В. О функциях литературного жанра // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1979. Т. 38. № 6. С. 549.
- 43.Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974.
- 44.Achnitz, W. Graf Draculas Herkommen aus deutschen Texten der Frühen Neuzeit, in: How To Make A Monster. Konstruktionen des Monströsen, hg. von Sabine Kyora und Uwe Schwagmeier (Film - Medium - Diskurs 37), Würzburg 2011, S. 21-40, S. 37.

- 45.Adamzik, K. (Hrsg.): Textsorten. Reflexionen und Analysen. Stauffenburg, Tübingen 2000, S. 91-112.
- 46.Austin, J.L. How to do things with words. Oxford: Clarendon, 1962.
- 47.Baritiu, G. Manuscript despre cruzimile lui Vlad Dracula: Analele Academiei Romane 5 (1882-1883), Sectiunea 2, 11-14.
- 48.Bartsch, K. Die altdeutschen Handschriften der Universitätsbibliothek in Heidelberg, Heidelberg, 1887.
- 49.Baumann, L.Dracula: Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Hg.K.von Ranke. Band 3. Berlin, New York, 1981. S 834-838.
- 50.Birkhan, H. Mentalitätsgeschichtliche Bemerkungen zum Dracula-Bild bei Michel Beheim. <http://www.ggr.ro/>, 2005.
- 51.Bleyer, J. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV., Woiwoden von der Walachei: Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde. Neue Folge 32, 1 (1903) S. 5-39.
- 52.Bogdan, I. Documentele lui Stefan cel Mare, vol. 2, Bucuresti, 1913.
- 53.Brendel, A., I. Brack-v. Wins; Victoria Schmitz: Textanalysen II. Untersuchung von Texten. 2. Auflage. München: Manz-Verlag, 1977, C. 362.
- 54.Cazacu, M. Le theme de Dracula. Presentation, edition critique, traduction et commentaire. Diss. Paris, 1979.
- 55.Cazacu, M. Vlad Tepes erou de epopee: Magazin istoric 4 (1970), Nr. 6, S. 23-31.
- 56.Colberg K., Meisterlin, Sigismund, in: 2VL 6 (1987), Sp. 356-366 + 2VL 11 (2004), Sp. 988, Bd. 6, Sp. 361 und 365.
- 57.Deutsch, R., Andreescu, S. Dracula oder Vlad Tzepes, Fürst der Walachei. Eine historiographische Untersuchung rumänischer Beiträge: Schweizerische Zeitschrift für Geschichte 30 (1980), S. 59-71.
- 58.Dickens D. B., Miller. Michel Beheim, German Meistergesang, and Dracula. International Conference of the Fantastic in the Arts, 2003.
- 59.Dimter, M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt alltagssprachlicher Textklassifikation. Niemeyer, Tübingen 1981.
- 60.Eigenwald, Rolf. Textanalytik. München 1974. S. 57.

- 61.Eysser. R. Papst Pius II und der Kreuzzug gegen die Türken: Marinescu, Melanges d'Histoire Generale, Bucuresti 1938, S. 1-33.
- 62.Florescu, R. and McNally, R.Th. Dracula. A Biography of Vlad the Impaler. New York, 1973.
- 63.Franknoi, W. Matthias Corvinus, König von Ungarn. Freiburg im Breisgau, 1891.
- 64.Galdi L., Makkai L. Geschichte der Rumänen, Budapest 1942.
- 65.Gille, H. Die historischen und politischen Gedichte Michel Beheims. Berlin 1910.
- 66.Gille, H., Spriewald, I. Die Gedichte des Michel Beheim. In: Deutsche Texte des Mittelalters, Band IX. Akademie-Verlag, Berlin, 1968-1972.
- 67.Grice, H.P. "Meaning", Philosophical Review 66, pp. 377-388.
- 68.Große, E. U.: Texttypen. Linguistik gegenwärtiger Kommunikationsakte. Theorie und Deskription. Kohlhammer, Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz 1974.
- 69.Gündisch, G., Vlad Tepes und die sächsischen Selbstverwaltungsgebiete Siebenbürgens: Revue Romaine d'Histoire 8 (1969) S. 981-992.
- 70.Hägele, G. 'Wirsberger-Prophezeiungen', in: 2VL 11 (2004), Sp. 1672-1681, hier Sp. 1675.
- 71.Harmening, D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten (Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1), Würzburg 1983.
- 72.Harweg, R. Pronomina und Textkonstitution. München 1968.
- 73.Haupt H., Ein zeitgenössischer Bericht über den Reichskrieg gegen Ludwig den Reichen von Baiern im Jahre 1461-62, in: Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst 4 (1885), S. 302-310.
- 74.Heger, H. Spätmittelalter, Humanismus, Reformation. Texte und Zeugnisse. Band 2. München 1978.
- 75.Heinemann, W. Textsorte – Textmuster – Texttyp. In: Klaus Brinker u. a. (Hrsg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. de Gruyter, Berlin u. a. 2000.
- 76.Hürbin, J., Andlau, P. v., Der Verfasser des ersten deutschen Reichsstaatsrechts. Ein Beitrag zur Geschichte des Humanismus am Oberrhein im XV. Jahrhundert, Straßburg 1897, S. 228-230 mit Abdruck von Bl. 5r-6r.

- 77.Janko, E. von, Allgemeine Deutsche Biographie, 1879, S. 202
- 78.Joachimsohn, P. Die humanistische Geschichtschreibung in Deutschland, Heft I: Die Anfänge. Sigismund Meisterlin, Bonn 1895, S. 108f.
- 79.Karadja, C.J. Incunabule povestind despre cruzimile lui Vlad Tepes. Cluj 1931. S.196-106.
- 80.Karnein, A. De Amore deutsch. Der Tractatus des Andreas Capellanus in der Übersetzung Johann Hartliebs (MTU 28), München 1970, S. 50f.
- 81.Kettmann, G. Frühneuhochdeutsche Texte. VEB Leipzig 1985.
- 82.Kleinschmidt, E. 'Colmarer Chronik', in: 2VL 1 (1978), Sp. 1294f. + 2VL 11 (2004), Sp. 335.
- 83.KLUGE. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York 2002, S. 404.
- 84.Kuno, S. Subject, theme and the speaker's empathy. Subject and topic, NY, 1975.
- 85.Leonardus Botta a Gian Galeazzo Maria principi Mediolanensi. (Leonardus Botta al Duca di Milano). Originale: Archivio di Stato, Milano.
- 86.Lorenz, O. Dacher von Dingelstorff, Gebhard. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 4. Duncker & Humblot, Leipzig 1876, S. 688.
- 87.McDonald, W. C. 'Whose Bread I Eat': The Song-Poetry of Michel Beheim. Göppingen: Kämmerle Verlag, 1981.
- 88.McNally, R.T., Florescu, R. In Search of Dracula: The History of Dracula and Vampires, 2nd ed., Houghton Mifflin Company, Boston-New York, 1994.
- 89.Morris C.W. Writings on the general theory of signs, The Hague, 1971.
- 90.Ott, N. H., Bodemann, U. Katalog der deutschsprachigen illustrierten Handschriften des Mittelalters, Bd. 3, München 2000, S. 213-216 (Nr. 26A.9.1) und Abb. 114-116.
- 91.Priebsch, R. Deutsche Handschriften in England, Bd. 2, Erlangen 1901, S. 205f. (Nr. 250).
- 92.Raab, H. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums: Zeitschrift für Slawistik 3 (1958), S.323-335.
- 93.Ruppert, Ph. (Hg.), Die Chroniken der Stadt Konstanz, Konstanz 1891, S. 1-294.

94. Salgo Agnes W.. Chronik der Taten des Woiwoden Dracula in einem Wiegendruck. Biblioteca Nationalis Hungariae, Budapest, 2002, S.1-4.
95. Sandig, B. Zur Differenzierung gebrauchsspezifischer Textsorten im Deutschen. In: Elisabeth Gülich und Wolfgang Raible (Hrsg.): Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. 2. Aufl., Athenaion, Wiesbaden 1975
96. Scarpatetti, B. M. v. Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen, Bd. 1: Abt. IV, Codices 547-669. Hagiographica, Historica, Geographica, 8.-18. Jahrhundert, Wiesbaden 2003, S. 279-281.
97. Scherrer, G. Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen, Halle 1875 (Nachdruck Hildesheim/New York 1975), S. 212.
98. Schlott, A. Michael Beheim. Mein ganzes Reichtum ist mein Lied. Tübingen, 2001.
99. Schmidt, G. Urkundenbuch des Hochstifts Halberstadt und seiner Bischöfe, Band 4. Halberstadt, 1887. S.336.
100. Schmitt, P. Manuscrits de la Bibliothèque de Colmar (Catalogue Général des Manuscrits des Bibliothèques Publiques de France 56), Paris 1969, S. 201-208.
101. Searle, J. Speech Act: An essay in the philosophy of language. Cambridge University Press, 1969.
102. Sieber-Lehmann C., Spätmittelalterlicher Nationalismus. Die Burgunderkriege am Oberrhein und in der Eidgenossenschaft (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 116), Göttingen 1995, S. 355, Anm. 46.
103. Squires, C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, Wien 2009.
104. Stoicescu, N. Vlad Tepes. Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1976.
105. Strawson, P.F. Logico-linguistic papers, London: Methuen, 1971.
106. Strübing, E. Eine unbekannte Ausgabe des Dracole Waida: Beiträge zur Inkunabelkunde. 3.Folge 1 (1965).
107. Studt, B. Neue Zeitungen und politische Propaganda. Die 'Speyerer Chronik' als Spiegel des Nachrichtenwesens im 15. Jahrhundert, in: Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins 143 (1995), S. 145-219.

108. Treptow, K. Vlad III Dracula: The Life and Times of the Historical Dracula. Iasi, Oxford, Portland: The Center for Romanian Studies, 2000.
109. Trésors des Bibliothèques de Colmar et de Sélestat. Exposition Église des Dominicains de Colmar, 2 juillet - 30 août 1998, Ingersheim 1998, S. 47 (Nr. 34).
110. Wagner, E. Geschichte der Siebenbürger Sachsen. Innsbruck 1981.
111. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich 1993.
112. Zimmermann, F., Wattenbach, W. Über den walachischen Woiwoden Wlad IV., in: Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde N.F. 27 (1896), S. 331-343.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Латинские документы о Дракуле

1. Отрывок из «Комментариев» Пия II

Austrialem saevitiam, & crudele descriptimus Alberti facinus, adiicienda est Ioannis Dragulae atrox nequitia & natura immanis; cuius inter Valachos, quibus praefuit, adeo nobilitata sunt scelera, ut nulla queant tragoedia superari. Valachi populi sunt ultra Danubium habitantes inter Euxinum mare, & regiones, quashodie Transilvanas appeilant: in quis septem civitates Theutonici sermonis existunt. Valachi lingua utuntur Italica, verum imperfecta, & admodum corrupta sunt qui legiones Romanas eo missas olim censeant adversus Dacos, qui cas terras incolebant: legionibus Flaccum quendam praefuisse, a quo Flacci primum, deinde Valachi, mutatis litteris sint appellati: quorum posterii (ut ante relatum est) barbariores barbaris evasere. Is nostra aetate Dragula praefuit animo inconstanti & vario, quem anno sexto & quinquagesimo supra mille quadringentos incarnati Verbi Ioannes Huniatus regni Hungariae gubernator, eo quod ad Turcas defecisset, bello victu, captumq. cum altero filio neci tradidit, Ladislao quodam ci suffecto, qui Valachos imperio regeret. Fugit gubernatoris manus alter Dragule filius nomine Ioannes, qui paulo post exercitu comparato, interfecto Ladislao, paternae hereditatis magnam parrem vendicavit, cunctis qui sibi, patriq. fuerant adversi crudeliter necatis: Cybiniensem ingressus provinciam quamplures villas populo plenas succendit. Viros catenatos admodu multos in Valachia tractos palis affixit. Negotiatores publica illectos fide pcr Valachia cum pretiosis mercibus transeuntes, direptis bonis interemit. Ex Vurcia quadringentos pueros tanquam lingua Valachorum erudiendos, ad se iussit afferri, quos in aestuario clausos immisso igne cremavit. Viros sui generis nobiliores, & qui propinquiores sibi fuerunt, cum liberis & uxoribus interfecit. Quosdam ex domesticis suis umbilico tenus terra suffodi iussit, ac sagittis transfodi: nonnullis cutem ademit: Daym quendam filium alterius Daym Vaivodae in bello cepit, viventiq. ac videnti sepulchrum erexit, iussitq. sacerdotes exequias decantare, quibus finitis captivo caput amputavit. Legatos Siculorum, & Transilvanorum quinquaginta tres ad se missos in vincula coniecit, & ingressus eorum terras, nihil hostile timentes, ferro & igne cuncta vastavit. Caeilinum suarum copiarum ducem, eo quod immanitati suae non satisfaceret, palo transfixit.

Viros ex Vurcia sexcentos in alteram provinciam transeuntes, cum in manus eius pervenissent, ad palos peremit. Zeganum quendam quoniam furem dcprehensum recusasset manu sua suspendere in magno lebetes decoxit, epulandumque suis ciuibus tradidit. Pueros quoque lactantes e sinu matrum abstulit, & illis videntibus ad saxum allisit. Transilvanam ingressus provinciam cunctos Valachos illic habitantes quasi amicos ad se vocavit, & in unum congregatos immissis militibus interfecit, & villas eorum exussit. Supra triginta hominum millia his artibus interfecisse proditur. Anno millesimo quadringentesimo sexagesimo secundo Turcarum Imperator, cuius ditioni subesset censum petiit: ipse iturum sc Andrinopolim dixit, censumque allaturum: petiit ergo litteras ad locorum praefectos, quibus tuto ire posset, concessae sunt. Transmisso Danubio, qui glacie coactus erat, cum exercitu occurrentes Turcarum praefectos

interfecit, & late crassatus in populos, supra viginti quinque millia utriusque sexus hominum trucidavit, inter quas & virgines venustissimae perierunt, quamvis a Valachis peterentur uxores: captivorum magnum numerum in Valachiam duxit, quorum aliis periculum ademit, alios igni assavit affixos veribus; alios in oleo ferventi decoxit; reliquos palis affixit: ita ut silva palorum quaedam in campo appareret, in quo hec sunt gesta. Cum animadvertisset virum aliquem in agro laborantem, cuius camisia brevior vix pudibunda tegeret, perconatus est, an uxor ei esset, ubi didicit uxoratum, iussit accersiri feminam; venientemque interrogavit quodnam eius esset artificium? respondenti nescire & suere: cur ergo subintulit viro tuo camisiam quae verenda tegeret non perfecisti? iussitque mox feminam ad palum rapi; viroque aliam dedit uxorem. Cum tot flagitia perpetrasset, a Matthias rege Hungariae, tandem captus est ea hieme, qua Pius Pontifex ex Tuderto Romam rediit; capturae causam prebuere litterae suae, quae in hunc modum ad Imperatorem Turcarum cum scriptae mitterentur, interceptae sunt. Imperatorum Imperatori, & dominorum domino, qui sub Sole sunt magno Admurato, & magno Soldano Maumethi, in omnibus fortunato; Ioannes Vaivoda, & dominus Valachiae humilem subiectionem. Servus ego magni imperii tui certiore te facio me hodie ad terram meam proficisci cum exercitu, & confido in Deo obtenturum me illam, nisi tuo praepediatur imperio, Ideo magnitudinem tuam supplex oro, ne meum errorem, & peccatum magnum meum inspicias, quoniam imprudenter in te peccavi, & malum feci in terra tua; sed misercatur mei tua clementia, atque indulgeat, ut legatos ad se mittere possim. Mihi nota est omnis Transilvana regio, & omnis Hungaria, & conditiones locorum, rerumque calleo. Si placuerit imperii tui magnitudini, possum pro redemptione delicti mei totam regionem Transilvanam tuis manibus tradere, cuius possessionem adeptus, poteris omnem Hungariam tuae potestati subiicere. Legati mei plura ad te deferent. Ego quoad vixero tuus ero inconcussae fidei servus. Deus magni imperii tui multos faciat annos. Scriptum in Rhodel septimo idus Novembris millesimo quadringentesimo sexagesimo secundo. Fuerunt & aliae binae litterae eiusdem fere sententiae, una ad Basam, altera ad Thoenonae dominum, ut pro se intercederent apud magnum Imperatorem. Eae de lingua Bulgarica in latinum conversae ad Pontificem missae fuere. Valachus adhuc in carcere delitescit, magno & honesto vir corpore, & cuius species imperio digna videatur, adeo sepe differt hominis ab animo facies.

2. Орывок из «Деяний венгров» Антонио Бонфини

Decadis III, Liber X.

Rex in Transalpinos ad liberandum Draculum e Turcarum manibus contendere dicebatur: cuimulierem, suam quoque consanguineam, legitimo matrimonio conjugarat. Illac profectus, nescio qua causa, quando id nemini fatis compertum est, Draculam in Transylvania cepit: alterum vero Draculam, a Turca in provincial praefectum, praeter omnium opinionem approbavit: hunc Budam captivum duxit, decennialique carcere mulctavit.

Inauditae crudelitatis & justitiae, Draculam fuisse memorant: hunc ajunt, Turcarum Legatis, in praevenatione, pilea Phrygia ex patriae instituto deponere recusantibus, confirmandi moris gratia, tres capiti clavos affixisse, ne amplius amoveri possent.

Innumeros palis Turcas praefixisse, & inter eos cum amicis laute discubuisse.

Mendicos insuper omnes deperditae ignaviae, miserabilisque valetudinis & fortunae, lautissimo convivio excepisse, deinde cibo vinoque completos, injecto igni abfumpsisse.

Item Turcis saepe captivis cute pedes exuisse, contusoque sale prae-fricuisse, mox lingentes salsis plantas capras adhibuisse, quae linguae asperitate cruciatum augerent.

Mercatorem Florentinum de asservandis pecuniis follicite percunctantem, in media deponere via jussisse, & nil de numerate nocte pecunia mentientem, incolumem dimisisse.

In Barbara regione tanta severitate usum, ut in media quisque sylva cum rebus tutissimus esse posset.

Hunc deinde Mathias in pristinam dignitatem sane restituit: sed in Turcico demum bello caesus, caput ad Mahumetem dono missum.

Приложение II. Каталог эпизодов в немецких текстах о Дракуле

1. О том, как прежний наместник велел убить старого Дракулу;
2. О том, как Дракула убил воеводу Ласло;
3. Разорение поселения Клостерхольц;
4. Разорение поселения Бекендорф;
5. Дракула установил день перемирия, но и нарушил его;
6. О сожжении юношей, приехавших изучать валашский язык;
7. О том, как был уничтожен целый род;
8. О казнях и том, как варили людей в котлах;
9. О казни молодого Дана;
10. О послах из Венгрии, которых Дракула заставил ждать приёма 5 недель;
11. О походе в Бурценланд;
12. О том, как Дракула завтракал среди посаженных на кол;
13. О разграблении церкви;
14. О послах из Сибиу (Германштадта);
15. Разорение поселения Фэгэраш;
16. О том, как Дракула спрятал сокровища;
17. О том, как ловили раков на отрубленную голову;
18. О нерадивой жене крестьянина;
19. О разорении Химилаша;
20. О разорении Шильтау;
21. О налогах;
22. О казни монахов и их осла;
23. О цыганах, наряженных в коровьи шкуры, чтобы пугать турок;
24. О том, как Дракула велел изжарить детей;
25. О том, как Дракула велел прибить послам шапки к головам;
26. О разорении поселения Цайдинг;
27. О разорении Тунау;
28. О том, как Дракула велел продевать шнур через нос жертвам и таскать их за него;
29. О том, как варили людей в котле;
30. О разорении Кольматца;
31. О том, как убивали грудных детей;
32. О том, как людей опускали головой в котёл;
33. О том, как людей насаживали на кол боком;
34. О цыгане-воре;
35. О достопочтенном человеке, которого убил Дракула;
36. О священнике, проповедовавшем, что грехи не отпускаются;
37. О том, как Дракула спрашивал придворных, сколько государей они помнят;
38. О любовнице Дракулы;

39. О том, как людей шлифовали на шлифовальном камне;
40. О том, как людей закапывали по пояс;
41. О бедняках, которых Дракула велел сжечь;
42. О взятии Дракулы в плен;
43. О сговоре Дракулы с турецким султаном;
44. О юноше, которому понравился хорошо обструганный кол;
45. О после, сказавшем Дракуле правду о его жестокости;
46. О посольстве от турецкого султана;
47. О том, как Дракула посадил на кол всё турецкое посольство;
48. О том, что Дракула в 15-й раз разорил свои земли и убил людей без числа;
49. О том, что, помимо упомянутых убитых, Дракула казнил ещё 92 268 человек;
50. О том, как Дракула в плену крестился и принёс покаяние, получил свободу от венгерского короля и после того сделал немало добрых дел.

Эпизоды, добавленные в печатных книгах после 1499 г.

51. О том, как Дракула спрятал свои сокровища;
52. О ярмарке;
53. О купцах на рынке.

Приложение III. Текст Санкт-Галленского варианта рукописей бенедиктинских монахов

Item der alt gubernator der hat den alten Dracol lassen töden. Und der Dracol und sin brüder, die habend abtreten von irem glouben und verhaissen und gesworen den christen glouben zu beschirmen und halten.

Item der selben jaur ist er gesetzt und herr worden in der Walachey. ze hand hat er lassen töden den Laßlaw Wabada, der da selb herr ist gwesen.

Item zu hand darnach hat er dorffer und schlösser in Sibenburgen by der Hermonstatt lassen verbrenne(n). Und schösser in Sibenburgen da selbst und dorfer mit namen Kloster Holtznüwdorff und Haltznetia ze äschen ganz verbrennen.

Item Berkendorff in Wurzenland hat er lassen verbrenne(n) man und frawen, kinder, groß und klain. die er daselbs nit verbrant die hat er mit im geführt. Und ingeschmidet mit kettinen in der Walachey und hatt sy all lassen spissen.

Item koufflütt und furlut von Wurtzenland der Dracol hett in gesetzt ain frydstag und in dem frydstag ließ er sy all spissen.

Item iung knaben und ander die in die Walachey geschickt wurdent die warend von vil landen, das sy soltend lernen die sprach ouch ander ding, die ließ er selbst zusammen bringen und im beantworten. Die ließ er all in ain stuben zu samem tun und ließ sy verbrennen der warend in der zal 4 hundert.

Item er hatt lassen ußrutten ain groß geschlecht vom minßten biß ain maisten, kinder, frund, brüder schwestern und hat sy all lassen spissen.

Item er hat ouch sin lutt nackend in lassen graben biß an den nabel. Darnach hat er lassen zu in schiessen, er hat ouch etlich laussen bratten, etlich schinden.

Item er hat den jungen Darin gefangen, darnach hat er in lassen begen durch sin priesterschaft und so er eß alles volbracht hatt, do hat er den lassen machen ain grab nach gewonhait der Christen und hat sin lassen abschlachen sin houbt by dem grab.

Item botten sind gesand worden zu dem Dracol von dem kung von Hungern und von Sachssen und in Sibenburg in der zal funfundfunßzig in die Walachey. Do hieß der Dracol harre(n) fachen uff funf wochen. Und ließ spis machen fur ir herberg. Und die gedachtend alweg man wurd sy spyssen. Ey wie in gross sorgen sind sy gewesen. Darumb daß er durch sy nit verratten wurd darumb behielt er sy so lang. Und hüb sich uf mit aller siner macht und zoch in Wurtzenland. Aineß morgeß frü kam er in die dorfer, schlös und stett. Alle, die er ubermocht, die verstaint er. Ouch alle frucht und traidt ließ er alleß verbrennen. Und alle die er daselbst hat gefangen, die hat er

lassen füren ußerhalb der statt genant Kranstatt, by der Capellen, die da haist s. Jacob. Und der Dracol daselbs hatt geruwet. Und hatt di die gantzen vorstatt lassen verbrennen. Ouch als der tag komen des morgens frü was er begreif, frow und man, kinder iung und alt, hat er an dem morgen an den berg by der Capellen all lassen spissen umb und umb den berg und er ist mit umbe gesetzen zu tisch und sin frund da selbs gehabt.

Item s. Bartholomeuskirch hat er lassen verbrennen daselbs ouch alle die ornat und kelchen geroubt und genomen. Item er hat geschickt ainen siner houbtmann in ain groß dorff mit namen Zeyding zu verbrennen aber der selb houbtman mocht das selb nit verbrennen von widerstand der dorfflütt. Do kam er zu sinem herren und sprach Herr ich hab es nit mögen volbringen das du mich hast lassen tun. Do nam er in und ließ in spissen.

Item koufflut und ander lutt mit irer gantzen kouffmanschaft von Wurtzenland gegen der Thunow, gegen Bregal, in zal 600 unt allen irem gütt hatt er sy all laussen spissen und das gütt zu im genomen.

Item er hat lassen machen ain grossen kessel als mit zwai handhebinen und daruber ain pünin mit brettern und da durch hat er lassen locher machen, das ain mensch mit dem haupt dardurch komen mag. Dar nach hatt er ain gross für darunder gemacht und wasser in den kessel gegossen und hat sy lassen sieden. Er hat vil menschen frowen und man lassen spissen iung und alt.

Ouch ist er widerumb komen in Sibenburg gen Talmotz daselbst hat er die menschen lassen hacken als das krütt. Und die er mit im gefangen gefurt hatt in die Walachey die hat er grusamlich und mangerlay spissen lassen.

Item erschrockenlichen und furchtzamlich und unußsprechelich pin hat er erdacht, das er hatt lassen spissen müter und kind sugende und innerhalb aineß iaur oder 2 oder mer hatt er lassen spissen. Eß haben ouch kindlin den mütteren an ir brust grissen ouch die mütter die kindle. Er hat och den müttere die brust von enanderen geschnitern und die kinder mit dem hobt dardurch geschoben. Und darnach gespisset und vil ander pin. Solche große pin und schmerzen aller die wütrich und durechter der christenhait nie erdaucht habend. Als von Herodes, Nerone und Diocletiano und allen ander hayden tatten solch marter nie erdacht habend als diser wütterich.

Item menschen hat er lassen spissen die Sittlingen allerlay durch ainander, iung und alt frowen und man. Ouch so sy sich habent mögen regen mit füssen und hand und habent gezabelt durchainander als die frösch. Und sprach offft nach siner sprach Ey, wie große gradigkait tribent sy. Und das sind gewesen Haiden, Juden, Christen, Ketzer und Walchen.

Item er hat ain zeginer, der hat gestolen. Do kament die andern zeginer und battent den Dracol er solt in den geben. Der Dracol sprach er sol hangen und ir müsst in selbs henken. Do sprachen es wer nit ir gewonhait. Der Dracol ließ den zeginer siedend in ainen kessel und do er gesotten ward, do müsten si in essen mit flaisch und bain.

Item es ward im geschickt ain erbiger man der kam zu im by den luten, die er also hatt lassen spissen. Do gieng er unter in umb und schowet die und der warend als vil, als ain grosser wald. Und er sprach zu im warumb er under dem geschtant umbgieng. Der Dracol sprach ob es in anstunk. Do sprach er ia. Do ließ er in ouch zu hand spissen und sezt in uff in die höhin das es in nit anstunk.

Item ain pfaff hat geprediget wie die su(n)d nit vergeben mocht werden, man geb den des unvercht gütt wider. Nun hat er den selben pfaffen zü huß geladen und zü im an den tisch gesetzt. Nun der herr brocket im in sin essen semlen brott. cer pfaff begräif under siner broken ainen mit siner lüffel. Do sprach der her, wie er geprediget hatt, die sund... Der priester sprach herr es ist wahr. Er sprach warum nemest dan mir min brott das ich hab ingebrocket und ließ in zü hand spissen.

Item er ließ all sin landherren und edel lut in sinem land ze huß gebetten. Und als das mall nun vollbracht ward, do hat er aingehept an dem eltosten heren und hatt in gefragt, wie vil er waida oder herren gedenck, die das selb land ingehapt habent. Der hat im also geantwurt als vill er ir gedacht hatt, des glichen och die anderen heren jung und altt, und jeden sundern gefragt wie vill sy solicher herren gedächtind. ainer hat geantwurt fünfzig, der ander drißig, ainer zwaintzig, etlicher zwölf doch ist ir kainer so jung gewesen er hatt ir by syben gedacht. Also hatt er die selben heren alle lassen spissenn. Der warent in zall funff hundert heren.

Item er hatt ain schlaffwipp die gab sich uß sy wer schwanger, do ließ er sy beschowen durch ain andre frowen, die kund nit verston, das sy schwanger war. Do nam er die selben sin schlaff frowen und schnaid sy von unden uff biß an die brust. Und sprach er wolt besehen wo er gewesen war oder wo sin frucht lag.

Er hatt och etlich lasen schliffen uff schliffstain und vill ander unmenschliche ding, die man von im saget.

Do man zalt 1460 jar an Sant Bartolomeustag

Item zu Sant Bartolomeus tag des morgens ist der dracoll komen ubern wald mit sinen dienern und hatt haimgesucht alle walchen baiderlay geschlecht als man sagt, ußerhalb des dorfs Himilasch. Und so vill er ir hatt zu samen mögen pringen ainen hussen legen Und sy zerhaken als das krut mit schwertern sabeln und messern. och irem Capplon und die andren, die er des selben mals nit töttet die hat er mit im haim geführt und hat sy lassen spißen. Und das dorff hat er ganz lassen abbrennen mit dem gutt und als man sagt in zall mer den drissig tussent menschen.

Anno Domini 1462

Item der Dracol ist komen in die grossen statt Schylta, do hatt er lassen töten mer den fünff und zwaintzig tusent menschen aller lay volker cristen, haiden etc.

Dar under sind gewessen die aller schönsten frowen und junkfrowen, die behalten sind worden durch sin hofflut. Die habent begert an den dracoll er soll in die geben zu elichen frowen. Der dracoll das nit thun wollen und hatt gebotten, die all sampt den hoffluten zer hacken als das krut. Und das hat er darumb gethan, er ist zinß haftig gewessen dem türkischen kaiser, der den zinß an in ervordert hett. Zuhand ließ der Dracol allem sinem volk verkünden, er wölt dem kayser den zinß persönlich raichen. Do fröt sich das volk. Also hieß er sin volk huffenwyß nachainander ziehen und alle hoptlüt rittent im entgegen und also ließ er dieselben töten und ließ och dieselbe gegne alle verbrennen, die do haist pallgarey. Och etlich ließ er annaglen mit dem har, der wurdent in zall fünf und zwainzig tusend, on die daß fur verprannt hattent.

Item potten von der Herman statt habent gesehen totter und gespißeter in der walachy als ain großer wald, uss genomen die er hatt lassen braten, sieden und schindenn.

Item ain ganz gegne die da haist Fugrasch hatt er außgerutt und sy geführt in die Walachy mit frowen, man, kinden hat er sy lassen spißen. Er hatt etlicher siner lut, die sinen schatz habent helfen verbergen, die hatt er all selbs köpft.

Item er hat siner lant herren etlich lassen kopffen und hatt die köpf genomen und hatt damit lassen krepß vahn. Darnach hatt er der selben fründ zu huß geladenn und hatt inen die selben krepß ze essen geben und sprach zu in, ir est jetzend ewer fründ höpter. darnach hatt er sy lassenn spißenn.

Item er hatt ainen sehen arbeiten in ainem kurzen pfad und sprach zu im, hast ain hußfrowen? er sprach ja. Er sprach bring mir sy zu mir. Do sprach er zu ir was thustu? Sy sprach, ich wasch, bach, spinn. Zu hand ließ er sy spißen, darumb das sy irem man nit hatt lasen machen ain lange pfad, das man im der bruch nit sech. zu hand gab er im ain ander wib und gebott ir, si sölt dem man ain lange pfad machen oder er wolt sy och lassenn spißenn.

Item er hatt lasen spissen ain esel und ain munch barfüßerorden oben dar uff der waß im begegnet.

Item es kament in sin land by drien hundert ziginer, da nam er uß die besten dry uß in und ließ sy braten. die mustent die ander ziginer essen und sprach zu in: also muß ainer den andern essen, biß das üwer kainer mer ist, oder zieht hin an die türken und strit mit inen. Sy woltent alle gern davin ziehen, wo er hin wolt. Do tett er ainß und klaidet sy all in kü hutt der gelichen och ire roß. Do sy nun zu ain andren kament, do

schuchtend der türken roß von wegen das sy die roß nit gehabt mochten, und schlugent an ain wasser und die ziginer nach also das sy all ertrunkenn.

Item er hatt och all arm lutt, die in sinem land warend, zu huß geladen. Darnach do sy nun geassent do ließ er sy all verbrennen in ainem stadel in zal zwaihundert.

Item er ließ die jungen kinder braten die müstent die müteren essenn. Und schnaid den frowen die brüst ab die müstent dieman essen darnach ließ er die man spißen.

Item es wurdent zu im geschickt etlich walchen. Do si zu im kamen, do naigtend sy sich und thätent ir hütt ab und darunder hatent sy brume und rotte baret oder hubel, die thetend sy nit ab. Do fraget er si, warumb si die selben hubel oder baret nit abthetent. Sy sprachent, herr, es ist unser gewonhait, wir thünd sy gegen dem kaiser nit ab. Er sprach, nun will ich uwer gewonhait bestetigenn. Sy danktend siner genaden. Er ieß nun nemen gutt, starck ysny nagel und ließ in die hublin umb und umb an naglen an das hopt, das sy in nit abvielent. Also bestetiget er in ir gewonhait.

Приложение IV.

Отрывок из текста поэмы Михаэля Бехайма „Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei“.

Den aller grosten wutrich und
tirannen den ich ye erkund
auff aller diser erden
Under des weiten himels ring,
5 seit her das dy welt ane ving
mocht nie kain pöser werden,
Von dem so wil ich tichten.
er was Trakel waida genant
und Walachei, das selbig lant
10 stund under seinen pflichten.

...Des jars da man schraib und perurt
von Kristi unsers hern gepurt
der jar vir zehen hundert
Und funffczig und ach sechs dar nach,
85 da wart der selbig Trakal ach
erwelt und auss gesundert
Zu waida und. ach herren
des ganczen landes Walachei
darumb, dar innen und da bei
40 paide nahen und verren.

Und da pegieng er in dem land
all upikait, laster und schand
dy yemen mag erdenken.

Des aller ersten liess er da
45 taten den waida hern Lassla
mit seinen posen klenken.
Der selb Lasla auch waida
und herr was in der Walachei.
der Trakol kam im mortlich pei
50 mit laster, schand und laida,
Nach disem liess er pald zu hant
Ain gegend und ain ganczes lant
gar zu aschen verbrennen,
Das wart zerstartet und verhergt.
55 das waren dorffer und auch mergt,
der ich ain tail wil nennen.
Closterholcz hiess das aine,
daz ander Newdorff was genant,
das drit Halczmaina. wer dy kant,
60 der labt sy all gemaine.
Und Pekendorff in Wurczenlant
hat er dar nach genczlich verprant
mit mannen und auch weiben
Und allen kinden grass und klein.
65 waz ir dar ynn gewesen sein,
der liess er kains peleiben.

Waz ir da nit verpranne,
liess er an ketin schmiden an
und furt sy all mit im von dan,
70 kinder, frawen und manne.

Приложение V. Отрывок из «Констанцской хроники».

Des jars do man zalt von der geburt Christi 1456 jare do tet Dracole, der wüttrich vil boshafter, mortlicher und onmenschlicher sachen, me dan man vor von enkainem wüttrich ye gehört noch geschriben hat. Item der alt gubernator hat den alten Dracol lassen töten und Dracol und sin bruder, die haben abgetreten von irem globen und gesworen christangloben zu beschirmen und ze halten. <...>

Item er hat ainen edelknaben, ainen Römer, by im gehabt, der ist an den spissen umgangen, daran man die lut gespissen hat, und unter denselbigen hat im ainer wol gevallen. Do hat er gesprochen: „wol ain ebner spiß das ist.“ Das hat der Dracol, sin herre, gehört und hat in gefraget, ob er im wol gevalle, do hat der knab uß unbedachtem mut gesprochen: „ja,“ do hat er in von stund an laussen spissen.

Item ain her hett dem Dracol ain meng bottschaft geton und gedacht, wie das käme, das mir kain bottschaft widerkomt und ich so oft bottschaft zu im geschickt hon. Nun schickt er aber ain bottschaft in maß, als vor und het derselben bottschaft empfohlen, müntlich mit im ze redend und in ze fragend, wie er im so mänig bottschaft geton hab und im kaine widerkomen sy; ob sy by im gewesen sigen oder nit. Als der bott das mit dem Dracol geredt hat, do hat er im daruff nit antwort gegeben und hat den boten gefraget in maß, als die andern botten, was man in andren landen von im sag. Do hat der bott geantwurt und im die warhait gesagt, wie man sag, das er der gröst mörder, der gröst böswicht und der gröst durchächter der cristenhait sige. Do hat der Dracol zu dem botten gesprochen: „Du hast mir recht gesagt, waist du aber kainen größern bösewicht dan mich?“ Da hat der bott geantwurt: „her, weste ich ain größer mörder und böswicht, dan ir sind, ich hett es üch och gesagt.“ Also hatt er dem botten geschenkt me dan tusend guldin wert an pfäriden, an schauben und an gold und sprach zu im: „hettest du mir die warhait nit gesagt, so hett ich dir och geton, als den vorigen botten.“ Also hett der sinem herre recht bottschaft haimgebraucht darumb, das er dem Dracol die warhait gesagt hat.

Item der türkesch kayser hat ain bottschaft zu dem Dracol geschickt, sinen räten zu im umb gelait ze gebend. Der Dracol hat im das gern geben. Nun hett der türkesch kayser ain mächtige bottschaft als uff fünfhundert pfärit geschickt. Die habent dem türkenschen kayser den zinß von der Walachye an den Dracol ervordert. Dieselben bottschaft hat der Dracol schön empfangen und sölichen zinß ze raichend als sinem gnädigen herren. Und hat die rät genomen und inen solchen schatz gezögt, in ze raichend, und daruff geantwurt, er wölle in sölichen schatz, so sy allda senhen, geben und dan dem türkenschen kayser sinem gn. herren den bringen, und füro mit den räten des türkenschen kayzers geredt, er möge dem kayser sinem gnädigen herren by als wenig volk sölichen großen schatz nit schicken, dan er sines volks nicht ganz

gewaltig sy, und wurdent sy das innen, das er sölichen zinß dem kayser geben wölt, sy gestattotent das nit und wurde mit sambt des kayzers räten erschlagen. Und das sy irem gnädigen herren haim hettent geschriben, als umb mer volks, als uff zehentusend, da wolt er dan den schatz und den antreffenden zinß gern geben und senden. Do habent die rät dem türkenschen kayser geschrieben, das er sölich volk heruß schick. Das hot er geton und ain groß anzal volks herußgeschickt. Do sy nun in die Walachy komen sind an ain wasser, do sy nur halb überkomen sigen oder mer, do hat sich der Dracol vor gesammot gehabt mit sigen volk und hat die all erslachen laussen, die über das wasser komen siegen, und die andern ennethalb des Wassers hat er och laussen erslachen, das kainer davon komen ist.

Item als nun das beschenhen ist, do hat er des türkenschen kayzers rät mit iren dienern und knecht an zal fünfhundert all laussen spißen biß an einen unter inen siner rät, der ain abtrünniger crist gewesen ist, dem hat er die nasen, oren und hend abgehacket und hat daby dem türkenschen kayser von den dry schätzen, so er den räten vorgezögt hat und versprochen zu sendend, dry guldin geschickt und by den botten zu erkennen, das er sin gnädiger herre und er im zinßbar sye, das er biß zu jar aber darnach schick, so wöllet er im solich zinß aber in solicher maß raichen.

Item ze fünfzehennmalen hat er land und lüt umbraucht, die on zal sigen, die man nit erdenken noch erzelen kann.

Item was namhafftig geschriben ist, die er umbraucht heit, one die, die hie vor nit geschriben sind, der ist an zal zway und nünzig tusend zwaihundert und acht und sechzig menschen, die man in den büchlin in der zal hat, one die, deren noch vil nit geschriben sind.

[1^{re}] Nach Christi geburt .M. CCC.lvi. iar Hat der Dracole vil erschrockenliche wunderliche dinck gethan.

Item der alt gubernator hat den alten dracol lasen döten. Vnd
5 der dracole vnd sein brüder haben abgetreten von yrem glauben vnd haben verhaissen und geschworen den cristlichen glauben zu beschirmen.

Item deß selben iares ist er gesetzt worden tzu einem herren in der walachey. tzu hant lies er töten den laßla wayda der da selbs herre
10 ist gewesen. Pald darnach hat er in siebenbürgen auch in wurtzlande mit namen beckendorff lasen verbrennen. auch frawen vnd man iung vnd alt. etlich hat er mit im heym gefüret in dy walachei an eyseren keten vnd da all gespist

Item er hat all iung knaben die in sein land geschickt sein worden von lernung wegen der sprach die hieß er in ein stuben sperren
15 vnd ließ sy verprennen der sein .cccc. gewesen

Item er hat ein fride gesetzt. in dem selben hat er vil kaufleüt vnd furleüt auß wurtzland lassen spissen.

Er hat auch ein gross geschlecht auß reüten lasen vnd spissen von dem minsten piß zu dem maisten iung vnd alt.
20

Er hat sein volck etlich nacket lasen ein graben piß zu dem nabel vnd hat zu in lasen schießen Er hat auch etlich lasen praten vnd schinden

Item er hat den iungen dann gefangen vnd hat im ein grab lasen machen vnd lasen besingen nach cristenlicher ordenung. vnd hat im das haubt ab geschlagen pey dem grab. [2^r]
25

Item poten sein geschickt worden von dem künigreich tzu hungern vnd sachssen vnd Sibenbürgen in der tzal .lv. in die walachei Die ließ der tracole fünff wochen harren vnd ließ spiss für die

herbrig stecken. also sein die in großen sorgen gewesen. Das hat er 30
dar vmb getan er forcht verreterey. Dy weil zog er in wurtzland
vnd zerstrewet das getraid vnd all frucht lies er verbrennen. vnd das
volck ließ er gefangen führen auserhalb der cronstat also genant do
hat der dracole geruet pey sant iacobs capelen Er hat forstat lasen
verprennen Auch als der tag deß morges frwe kam. do ließ er fraw- 35
en vnd man iung vnd alt pey der capellen vmb den perck lassen spis-
sen vnd hat sich mitten vnter sie gesetzt. vnd das morgen mal mit
freuden geessen.

Item er hat auch sant Bartholomes kirchen lasen verprenen vnd
all ornat vnd kelch von dann genummen. 40

Mer hat er seiner haubtman einen in ein groß dorff geschickt mit
namen zeinding zu verbrennen. aber der selb haubtman mocht das
dorff nit verbrennen von widerstant wegen der dorfleut. vnd kam
wider haim zu dem dracole. vnd sprach ich hab nit mügen verprin-
gen das du mich geheissen hast von stund an ließ er den haubtman 45
spissen.

Item kaufleut vnd ander volck mit irer kauffmanschatzs komen
von wurtzland gegen der tunaw gen pregel in tzal .cccccc. die hat
der dracole all lasen spissen. vnd ir gut lasen nemen.

Item er hat lasen machen ein grosen kessel vnd darüber bretter 50
mit löcheren gemacht vnd hat die leut mit den haubteren dadurch
lassen schieben vnd also versperren lasen. vnd hat den kessel mit
wasser lasen füllen vnd hat gross feuer vnter den kessel lasen ma-
chen Vnd das volck also iemerlich lasen schreien piß sy gar versoten
sein. 55

Erschröckenliche forchtsame vnausprechenliche pein hat er er-
dacht das er hat lasen muter vnd kind an den brüsten [2^v] seügent
mit ein ander spissen das die kind den müteren an den prüsten geza-
belt haben piß in den tod. deß gleichen die müter hat er die prüst
auf geschnitten vnd die kind mit den haubteren dardurch geschoben 60
vnd paide also gespist.

Item menschen hat er seitling lasen spissen allerlai volck cristen
iuden. haiden das sy sich lang haben mügen rüren vnnd zabelen vnd
gewemert durch einander als die frosch. darnach hat er in hend
vnd fuß auch lasen an spissen Vnd er hat oft in seiner sprach gereth 65
Ey wie groß geradigkeit treiben sy also hat er sein freud gehabt.

Item er het einen zigewner gefangen der het gestolen. do kamen die andern zigeuner vnd paten den dracole er solt in ergeben. Do sprach er Er müst hangen vnd ir müst in selber hencken. Sie sprachen es wer nicht ir gewonheit. da ließ der dracole den zigeuner in
70 einem kessel sieden. do musten in die anderen zigewner essen mit flaisch vnd gepain.

Es ward auch zu im geschickt ein erbriger man der kam tzu im pey den leuten die er also het lasen spissen. do ging der dracole vnter
75 in vmb vnd schawet sy der waren als ein grosser walt Do sprach der geschickt man zu dem dracole warvmb er also vnter dem gestanck vmb ging. der dracole sprach ob es in an stünck Er sprach ia. do lies er in von stund an auff in die hoch spissen das in die anderen nit an stüncken.

80 Item ein pfaff het gepredigt wie die sund nit vergeben würden Neuer man geb vnrecht gut wider da lued der dracol den zu hauß vnd setzet den an sein tisch. der dracol procket ein weiß prot das er selber essen wolt. der pfaff begreif vnter stunden der procken einen vnd aß in. Der dracole sprach wie hastu hewt gepredigt das die sund
85 nit vergeben wirt man geb dann das vnrecht gut wider der prister sprach ia. der dracole sprach warvmb isset du mir mein brot das ich mir hab ein prockt von stund an spisset er den briester.

Item mer der dracole kom in sibenpürgen gen Kalmotz da [3'] selbst hat er dy menschen lasen hacken als das kraut die vberigen
90 hat er heim geführt vnd gespist.

Er hat all sein lantherren vnd edel leut in seinem land zu tisch geladen da das mal volbracht ward da hub er an an dem elstesten vnd fragt wie vil er waida die in dem land herren sein gewesen gedeht Also fragt er einen nach dem anderen Sie sagten all als vil ietlicher west ainer sagt .i. einer .xxx. Also was kainer vnter in er sagt
95 von siben da ließ er die herren all spissen der waren in zal .cccc.

Item er hat leut auff schliff steinen zu tod lassen schleiffen. vnd vil vnmenschlicher dingk gethan dy man von im sagt.

Item er hat ein schlaffweib gehabt die gab sich auß sy wer schwanger do ließ der dracole die frawen beschauen mit den hebammen dy sagten sy wer nit schwanger. Do schneid er das selb schlaffweib von vnten auff piß zu den brüsten Vnd er sprach er wolt besehen wo sein frucht wer. oder wo er gewesen wer.
100

Poten sein geschickt worden auß der Hermanstat in dy walachey
di haben gesagt da haim solchen iamer das sy totter vnd gespister als
ein grossen walt gesehen haben. 105

Anno domini .M.CCC.Lxij. iar ist der dracole kummen in die
großen schiltaw do hat der Dracole lasen toten meer dann xxv. tau-
sent menschen allerley volck Cristen iuden. auch haiden Vnter den
sein dy aller schonsten frawen vnd iunck frawen gewesen dy durch 110
sein hofgesind behalten sein worden Vnd paten den dracole das er
inß zu elichen weibern geb Do ließ der dracole dy man mit sampt
den frawen vnd iunckfrawen tzerhacken lasen mit saibeln vnd
schwerteren als das kraut. das hat er darvmb gethan das land ist dem
dürcken zinßhaft gewest vnd der dürck hat den zinß oft an in er- 115
fordert. Also sagt er dem poten er wolt in selber reichen Er zog in
das land do rait man im entgegen deß zinß halben meinede dem
kayser aldo ze bringen Also kam ein hauff nach dem andern. Do der
Dracole [3^v] sach das sein zeit was do schlug er die all zu tod die im
entgegen waren geriten. wann sy sich deß nit versehen heten. vnd 120
der dracole verprent die gantzen wulgarey. vnd ließ alle die men-
schen die er gefahen mocht ließ der dracole all spissen der waren in
zal xxv tausent an die anderen die in dem feuer verdürben

Er sach einen man arbeiten in einem kurtzen hemd. do fraget er
in ob er ein weib het. er sprach ia. Der dracole hieß sy für in prin- 125
gen vnd fragt sy was sy arbeitet. sy sprach ich wasch pach vnd
spinn. tzu hant lies er sy spissen. darfumb das sy irem mann kein
langs hemd gemacht het. vnd gab im ein ander weib vnd sprach sy
solt im ein langes hemd machen oder er wolt sy auch spissen.

Item es komen in sein land pey drey hundert zigeñneren da nam 130
er die pesten drey auß in vnd ließ sy braten die musten die anderen
essen. Vnd sprach zu in also müst ir all an einander essen oder ziecht
an die türcken. Deß waren die zigeñner fro. an die türcken zu strei-
ten. Also ließ der dracole roß vnd man in kñeheüt klaiden. Da nun
die zigeñner an die türcken kamen Da schefüchten der dürcken roß 135
vor dem rauschen der kñeheüt vnd gaben die flucht an ein wasser.
do ertruncken der dürcken gar vil. also lagen die zigeñner ob.

Im ist ein mñch parfuser ordens reittend auff einem esel vntter
wegen begegnet. Do ließ der dracole den esel vnd den mñch auf
einander spissen 140

Item es wurden zu im geschickt etlich walhen. als sy zu im kamen do naigten sy sich vnd theten ir huet ab. vnd dy pirret darvnter behielten sy auf Do fragt er sy warumb sy die heublein auch nit ab theten Si sagten es wer ir gewonheit vnd theten sy gegen dem
145 kayser nicht ab Der dracol sprach ich will euch das besteten. tzu-
hant ließer in die pirret an die haubter starck an nagelen Damit
das in dy heublein nit ab fielen vnd ir gewonheit plib. also bestetigt
er das.

[4'] Item es sein zwen münch kummen in sein land die hat er ge-
150 laden sy sollen zu im kummen das geschach Do nam er denn einen
münch vnd fragt in was man guttes von im saget. diser münch
forcht sich ser vnd sprach Man sagt alles gutes von euch vnd ir seit gar
ein frummer herr das sag ich auch von euch Er hieß disen münch
behalten Vnd man pracht im den anderen münchen. der ward von
155 im befragt wie der erst. Do gedacht der ander münch ich muß doch
sterben. ich will im die warheit sagen vnd sprach Ir seit der gröst
wütrich den man mag vinden in der welt. vnd keinen menschen han
ich gesehen der euch ye gutes nach saget vnd das habt ir wol bewi-
sen. Do sprach der dracole Du hast mir war gesagt darvmb so will
160 ich dich lasen leben. vnd ließ in ledig. Vnd schickt wider nach dem
ersten vnd meint er würd im auch die warheit sagen Do sagt er wie
vor. Der tracol sprach nempt in hin vnd ließ in spissen von der
vnwarheit wegen.

Item er lies kinder praten die musten ire mütter essen. Vnnd
165 schnid den frawen die brüst ab die musten ir man essen Darnach
ließ er sy alle spissen.

Item er ließ all petler in seinem land ein gut mal bereiten. nach
dem mal ließ er sy in dem stadel darin sy geessen heten versperren.
vnd verprent sy all Er maint sy esen den leütenn das ir vmb sunst
170 ab vnd künnten das nit verdienen.

Pald darnach fieng in der künig in hungere vnd behielt in vil
zeit hertigklich gefangen. Darnach ließ er sich zu ofen taufen vnd
thet große pueß. Darnach machet der künig den Dracole wayda
wider zu einem herren als vor Vnd man sagt er deth darnach vil gu-
175 ter sach.

Volendet am tag Calixti Von marco ayrrer im Lxxxviii iare.

Приложение VII. Гравюры из печатных изданий



Илл. 1. Печатное издание Айрера, Нюрнберг, 1488 г.



Илл. 2. Печатное издание Вагнера, Нюрнберг, 1488 г.



Илл. 3. Печатное издание Готана, Любек, 1488-1493 гг.